

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

2 '93

НА БОЕВОМ ПОСТУ

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Юрий КИСЛЫЙ

ОГНЕННАЯ МЕЖА

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА

38

НА Боевом ПОСТУ

2'93

Издается с 1958 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВУТРЕННИХ ВОЙСК

В НОМЕРЕ:

■ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ	
КОРОВНИКОВ А. "... Быть полезным России, ...	2
■ ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО	
КИСЛЫЙ Ю. Огненная межа	7
СТУДЕНИКИН П. "На рассвете мы отправились домой..."	13
Заслон (о самообеспечении безопасности патрульных полицейских Германии)	18
■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ	
УШАР А. На дисциплинарном распутье	22
ПОЛОЗОВ А. "Помирать нам рановато..."	26
КОЗЛОВ И. Что готовит день грядущий?.. (письмо в номер и комментарий к нему)	28
МИРАНОВИЧ Г. Уставы на переходный период	30
■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ	
ДМИТРЕНКО С. Вы все, конечно, помните... (рассказ)	33
КАЛИНА П. "Меткою военной помечен..." (стихи)	39
ФЛЕМИНГ Я. "Мунрейкер", (роман, продолжение)	41
СОРОКИН Л. Из неопубликованного (стихи)	55
■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ	
НИСТРАТОВ И. Кикбоксинг: на ринге – вы Шахматный клуб	56
Клуб знакомств "Возможна встреча"	59
МИРОШНИЧЕНКО А. Стать хозяином на земле	60
	63

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.
Редакционная коллегия:
АМЕРХАНОВ В. Ш.
(зам. главного редактора),
АФАНАСЬЕВ В. В.,
БОРУКАЕВ Б. Р.,
ВОЛКОВ О. Л.,
ВОРОЖЦОВ В. П.,
КАЛАЧЕВ Э. В.,
КАРЕВ А. Н.
(ответственный секретарь),
КАРПОВ Б. В.,
КОЗЛОВ И. Т.,
КУДРЯШОВ В. И.
КУЗЬМИН Н. П.,
НЕЧАЕВ Е. А.,
ПАНКРАТОВ Л. А.,
ПЕЧЕВОЙ Л. Н.,
ПРОКОПЕНКО Н. Н.,
СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.
(зам. главного редактора),
СМИРНОВ Л. Л.,
УШАР А. Г.,
ФРОЛОВ В. С.,
ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель – МВД России.

Издатель – Главное управление командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1993

Сдано в набор 5.12.92 г. Подписано к печати 27.01.93 г.
Формат бумаги 70x1081/16. Усл. печ. л. 5,6.
Уч.-изд. л. 8,8. Зак. № 426. Тираж 20000.
Цена свободная.

Ордена "Знак Почета", типография "Красная звезда",
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление
Э. П. Копылова,
Корректоры
Е. А. Богданова,
Н. В. Емелина,
На первой странице обложки:
фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

**“...БЫТЬ
ПОЛЕЗНЫМ
РОССИИ”**

Председатель Комитета по делам инвалидов, ветеранов войны и труда, социальной защите военнослужащих и членов их семей, народный депутат России
А. В. КОРОВНИКОВ
отвечает на вопросы нашего корреспондента

— Александр Вендиктович, сначала, если можно, несколько слов о себе.

— Совершенно обычная, можно сказать, рядовая биография. Как пишут в этих случаях ваши коллеги: родился в семье военного, и поэтому выбор профессии был предопределен с младых ногтей. Окончил Высшее политическое училище МВД СССР и последовательно прошел все ступени служебной лестницы во внутренних войсках: замполит роты — заместитель начальника школы сержантского состава — заместитель командира учебного батальона — слушатель Военно-политической академии имени В. И. Ленина — заместитель командира части — начальник политотдела полка и наконец — народный депутат Российской Федерации.

— Есть такое присловье: гладко было на бумаге...

— Да забыли про овраги? Вы правы, не все давалось так легко и просто, как обычно отражается в автобиографии. И, пожалуй, самое трудное и хлопотное время — предвыборная кампания. Так уж получилось, что почти каждый второй житель района, где я, атеист и коммунист в ту пору, проходил службу, был верующим. И потому вольно или невольно эти люди относились ко мне если не с предубеждением, то уж во всяком случае с настороженностью и пристрастием. Немалую часть населения представляла интеллигенция, трезво оценивающая положение в стране и, не единожды обманутая в ожиданиях, недоверчиво относившаяся к любым заверениям и обещаниям кандидатов в депутаты. А нас было пятеро.

— И чем же конкретно вам удалось перевесить чашу весов в свою пользу? Иначе говоря: что было стержнем вашей предвыборной программы?

— Я полагаю, вы не ждете от меня наивно-самодовольного признания в том, что я оказался, вернее, показался избирателям достойнее как личность в силу тех или иных качеств и добродетелей?

— Безусловно, нет. Речь о другом: в любой избирательной кампании кандидаты обещают приложить максимум усилий, чтобы сделать жизнь людей лучше, даже те, которые понятия не имеют, как они будут после расплачиваться по выданным векселям. И все-таки выбрали вас.

— Мне кажется, мои уважаемые оппоненты чересчур увлеклись большой политикой. Они гарантировали в кратчайшие сроки, на мой

взгляд, нереальные блага и сказочные социальные льготы всем без исключения и, безусловно, немедленные радикальные экономические преобразования. Я, конечно, утрирую, но со стороны каждого из них все выглядело примерно так: в воскресенье вы отдаете мне свои голоса, а с понедельника жить станет лучше, жить станет веселее. Моя позиция была принципиально иной: я честно говорил, что радикальная экономическая реформа — дело не нескольких недель и месяцев, а по меньшей мере пяти лет и проведение ее потребует немалых усилий. И предупреждал, что процесс суверенизации республик, за которую все так ратовали, неминуемо приведет к распаду Союза и породит великое множество сложнейших проблем. Моя программа в основном была нацелена на переориентацию распределительной политики, создание условий для реального обеспечения нужд каждой социально уязвимой личности — детей, инвалидов, ветеранов, пенсионеров... Каким образом? Прежде всего за счет отказа, решительного и категоричного, от финансирования глобальных проектов, а точнее — проектов типа поворота сибирских рек и прочего громадьи планов. Куда важнее создать, например, индустрию детского питания или наладить производство отечественных лекарственных препаратов.

— Но, видимо, как и все кандидаты, вы отчаянно бичевали КПСС и советские органы управления, обвиняя их во всех грехах, — тогда этот аргумент был козырным тузом в руках многих потенциальных парламентариев?

— Может быть, еще и этим я отличался от своих оппонентов, что не клял с пеной у рта коммунистическую партию и социалистический строй, говоря об их недостатках столько же, сколько и о достоинствах. Нельзя — я убежден в этом и сегодня — выбрасывать на свалку истории все, что составляло смысл и суть жизни многих поколений. Нужен взвешенный, диалектический подход. И вдвойне безнравственно, когда наше прошлое предадут анафеме его бывшие конструкторы и творцы, — тому примеров несть числа. Трижды прав был мудрец, сказавший: если мы выстрелим в прошлое из пистолета, то будущее выстрелит в нас из пушки.

— Так, может, и избрание вас в Комитет по делам инвалидов, ветеранов войны и труда, социальной защите военнослужащих и членом их семей явилось следствием того, что львиную долю вашей программы составляли заботы о социально уязвимых слоях населения?

— Да, и еще на первом съезде народных депутатов мы вместе с Александром Владимировичем Рудкиным приступили к созданию такого комитета.

— Александр Венедиктович, как известно, проект Закона "О статусе военнослужащего", родился в вашем комитете. Расскажите, пожалуйста, как проходила работа над проектом?

— Идея возникла еще тогда, когда у России не было своей армии. Поэтому мы начали с подготовки законодательной базы, учитывающей интересы российских военнослужащих

в составе Объединенных Вооруженных Сил. Однако развал Советского Союза, создание собственной армии, взятие под юрисдикцию России наших воинских контингентов ближнего и дальнего зарубежья внесли некоторые коррективы в работу и заставили несколько изменить наши подходы. Но главное состояло в том, что члены комитета изначально четко представляли себе методологию формирования будущей юридической базы, и это помогло нам не сбиваться со взятого курса.

Кстати, поспешность здесь не менее вредна, чем медлительность. Взять, к примеру, Закон "Об обороне", принятый первым из всего пакета военно-законодательных актов: тут налицо как раз некоторое забегание вперед, немотивированный прыжок через несколько ступенек. Первоначально должно иметь законы об основах военного строительства и законодательства, о воинской обязанности и военной службе, о пенсионном обеспечении военнослужащих и другие. Ну коли уж так вышло, ничего не поделаешь, но, чтобы в дальнейшем не нарушать диалектическую и логическую последовательность, мы приступили к разработке проекта Закона "О статусе военнослужащего", в котором заложены государственные социальные гарантии людям в погонах. Думаю, в тот день, когда журнал "На боевом посту", с нашей беседой попадет в руки читателей, закон уже будет принят и введен в действие.

— Очень хотелось бы в это верить. И все же, Александр Венедиктович, давайте бросим ретроспективный взгляд и вернемся к ситуации, сложившейся осенью прошлого года вокруг проекта этого закона. После того как законопроект был рассмотрен на заседании Президиума Верховного Совета Российской Федерации, в нарушение существующей процедуры возникло предложение Комитета по вопросам обороны и безопасности включить законопроект "О статусе военнослужащего", составной частью в проект Закона "О воинской обязанности и военной службе". На чем все-таки основывалась ваша убежденность, что Закон "О статусе военнослужащего" должен был бы стать самостоятельным документом? Не дань ли это тому, что он родился в вашем комитете?

— Поверьте, личные амбиции здесь ни при чем. Мы неоднократно дискутировали и с председателем Комитета по вопросам обороны и безопасности Сергеем Степашным, и на коллегии Министерства обороны. И после долгих споров и жаркой, но конструктивной полемики наша аргументация была принята. Ее суть в следующем: в основу каждого законопроекта заложены принципиально различные конституционные нормы с присущим им специфическим механизмом реализации. Скажем, Закон "О статусе военнослужащего", устанавливает права, обязанности, ответственность военного человека, определяет платформу государственной политики по его социально-правовой защите. А Закон "О воинской обязанности и военной службе", определяет содержание воинской обязанности граждан, условия и порядок воинского

учета, призыва на военную службу, прохождения ее и так далее. Чувствуете разницу? При реализации конституционных основ каждого закона разрабатывается собственная нормативная база. Например, в Законе "О статусе военнослужащего" это — положения об офицерских собраниях и судах чести, о медицинском и санитарном обеспечении военнослужащих и членов их семей, об уголовной ответственности и порядке обжалования военнослужащими неправомерных действий начальников и командиров. В Законе же "О воинской обязанности и военной службе" это — положения о порядке прохождения службы офицерами и прапорщиками, форме одежды и знаках различия, воинском учете военно-обязанных и призывников, о порядке принятия военной присяги и многое другое. Поэтому попытка и желание слить воедино два самостоятельных проекта, во-первых, привели бы к определенной и очевидной декларативности его положений и, во-вторых, выхолостили бы их содержательную сторону. А это совершенно недопустимо, ибо речь идет о важнейших законах прямого действия.

Есть и чисто юридический аспект в нашей аргументации: вступивший в силу Закон "Об обороне", предусматривает функционирование двух самостоятельных законов — "О статусе военнослужащего" и "О воинской обязанности и военной службе".

И еще: с объединением законопроектов нарушается преимущественность прав и свобод человека, закрепленных Конституцией и Федеративным договором. Методология подготовки любого закона должна вытекать из неоспоримой истины: прежде всего — интерес личности, затем — общества и наконец — государства. В соответствии с этим и выстраиваются определенные ценностные приоритеты. Потому-то и в нашем законопроекте обосновывалась первейшая и главенствующая необходимость определения статуса гражданина, военнослужащего как субъекта, чьи интересы и гарантии обеспечиваются государством. Все остальное — вторично. А объединенный вариант законопроекта Комитета по вопросам обороны и безопасности во многом ограничивал права и свободы военнослужащего именно как гражданина своей страны. Это, согласитесь, существенное различие.

— Проще говоря, устойчивая словесная формула "человек в погонах", в данном контексте приобретает социально-гражданский оттенок. В вашем законопроекте доминировала идея, что прежде надо видеть человека, уж потом замечать погоны на его плечах. В альтернативном варианте Комитета по вопросам обороны и безопасности было, видимо, наоборот?

— Совершенно верно.

— И если учесть, что мы, несмотря ни на что, идем к созданию правового государства, то путь, предложенный вами, на мой взгляд, и вернее, и короче.

— Я рад, что вы правильно поняли мою мысль.

— Боюсь, что понял я не все: нет ли здесь определенного юридического казуса — вы разрабатываете законы, опи-

раясь на базовые требования Конституции СССР, то бишь несуществующего государства?

— Если бы это было действительно так, чего бы стоили все наши усилия?! Нет, мы исходим из основных постулатов проекта новой Конституции Российской Федерации, принятие которой, надеюсь, дело ближайшего будущего.

— А что бы вы могли сказать по поводу замечания председателя подкомитета по Вооруженным Силам Комитета по вопросам обороны и безопасности Алексея Царева, который, комментируя законопроект "О статусе военнослужащего", заявил: "С юридической точки зрения проект не выдерживал никакой критики. Что и подтвердило заключение Комитета по законодательству... Совместной работы не получилось"?

— Это абсолютно голословное утверждение. На совместном заседании двух комитетов мы серьезно проанализировали все спорные моменты и во время одного из последних обсуждений Алексей Юрьевич признал, что наш Закон "О статусе военнослужащего", полностью отвечает его требованиям как депутата и законодателя. И, думаю, это справедливо, ведь наш законопроект, опубликованный в печати, был обсужден во всех воинских коллективах. Мы получили около полутора тысяч писем с конкретными предложениями, добрую половину из которых учли при доработке документа. Словом, мы понимали главное: жить по этому закону всем тем офицерам и прапорщикам, которые несут сегодня службу в различных регионах России.

— Ваш комитет работает в постоянном контакте с различными структурами Вооруженных Сил, министерствами и ведомствами. Теснейшие, надо полагать, связи у вас и с Министерством обороны Российской Федерации. Поэтому как бы вы расценили позицию министерства в ситуации с законопроектом "О статусе военнослужащего"? Помните, вначале военное ведомство поддержало его, и "Красная звезда", на своих страницах опубликовала текст проекта. Когда же стало известно, что в Верховном Совете разработан проект объединенного закона, включающего в себя положения о статусе военнослужащего, произошла странная метаморфоза — позиция Министерства обороны резко изменилась.

— Буду предельно откровенен: мне и моим коллегам порой кажется, что Министерство обороны еще толком не определилось в том, чего же оно хочет. В любом мало-мальски цивилизованном государстве именно Министерство обороны выступает заказчиком у парламента на проведение насущных законов, касающихся людей военных, в жизнь. По идее, министерство следовало разработать законопроекты и выйти со своими предложениями в соответствующие комитеты и комиссии Верховного Совета. А уж мы бы, в свою очередь, детально проанализировав пакет представленных документов и взвесив все за и против, помогли бы им избежать

каких-либо недоработок, указали бы на возможные принципиальные недостатки, посоветовали, какие положения необходимо дополнить или кардинально изменить. И только после полного одобрения комитетом вынесли бы законопроекты на заседание Президиума Верховного Совета. К великому сожалению, пока такого в парламентской практике не наблюдается, хотя мы и прилагаем все усилия к тому, чтобы два комитета Верховного Совета, Министерство обороны, Министерство внутренних дел и Министерство безопасности работали по единому, четко скоординированному плану законодательской деятельности. И мне кажется, что не впустую: в последнее время стороны пришли к осознанию необходимости консолидации сил. Заминка за малым — чтобы за словом последовало дело. Но, подчеркиваю, начало положено.

— Конъюнктурный вопрос: надеюсь, с Министерством внутренних дел взаимопонимание достигнуто?

— Однозначно — да.

— Александр Венедиктович, газетные и журнальные страницы пестрят публикациями, в которых с тех или иных позиций авторы полемизируют, что должно быть на первом месте для военного человека — защита Отечества или льготы...

— Так и хочется на подобные труднообъяснимые, с моей точки зрения, рассуждения ответить словами одного из персонажей бессмертного произведения Ильфа и Петрова: «Я думаю, торг здесь неуместен... А если говорить серьезно, то бессмысленно и, пожалуй, недостойно рассуждать о том, что приоритетнее — защита Родины или льготы, ибо это надуманное, искусственное разделение находящегося в неразрывной связи понятий. Извините за, может быть, неоригинальный пример, но те, кто поднимался в атаку в 41-м под Брестом, вряд ли думали о льготах, которые им причитаются в военное время. С другой стороны, это вовсе, повторяю, не означает, что служба человека в погонах, глубинной сутью которой является постоянная готовность к самопожертвованию во имя своего народа, не должна совершенно по-особому оцениваться государством. Подчеркиваю: совершенно по-особому. Отсюда — и статус, и льготы, и гарантии, и все остальное.

Тем не менее у нас нередко об этом забывают, следуя старой, атактичной и доказавшей свою несостоятельность теории и практике: «Не государство для человека, а человек для государства... Полагаю, что в этом непонимание сути тех реформ, которые провозглашены и становятся явью, и в частности, того обстоятельство, что в эпицентре всех военно-законодательных преобразований — интерес конкретного человека с ружьем, а не ружья в руках абстрактной штатной единицы, которую с легкостью можно соотнести с ей же подобными единицами и объединить в привычную и безликую армейскую категорию — «личный состав». Разница колоссальная: у военнослужащего есть мать, дети, душа, боль, голод, раны... У личного состава — жилой казарменный фонд,

политико-моральное состояние, степень боеготовности, тыловое обеспечение...

— В последнее время, Александр Венедиктович, мы часто слышим о лоббизмах в нашем Верховном Совете — в связи то с «генералами военно-промышленного комплекса», то с «консерваторами — противниками радикальных реформ», то с другими устойчивыми группировками, якобы пытающимися влиять на решения парламента в своих интересах. А произошло ли вам и вашим коллегам по комитету испытывать подобное давление?

— Вероятнее всего, я удивлю вас, отметив, что нас, членов комитета, в определенной степени тоже можно назвать лоббистами. Ну в известном смысле, разумеется. В частности, в решении тех проблем, которые касаются внутренних войск России. И здесь за примером далеко ходить не придется: до недавнего времени внутренние войска в вопросах финансирования не были прописаны отдельной бюджетной строкой. Какая-то сумма денег, конечно, предназначалась для их нужд, но она составляла лишь малую часть общего бюджета МВД. И каждый раз командующему войсками и его заместителям, допустим, для решения острых жилищных проблем приходилось обивать пороги различных кабинетов Министерства внутренних дел, обосновывая необходимость очередной денежной инъекции. Наш комитет способствовал коренному изменению этой ситуации: с 1 января 1993 года, как вы уже, наверное, знаете, бюджет внутренних войск самостоятелен и свят. Никто, даже министр внутренних дел, не правомочен взять оттуда ни копейки.

— Хорошо бы подобным образом решить вопрос и с Министерством обороны, чтобы комплектование внутренних войск шло не по остаточному принципу, а целенаправленно.

— Подготовлен не один — целый ряд таких законодательных актов. И совсем недавно на заседании Президиума Верховного Совета России принято решение поддержать предложение командующего внутренними войсками о целенаправленном призыве юношей во внутренние войска, скажем так, минуя Министерство обороны. Кстати сказать, на этом же заседании Комиссии по бюджету, плановым налогам и ценам, Комитету по вопросам обороны и безопасности рекомендовали совместно с другими структурами изыскать возможности финансирования перехода внутренних войск на комплектование по контракту в добровольном порядке в счет бюджета 1993 года.

Что еще? На законодательном уровне мы обязали руководителей всех объектов, которые охраняются внутренними войсками, властные структуры на местах исполнять до издания новых нормативных актов ныне действующие постановления Совета Министров. И взяли этот вопрос на особый контроль. А то до чего дошло — людям практически вообще перестали давать квартиры: военнослужащих, как церковь на заре Советской власти, отделили от государства.

Внесли мы посильную лепту и в подготовку Указа Президента о мерах по усилению со-

циальной защищенности военнослужащих внутренних войск и сотрудников органов внутренних дел.

Но бывает и так, что все приходится откладывать на потом, чтобы немедленно помочь совершенно незнакомому, но оказавшемуся в беде человеку — ведь в комитет постоянно приходят письма от военнослужащих внутренних войск.

— Видите, какая любопытная картина вырисовывается: мы уже привыкли, что любое лобби в Верховном Совете — это плохо. А на деле оказывается, что без таких "лоббистов", как вы и ваши коллеги по комитету, внутренним войскам пришлось бы туговато. Вернее сказать, намного хуже, чем сейчас.

— Было бы удивительно, если бы я, офицер внутренних войск, оставался в стороне от их насущных проблем.

— Кстати, ваше воинское звание?

— Уже год как полковник.

— Дабы систематизировать и развить затронутые в нашей беседе проблемы — традиционный вопрос: что в планах работы Комитета по делам инвалидов, ветеранов войны и труда, социальной защите военнослужащих и членов их семей?

— В повестке дня — законы о социальных гарантиях инвалидам на территории Российской Федерации, о ветеранах труда, воинах-интернационалистах, Героях Советского Союза и Героях Социалистического Труда — они сегодня оказались в несколько странной ситуации, о Героях России и полных кавалерах орденов Славы и "За службу Родине в Вооруженных Силах СССР", и ряд других законодательных актов.

Очень нужное дело, которым мы сегодня вплотную занимаемся, — подготовка закона о мерах по обеспечению безопасности важных государственных объектов, которые охраняют внутренние войска. Мне бы очень хотелось, чтобы к тому времени, как этот номер журнала увидит свет, закон был принят. Во всяком случае, все от нас зависящее будет сделано.

Кроме того, мы намерены и впредь активно участвовать в разработке правительственных федеральных программ, особенно тех, которые касаются помощи социально уязвимым слоям населения.

— Словом, "труда бескорыстного не впроворот". И все это требует времени. Кстати сказать, до избрания народным депутатом России вам, начальнику политотдела полка, наверняка приходилось мириться как минимум с двенадцатичасовым рабочим днем. А сколько времени вы проводите на службе сейчас?

— Бытует мнение, что человек, который не в состоянии четко организовать свой рабочий день, — неважный специалист и уж во всяком случае в руководители не годится. Думаю, что это ценимое мною правило срабатывает лишь при условии, что обстановка, в которой трудиться, устойчива, безаварийна и бескризисна. Полагаю, нет нужды объяснять вам, что именно стабильности-то мы лишены — страна на грани социального

взрыва. И потому зачастую я провожу на службе не меньше времени, чем раньше, да и работаю в более напряженном ритме. Это попутно ответ и всем тем, кто полагает, что у народного депутата легкий хлеб.

— Редкое интервью ныне обходится без провокационного вопроса — дань моде и времени. Вот и я припас его, можно сказать, на посошок: дай вам Бог, Александр Венидиктович, долгие и долгие годы плодотворно трудиться на законотворческом поприще, но ведь нет никаких гарантий, что по истечении срока депутатских полномочий вас изберут повторно. Всякое может случиться...

— Что ж, и такой вариант не исключен.

— Не думали ли вы о том, что рано или поздно (я повторяю — возможно) придется вернуться во внутренние войска, с тем чтобы продолжить службу непосредственно в воинском строю?

— Что значит — вернуться в войска? Я их и не покидал. В соответствии с законом по истечении депутатского срока я обязан вернуться на должность не ниже той, которую занимал до избрания.

— То есть должность начальника политотдела, вернее — заместителя командира полка по работе с личным составом вам обеспечена?

— Безусловно. Однако надеюсь, что будет учтен опыт, приобретенный за годы работы в Верховном Совете, опыт члена Президиума Верховного Совета России, председателя Комитета по делам инвалидов, ветеранов войны и труда, социальной защите военнослужащих и членов их семей — это серьезная школа. Но, в принципе, готов служить везде, лишь бы быть полезным России. И это не громкие слова, поверьте, Россия устала от болтовни.

— Спасибо за откровенность.

ОТ РЕДАКЦИИ. Пока беседа готовилась к публикации, стало известно, что принят Закон Российской Федерации о статусе военнослужащих.

41

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

ОГНЕННАЯ МЕЖА

Эту войну ждали. К ней готовились. Давно. Почти в открытую. На рынке в Назрани "стволы", продавались так же обыденно, как помидоры и хурма. В Северной Осетии по решению Верховного Совета республики спешно формировались отряды народного ополчения. Но пока не грянул гром, многие из тех, кто должен был — и, уверен, мог — предотвратить кровопролитие, усыпляли свою бдительность надеждой: авось пронесет.

Не пронесло. Увы...

31 октября. В 6.25 группа ингушей в количестве 300 человек напала на КПП у села Чермен. В завязавшей перестрелке ранены двое военнослужащих. Остальные разоружены.

Спустя полтора часа в Чермене взорвано и сожжено здание отделения милиции, имеются убитые и раненные сотрудники.

Направленные в помощь личному составу КПП 6 батээров взяты в кольцо полутьсячной толпой. Военнослужащие разоружены и объявлены заложниками.

Ингушскими формированиями полностью блокирован райцентр. К 14 часам боевики продвинулись к северо-восточной окраине Владикавказа.

В селе Комгарон осетинами захвачен учебный центр Владикавказского высшего военного командного училища МВД. Убиты двое курсантов.

1-2 ноября. Активные боевые действия в ряде населенных пунктов Пригородного района. Во Владикавказе снайперы обстреливают граждан и проходящий автотранспорт.

Подразделения внутренних войск пытаются стабилизировать обстановку.

3 ноября. Силы правопорядка совместно с отрядами республиканской гвардии и народного ополчения продолжили боевые действия по освобождению сел, занятых ингушскими вооруженными группами.

Войсками блокированы основные очаги военного противодействия. Обеспечивается режим комендантского часа.

4 ноября. Ночью ингушские боевики пытались захватить освобожденные накануне населенные пункты. К 18.00 войсковые подразделения, милиция и отряды ополчения освободили село Куртат и поселок Дачнов. Под контролем боевиков — северо-восточная часть Чермена.

Произведен первый обмен заложниками.

В 20.00 повсеместно прекращен огонь.

(Из хроники конфликта)

УТРОМ 4 ноября к оборонительной позиции на окраине Владикавказе подъехала автоколонна в сопровождении двух БТРов с широкими белыми полосами на броне и белыми флажками на гибких прутьях антенн.

Белый цвет — отличительный признак миротворческих сил, об этом оповещены вооруженные формирования противоборствующих сторон. Но полагаться на сознательность боевиков — все равно, что требовать от них соблюдения правил спортивного поединка во время кровавых стычек: жестокость и коварство на «фронтах», пересекающих сельские улицы и огороды, поистине не знают границ. Два метких выстрела из гранатомета — и машины с заложниками останутся без броневого прикрытия. Апеллируй потом хоть к приказу коменданта, хоть к международному праву — вряд ли усовестишь затаившихся в засаде бандитов.

Нет, пока идет война, лоскутья простыни на антеннах — не самый надежный оберег. Главная ставка — на боевые качества командира и десанта за броней, авторитет лидеров, гарантировавших безопасность заложников в пути следования. Да еще на госпожу Удачу: будь нынче доброй к служивым, ваше благородие.

Начальник штаба части дивизии имени Ф. Дзержинского подполковник Юрий Блинов, возглавляющий группу сопровождения, кажется живым воплощением воли, сжатой в кулак.

— Ситуация: на улицах Дачного — бои, в Чермене тоже постреливают, а мне через эти села везти людей, — НШ нервно тербит ремешок шлема «сферы», у подбородка. — Кто поручится, что боевики сдуру или спяну не начнут лупить по броне?.. Прорвемся?!

И неясно: спрашивает или утверждает...

Взревев двигателями, головной бэтээр с начальником штаба стремительно уходит в сторону Дачного, где томятся сотни ингушей, захваченных осетинскими формированиями.

До уточнения данных о численности пленников, возможностях беспрепятственного проезда к пункту обмена колонна ЗИЛов остается ждать на оборонительном рубеже.

Четвертые сутки не покидают эти позиции бойцы ОМОНа и милиционеры отдельного батальона патрульно-постовой службы. Асфальт и обочина у перегородивших дорогу бетонных блоков густо усеяны разнокалиберными гильзами.

— Несколько раз бандиты «доставали» нас с фронта, пытались просочиться на правом фланге — со стороны птицефабрики. А вон оттуда, — указал рукой подполковник милиции Владимир Цуциев, — вели огонь их снайперы и пулеметчики. Мы были готовы держаться до последнего. Отступать куда? На улицы города? Но здесь был еще не самый трудный участок. В Чермене, например, всю тяжесть удара агрессоров приняли сотруд-

42

ники поселкового отделения милиции. Сколько их было? Горстка!

— Ингуши воевали как, знаете? — возбужденно зашумели окружившие нас милиционеры. — Вышибли их с позиций — смотрим, а в окопах полно использованных одноразовых шприцев. Наркотой кололись, чтоб веселей было в бой идти...

Справа от дороги то нарастает, сливаясь в сплошной грохот канонады, то рассыпается пунктиром залпов и очередей тяжелое уханье "Алазаней", захлебывающийся лай крупнокалиберных пулеметов, еле слышный на расстоянии сухой треск "калашниковых".

Фрагмент мозаики трагических событий. Приметы войны, разбросанные по карабахским, приднестровским, грузинским, таджикистанским матрицам. Оборонительный рубеж... Атака с фронта... Огонь пулеметчиков... Готовность стоять насмерть... Заложники... Но теперь уже все это происходит в нашем российском доме. Теперь это и мы, Господи!

Команда "По машинам!". Несколько минут бешеной гонки по вымершей трассе. И вот она, окраина Дачного. Мирное название села на дорожном указателе вливается в сознание диссонансом стоголосому крику-плачу-стону толпы, запрудившей узкую полосу асфальта.

Надрывный голос армейского генерала тонет в этом гуле, как в грохоте камнепада:

— По решению осетинских органов власти вы объявлены заложниками и будете эвакуированы в Назрань для проведения обмена. Отъезд — незамедлительно. Поймите, мы заботимся о вашей безопасности!

— Армия должна защищать российских граждан, а вы с нами поступаете хуже, чем при Сталине! — ответный взрыв эмоций.

Лишь угроза применить силу для наведения порядка слегка пригасила кипящие страсти.

А сил — хватает. Даже с избытком. На раскисшем поле справа и слева от дороги — танки, БМП, всеокружающие "Шилки", из-

готовленные для стрельбы по наземным целям. Над траншеями и одиночными окопами мелькают саперные лопатки: мотострелки основательно зарываются в землю.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ БЛОКНОТА:

Не дает покоя вопрос: почему нельзя было в самом начале конфликта поддерживать милицию, войска и гвардию армейской броней, один вид которой мог бы остудить горячие головы самых оголтелых ингушских экстремистов, с одной стороны, осетинских мародеров и погромщиков — с другой? Ведь целый корпус под боком, самолетов для оперативной переброски людей и техники не требуется. А выигранное время — это спасенные жизни, сохраненные дома, это вера в способность державы защитить граждан от насилия и произвола.

Увы, дают о себе знать старые синдромы. Долго запрягаем. И потом сломя голову мчимся догонять вчерашний день. Порой не разбирая дорог.

— Я служил в армии и знаю, что такое огонь прямой наводкой. Таким огнем, в упор, танки крушили наши дома, — горестно покачал головой пожилой ингуш — хозяин "Нивы", крайней в длинной веренице прижавшихся к обочине машин. — А за танками и броневиками цепью шли осетины и стреляли по беззащитным людям.

Пройдет немного времени, и о жесткой тактике военных во всеуслышание заявит авторитетный и уважаемый в армейской среде народный депутат, исполнявший обязанности главы временной администрации в Ингушской Республике. "При вводе войск в Пригородный район российские солдаты разбомбили четырнадцать сел ингушей", — его слова.

Не в защиту тех, кто, подавляя огневые точки, бил не глядя по площадям, — но: почему-то отдельные журналисты и национальные лидеры, торопясь навешать всех собак

на военных (старая песня!), забывают, что не люди служивые первыми начали клацать затворами, что к прибытию армейской группировки в селах района уже шли ожесточенные бои с применением бронетехники и артиллерийских систем — и "мягкое" разделение "противоборствующих сторон", привело бы в этих условиях к многократному увеличению и без того больших потерь со стороны военнослужащих (или в масштабах международных конфликтов жизнь русского солдата совсем утратила цену?).

— Можно начинать посадку! — послышался голос Блинова. — Легковые машины с беженцами следуют за вторым бэтэром. Все, время не ждет!

Протиснувшись через живой заслон, подполковник спешит к головной броне. О результатах выяснения обстановки можно не спрашивать. Тень тревоги на лице энша красноречивее любых слов.

— Нападение на группу блокирования, товарищ подполковник! Десятый подбит! — сидящий на броне старшей торопливо протянул начальнику штаба шлемофон. — Передает, в зад долбанули.

Ругнувшись, Блинов сорвал с головы "сферу".

— Люди целы, Десятый? А двигаться можешь? Хорошо! Вывести "бэтр" из-под огня, ответить всем оружием!

Тем временем людской водоворот, бурливший посреди дороги, пестрыми ручьями разлился вокруг грузовиков. Солдаты осторожно помогают женщинам и старикам взобраться в кузова.

Второй раз эти люди вынуждены покидать родную землю. Тогда, в сорок четвертом, их судьбу решил "кремлевский горец". Кто виноват на этот раз в ингушской (а равно и осетинской) трагедии? Узнает ли история их имена?

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ БЛОКНОТА:

На чьей совести, к примеру, шестой пункт Закона "О реабилитации репрессированных народов", давший толчок идее перекройки государственно-национальных границ, — мина замедленного действия, подложенная, несомненно, с самыми благими намерениями в уже взрыленную почву?

А кто ответит за то, что с момента создания Ингушской Республики там образовался вакуум власти, в котором вольготно почувствовали себя политические авантюристы всех мастей, толкавшие народ к вооруженному нападению на соседей?

Кому было выгодно "не заметить", объединенной сессии народных депутатов Ингушетии 24 октября 1992 года, санкционировавшей создание боевых отрядов на территории Пригородного района?

Все трагедии — и на сцене, и в жизни — имеют авторов, режиссеров, исполнителей. Последние в основном и попадают в поле зрения следственных органов. Под-

нимет ли сейчас свою планку державная Фемид?

Истина по-прежнему скрыта за частоклоком вопросительных знаков.

ДВИНУЛИСЬ. Откуда-то сбоку, из-за деревьев, на дорогу с лязгом выполз танк, занял место в голове колонны. Блинов связывается по радию с командиром приданной брони: приказ — быть в готовности к подавлению любой цели, угрожающей безопасности беженцев.

К счастью, тратить снаряды не пришлось. Беспрепятственно проехали участок дороги, где, по ориентировке армейцев, предполагалась засада ингушских боевиков. Невредимыми преодолели черменский мост: "Танк, малые обороты! Смотри в оба, могут быть мины!". В центре поселка, правда, пришлось пережить несколько неприятных минут. Дорогу преградил вынюхавший из переулка БТР, в тот же миг колонну окружили какие-то мужики воинственно-партизанского вида. Подав знак прильнувшему к прицелу наводчику, энша откинул крышку люка: "Мы — миротворческие силы. С кем имею дело?". Оказывается, с ополченцами Осетии: "Извини, командир, всех проверяем... Проезжай, путь свободен!".

Когда впереди показался черменский перекресток, залпом бированный танками и бэмпэшками (отсюда до Назрани — рукой подать), Блинов разделил колонну, приказав командиру второго бэтэра придержать частные машины: "Подстрахуемся на всякий случай, как бы нас тут не надули".

Хорошая интуиция для офицера и дипломата что клад золотой.

Пустели кузова ЗИлов — и уполномоченные из ингушской столицы открыли козырные карты:

— Вы беженцев привезли, а не заложников, поэтому ни о каком обмене и речи быть не может.

— Что ж, — пожал плечами энша, — тогда ингушей на личных машинах возвращаю в Дачное и докладываю командующему о нарушении вами договора.

Два часа длилась "дипломатическая дуэль". В конце концов верх одержали терпение и выдержка офицера. Поздно вечером на перекрестке затормозил автобус с узниками.

Сорок осетин на тысячу ингушей — с таким результатом закончился первый обмен заложниками. До взаимного признания гуманного принципа — менять "всех на всех", враждующим сторонам предстояло пройти долгий путь.

— Трудным был денек, — вырвалось у меня, когда, возвратившись в полк, зашли в канцелярию погреться чаем.

— Трудным? Может быть, — сухо ответил подполковник Блинов. — Но были и покруче. Тридцать первое октября, например. Самый черный день в моей службе...

Он помолчал. Потом произнес тоном уверенного в своей правоте человека:

— Пусть меня в чем угодно обвиняют, только не было в тех обстоятельствах другого выхода. Рубануть по толпе из пулеметов? Но как потом расхлебывать кровавую кашу?

Подробности. В 7.30 на шести «бэтрах», отправились выручать попавших в заложники бойцов с черменского КПП. Генерал из войсковой оперативной группы уехал вперед — спешил на переговоры с ингушскими лидерами. На южной окраине Чермена бронегруппу окружила многочисленная толпа: вооруженные боевики, женщины, подростки — точь-в-точь карабахский вариант. Мы открыли огонь в воздух — ноль эмоций. Сдавайтесь, кричат, иначе все ваши бэтэзры взлетят на воздух. И показывают противотанковые гранаты.

Повторяю, мог приказать: «К бою! Огонь!». И тем самым подписать смертный приговор заложникам, погубить своих бойцов за броней. Вызвать бурю на всем Северном Кавказе: русские солдаты расстреливают ингушских женщин и детей. Попробуй потом докажи, что эти «дети», лезли под колеса с гранатами.

Вот так мы оказались в шкуре заложников. А техника и оружие попали в руки боевиков... Как вспомню об этом... Одно утешение: людей сохранил...

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ БЛОКНОТА:

Солдаты предложили иной выход из этой драматической ситуации. «Лучше погнубить всем, но спастись от позора», — сказали рядовые Сергей Маслобоев, Александр Козлов и Александр Зуев.

Вело ли решение сдаться боевикам к потере воинской чести? В тех трижды проклятых обстоятельствах. А может, справедливее поставить вопрос по-другому: как сберечь и жизнь, и честь служивого человека, оказавшегося меж двух огней? Чтоб не приходилось ему в роли стрелочника отвечать за просчеты политиков и военных стратегов.

«Внутренние войска — убийцы и оккупанты. Они на стороне осетин!», — кричат на митингах в Назрани и, грубо попирая статус миротворческих сил, нападают на малочисленные КПП, бронегруппы.

«Внутренние войска — предатели!», — тычут пальцами крутые ребята из Северной Осетии. И вероломно блокируют курсантов в учебном центре, требуя выдать «стволы» и боеприпасы.

От многих офицеров слышал: пора менять тактику действий в условиях режима чрезвычайного положения. Те же злосчастные КПП. Они стояли больше для виду, как памятники штабным перестраховщикам. Службу там несли с единственной задачей — прикрывать местных стражей порядка. А многие из них тем временем иабивали мощну, пропуская в обе стороны машины с оружием. Вмешаешься — получишь по шапке от родного командования. «Верхи», жили одной заботой: не

дай Бог «неосторожными действиями», спровоцируем конфликт, а посему — держаться тише воды, ниже травы. С другой стороны, КПП — лакомый кусочек для боевиков. Применять оружие на поражение строго-настрого запретили. Но ведь никто не отменял Устав боевой службы, Закон о правовом режиме ЧП. Там все по пунктам расписано. Боялись «кабычего-невышло», а расплачиваться пришлось рядовым солдатам и офицерам — заложниками, оружием, бронетехникой. И самым бесценным — жизнями!

Если б вместо КПП поставили сторожевые заставы и дали возможность действовать самостоятельно — у экстремистов было бы иаиного меньше шансов прорваться в Пригородный район. Имеются средства и для страховки бронегрупп от агрессивных намерений толпы. Но карабахский урок не пошел впрок.

Услышат ли в высших эшелонах голос «низов»? Хотя какое это теперь имеет значение? Дорого яичко к Христову дню. А «низы»... Пошумят в кулуарах и успокоятся. Привык служивый безразлично нести свой тяжкий крест. Его подставляю — он терпит. Называют предателем и убийцей — стиснув зубы, молчит. И правит службу, спасает мирных людей, разоружает преступников, находясь порой в таких невыносимых условиях, что снять бы перед ним шапку да поклониться в пояс...

К сему еще один сюжет.

— НЕ ПОВЕЗЛО вам. Глебович минут сорок назад увел бронегруппу к перевалу, — пружинисто соскочив с головного бэтэзера, подполковник в шлемофоне протянул руку. — Фомченко. Начальник штаба бригады... Свежих газет, часом, не привезли? Жаль. А то мы вторую неделю — на голодном информационном пайке, того и гляди одичаем.

Знать бы, что военные, заброшенные на третий комендантский участок Пригородного района, так стосковались по печатному слову, охотно сыграл бы роль почтальона, подумал я, досадуя на свою недогадливость, а заодно неласковым словом помяная медлительную оказию: пока добирался до учебного центра общевойскового командного училища — пункта временной дислокации двух частей внутренних войск, от бээмпзешек подполковника Михаила Глебовича остался только гусеничный след на вязком черноземе.

— В горах вроде бы засекли отряд боевиков на бронетехнике, — на всякий случай уточняю у начштаба информации, на основании которой отдано боевое распоряжение.

Подполковник Фомченко неопределенно пожал плечами.

— Поживем — увидим. Воздушная разведка — вещь убедительная, слов нет. Только с земли все же виднее. Разберется Глебович. В случае чего, — он окинул взглядом колонну

бэтээров, выстроившихся серпом у кромки поля, — наш резерв — в полной боевой...

Для поднятия духа офицеров можно было бы проинформировать, что в ВОГ прибыл большой отряд специалистов по работе с личным составом (завалят газетами), в ближайшие дни начнет активно действовать коммандатура участка (установив тесный контакт с местными органами власти, подсобит в обустройстве частей), что изучением проблем тылового обеспечения войск в зоне конфликта занимается добрая дюжина работников Главного управления материально-технического и военного снабжения МВД России — словом, не сегодня-завтра с временными трудностями будет покончено.

Но когда разговор касается заботы о военных, брошенных в пекло гражданской войны, лучше прикусить язычок. На фоне даже «временных» лишений и тягот, которые иной раз «достаю», похлеще, чем пули и гранаты экстремистов, все обещания «поправить дело», звучат так же фальшиво, как клятвы известных политиков, заверявших россиян, что к концу года «жить станет веселее». Слишком часто обещания повисали в воздухе. То ли по вине шибко объективных обстоятельств, то ли по забывчивости высоких чинов: все равно война спишет недостаки...

Вершины гор, увенчанные снежными папачами, быстро тонут в сумерках. Взглянув на часы, подполковник Станислав Фомченко с юношеской легкостью проскользнул в люк бэтээра. В эфир полетели позывные...

Через несколько минут губы энша тронула чуть заметная улыбка.

— Отбой! У Глебовича — полный порядок, возвращается с миром. Пора и резерву на отдых, — кивок в мою сторону: — Если вы не из брезгливых, милости прошу посмотреть на наше житье-бытье.

То, что открылось взору в казарме учебного центра, с трудом поддается описанию. Почти во всех оконных рамах вместо стекол красуются изодранные матрасы. По спальному помещению с облупленными стенами разгуливает колотун. На кроватях нет ни одеял, ни подушек, ни постельного белья...

— Условия, как видите, близкие к скотским, — вздохнул зам. командира части по работе с личным составом подполковник Анатолий Медведев. — Живем без тепла, без света, без воды. Вчера закончился дождь — два дня лил не переставая. А обсушиться нигде. Так и укладывались в кровати в мокром обмундировании. Хорошо, захватили с собой спальники, без них... — он сделал паузу, с наслаждением скидывая тяжелый бронезилет, пошевелил затекшими плечами. — Без них бы совсем худо пришлось... Выданные здесь матрасы оккупированы вшами. В баньку бы! Но об этой роскоши приходится только мечтать. Когда выезжали из части, надеялись на местное обеспечение, поэтому тыловой «обоз», был минимальным и бэтээры на марше напоминали навьюченных верблюдов... Никто и предположить не мог, что в учебном центре училища ждут такие сюрпризы. Если не подыщут более

подходящего помещения, придется самим варить буржуйки, строить баню... Как-нибудь выкрутимся. Не первый раз начинаем обустройство с нуля.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ БЛОКНОТА:

Позже узнал: подчиненные подполковника Фомченко справили «новоселье», в Тарском. Но с баней по-прежнему туго. Что стоило в состав колонны включить имеющиеся в бригаде машины APC и ДДА, с помощью которых в походных условиях можно не только сносно помыться, но и попариться? Нет, сверху поступило распоряжение: баню на колесах оставить, дабы не гробить технику.

Машину, стало быть, жалко. А человек может перебиться и без «высочайшей» заботы: спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Наш разговор прервал оглушительный грохот бэмпэшек. Глебович вернулся.

Часть подполковника Глебовича располагается в соседней казарме в таких же убогих условиях. Глухая тоска накатывает от одной мысли, что люди возвращаются сюда на отдых после напряженной службы, не имея возможности даже помыть руки и обсушиться.

В глазах командира — затаенная боль. За своих бойцов, обреченных на прозябание без тепла и воды. А еще, наверное, от пережитого во время операции в горах.

— Нет там никаких боевиков. Одни беженцы из Тарского. Когда началось кровопролитие, около двух тысяч человек ушли в горы, чтобы переждать там трудные времена и затем вернуться. Но путь назад был для них отрезан. И горными тропами люди подались в Ингушетью. В лагере остались самые слабые, кому перевал взять не под силу. Без нашей помощи они погибнут.

На следующий день вертолеты внутренних войск доставили на черменский перекресток 90 беженцев из села Тарское. Шел пятый день тревожного затишья после договора о прекращении огня. Впрочем, это уже другая история...

Подполковник Ю. КИСЛЫЙ.

“НА РАССВЕТЕ МЫ ОТПРАВИЛИСЬ ДОМОЙ...”

К 4-й годовщине вывода советских войск из Афганистана

Размышления об афганской войне, которые мы предлагаем вашему вниманию, принадлежат перу полковника Петра СТУДЕНИКИНА, нашего боевого товарища, о безвременной кончине которого мы рассказывали в конце прошлого года. Будучи военным корреспондентом, он не раз ходил “за речку”, с колоннами, принимал участие в боевых операциях, попадал в засады, бывал “в гостях”, у душманов. Уже дома хватался за сердце в главлитовских кабинетах, отстаивая свое законное право на слово правды о той войне. Всею душой переживал за своих друзей, раненых и убитых, знаменитых и забытых. И его сердце в конце концов не выдержало... Кроме боевых орденов остались его очерки, репортажи, пахнущие порохом.

Поводом для того, чтобы вновь “пройтись” по знойным афганским дорогам и тропам, послужило вот это письмо.

“Прошло несколько лет, как я вернулся, — пишет старший лейтенант Сергей Ишков, — а меня Афганистан не отпускает. Один и тот же сон: бой в горах, дождь... Мы с царандоевцем (царандой — милиция в РА, а я — советник) неуждимо сползаем в пропасть. Нас могли бы спасти наши десантники, но они или не знают, как это сделать, или просто трусят. Потому что они еще никакие не десантники: их призвали, выдали тельняшки и голубые береты, на аэродроме перед погрузкой заставили расписаться, что присягу приняли, и вот они здесь — в Афгане, в бою. Кошмар!

Я просыпаюсь от этого кошмара — но ведь все так и было: и бой, и мальчишки-десантники, которые все-таки тогда каким-то чудом выручили нас (слава им!). Долго прихожу в себя и вновь эти проклятые вопросы: почему мы там оказались? почему у нас брали подписки “о неразглашении...”? почему солдат так плохо кормили? почему не по-людски хоронили “павших смертью героя”? почему, почему, почему?..

Как мы тосковали там — на чужой горячей земле — по Родине! Мечтали о том дне, когда все это кончится, когда вернемся домой”.

ДА, ТАК ВСЕ И БЫЛО: и необученных мальчишек (разве можно за полтора месяца из вчерашнего школьника сделать солдата?) в течение нескольких лет направляли на эту войну, и кормили их отвратно... И все мы, не сомневаясь в этом, думали о том дне, когда покинем этот “проклятый Афган”.

И он — этот ДЕНЬ — наступил, только не все до него дожили.

**КАНДАГАР. АВГУСТ 1988 года.
ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ.**

Не могу до конца поверить, что с тем же десантно-штурмовым батальоном, с которым в 1980 году ходил отсюда, с Кандагара, на боевую операцию на пакистанскую границу, теперь предстоит покинуть навсегда этот чужой нам город.

Последняя ночь в Кандагаре...

Провели мы ее прямо на броне боевых машин неподалеку от теперь уже бывшего своего гарнизонного городка — вчера его в нетронутом виде (кровати, правда, застелили новыми простынями) передали афганскому корпусу. Взошла луна. Даже ночью ощущалось горячее дыхание близкой пустыни. Около танков и бронетранспортеров засветились костры — привычно и буднично приготовили немудреный солдатский ужин, растелили на броне матрасы, и еще долго с боевых машин доносились приглушенные голоса. О предстоящем выходе через Кандагар, однако, не говорили: на войне, когда смерть постоянно рядом, все становятся немножко суеверными. Уснули поздно, но поспать не удалось: очнулись от грохота — душманы били эрэсами по аэродрому и гарнизону. Огневой налет был мощным: надсадный свист ракет, яркие вспышки, грохот близких разрывов. Вдруг над аэродромом в небо взметнулся огненный вихрь — реактивный снаряд попал в самолет. Грозовым раскатом ударили наши тяжелые минометы.

Едва стал занимать рассвет, ушла в сторону Кандагара колонна саперов — им, как всегда, "ловить на себя мины", обеспечивать выход бригады. Следом за саперами тронулся и наш десантно-штурмовой батальон.

Боевые машины втягивались в просыпающийся город, занимали отведенные места на улицах и перекрестках, чтобы прикрыть от возможного нападения колонны боевой техники, начинающие марш через Кандагар. Восемь лет назад вот так же ранним утром мы въезжали сюда после тяжелой операции, но тогда Кандагар встречал нас чистотой заасфальтированных улиц, многолюдьем, перезвоном колокольчиков разукрашенных лентами и цветами конских пролеток, стайками тогда еще доброжелательных к нам мальчишек. А теперь? Дорога разбита, искорежена воронками от бомб и снарядов, город в пыли, как в молочном тумане, разрушены целые кварталы домов, на обочинах — высохшие мумии убитых при обстрелах ослов и верблюдов, их здесь, видно, давно уже не убирают.

Первых выстрелов не услышали, только увидели, как залегли на обочине под давно сожженными танками и бронетранспортерами бойцы в касках и бронжилетах, открыли интенсивный огонь. Благополучно проскочили Черную площадь с разрушенными вокруг домами. Сразу за элеватором на окраине города комбат подполковник В. Дунаев развернул свой КП в бывшем ресторане на берегу реки Аргандаб, с крыши которого уже били наши крупнокалиберные пулеметы.

Доставили первого раненого: на mine подорвался рядовой Григорий Суханов. На него страшно смотреть: оторваны нога и кисть руки, лицо — кровавая маска. Батальонный врач старший лейтенант Николай Барановский со своими помощниками отчаянно боролись за Гришину жизнь, но... Вижу, как сжал зубы подполковник Дунаев: тяжело терять ребят, но когда теряешь их на пути к дому — совсем плохо. Новь привезли пострадавших — рядовых Шавката Архипова и

Павла Тупицина — эти подорвались на mine в БМП и, слава Богу, кажется, будут жить.

Все так же били с крыши пулеметчики. Поднялся к ним: мимо на большой скорости проносились машины, скрываясь за поворотом в зеленой долине, вспухающей разрывающимися черных султанов. В самом городе тоже продолжалась стрельба, черными шлейфами дыма отмечены подбитые бэтээры.

Смотрел, и горечью наполнялась душа: нет, не таким представляли мы себе тогда, в 80-м, этот день. Что случилось? Почему мы входили сюда как братья-защитники, а выходим как оккупанты — с яростной стрельбой? Кто нас обманул, втянул в эту авантюру?

Очень странно, но — факт: самая продолжительная война, которую вела Россия в нынешнем столетии, не оставила после себя документов. Хотя, знаю это не понаслышке, никогда не было и такого, чтобы на каждого погибшего в бою солдата писались объяснительные всеми командирами — от отдельного до комбата включительно. А вот руководили этой непопулярной войной, как это ни парадоксально звучит, чаще всего по телефону.

В печати такие документы почти не публиковались. И все же они — эти документы — в последнее время появились, и с беспощадной обнаженностью показали, какие немощные потери понесли мы в Афганистане.

МОСКВА. 20 ЯНВАРЯ 1980 года.

В этот день в ЦК КПСС поступила докладная записка "Некоторые соображения о внешнеполитических итогах 70-х годов", подписанная группой академиков во главе с О.А. Богомоловым. Приведу здесь лишь некоторые выдержки из нее, касающиеся непосредственно Афганистана, вводя наших войск в ДРА.

"Введенным войск в Афганистан наша политика, очевидно, перешла допустимые границы конфронтации в „третьем мире“. Выгоды от этой акции оказались незначительными по сравнению с ущербом, который был нанесен нашим интересам.

В дополнение к двум фронтам противостояния — в Европе против НАТО и в Восточной Азии против Китая — для нас возник третий опасный очаг военно-политической напряженности на южном фланге СССР, в невыгодных географических и социально-политических условиях, где нам придется иметь дело с объединенными ресурсами США и других стран НАТО, Китая, мусульманских государств и повстанческой армией афганских феодально-клерикальных кругов, обладающих сильнейшим влиянием на афганский народ. Впервые после второй мировой войны мы оказались перед возможной перспективой локального военного конфликта, в котором в отличие от корейского, вьетнамского и других нам придется воевать собственными войсками. В связи с этим возникает угроза военной эскалации..."

Вот какая мина была заложена в, казалось бы, несокрушимое здание нашей "супердержавы", и всего "социалистического со-

дружества, 25 декабря 1979 года, когда наши первые подразделения пересекли афганскую границу. Рано или поздно эта "адская машинка" должна была сработать, и она, как мы теперь видим, сработала — нет больше соцлагеря, нет Советского Союза.

Но давайте познакомимся еще с одним документом на эту тему — письмом жены командира батальона, тяжело раненного в Афганистане.

ПИСЬМО АНТОНИНЫ ХАБАРОВОЙ

"Петр, это письмо — крик моей души! Леню надо спасти. Слышишь? Спасать! Не верь корреспонденту "Красной звезды", что у Хабарова обычное ранение — он и в госпиталь к нему не заглянул.

Я, когда пришла первый раз к Лене, свалилась в обморок. Боже мой, что там творится! Раненые не только в коридорах и на лестничных площадках лежат, но даже в гаражах, и никому дела до них нет, потому что медперсонала катастрофически не хватает — на одну нянечку-старушку до ста раненых приходится. Войну-то объявить забыли.

Леню, слава Богу, поместили в солдатскую палату, десять человек. Зашла и обмелела: десять мальчишек-обрубков копошатся в койках. Вон — утки отнести некому, тучи мух... Ужас! Взяла отпуск за свой счет — спасибо, пошли навстречу — теперь хозяйничаю в палате N 27. Бедные мальчики, сердце кровью обливается.

Будьте прокляты все, кто их туда послал! А Леня теперь инвалид, без правой руки..."

Провожая в августе 1979 года командира десантно-штурмового батальона капитана Л. Хабарова после курсов "Выстрел" домой, под Ташкент, мы уже знали, что на южной границе наши части и подразделения изготовились к броску за Амударью — в Афганистан: офицеры переведены на казарменное положение, на боевые машины загружены даже дрова. Условились: как только все начнется, он отобьет телеграмму — "Над Ташкентом небо чистое". Телеграмму, однако, отбить он не смог, а встретились в мае 80-го в госпитале Бурденко, где был и его комбриг полковник А. Плохих. Но только через несколько лет, когда аннулировали подписку, которую они давали о "неразглашении военной тайны", они смогли рассказать о своей "афганской одиссее".

ТАШКЕНТ. АВГУСТ 1979 года.

Рассказ полковника Александра Плохих, командира десантно-штурмовой бригады.

— Телефон зазвонил в четыре часа утра. Звонили из штаба округа. Дежурная телефонистка предупредила: "Будете говорить с начальником штаба округа".

— Ты где находишься? — зарокотал в трубку генеральский бас.

Отвечаю: дома, в постели, где и положено мне в это время находиться. Далее последовали такие фразеологические обороты, которым мог бы позавидовать любой боцман

царского флота, и приказ немедленно прибыть в штаб.

По прибытии в округ разговор продолжился на той же "генеральской" ноте:

— Доложите о готовности бригады к выполнению боевой задачи!

А я накануне по совершенно неожиданному для нас приказу начальника штаба три лучших батальона отправил в Группу советских войск в Германии. Так и ответил: мол, готов выполнить любую задачу двумя батальонами. Мне вкрадливо "советуют": "Не вздумай так отвечать там — наверху, — и показывают глазами на потолок. — За боеготовность бригады ты лично головой отвечаешь".

Поднялись все вместе в кабинет командующего, там находился маршал Ахромеев — первый заместитель начальника ГШ ВС СССР. Разговор повторился почти слово в слово. После моего доклада о готовности бригады к выполнению любой задачи, но в составе двух батальонов последовала долгая напряженная пауза. Здесь я должен сделать оговорку: буквально за год до ввода войск в Афганистан была расформирована ферганская парашютно-десантная дивизия — единственная в ВДВ, которая готовилась к действиям в горных условиях. Почему? Не знаю. Наверное, потому же, почему моих три батальона отправили в ГСВГ.

Пауза затягивалась. Наконец маршал спросил: "Сколько нужно времени, чтобы подготовить бригаду к боям?"

— Я пять дней назад получил полторы тысячи молодого пополнения...

— Сколько?!

— Полтора месяца.

Мне дали месяц. Чему можно научить солдат за такой срок? Но приказ есть приказ. Вернулся в бригаду, разбил молодежь по батальонам. Чтобы сохранить боеготовность бригады, те два трогать не стал. Младших командиров не было — пришлось отбирать из пополнения. Присвоил звания младших сержантов, сержантов. Потом письмо от полковника — отца одного из новобранцев — получил. "Что за чушь, — пишет, — Витка мой сообщает, что на седьмой день службы сержантом стал. Знаю, можно стать генералом, и дня не прослужив, но чтобы сержантом, с таким встречаться за двадцать семь лет не приходилось...". Ответил ему — такой уж у вас сын выдающийся. Офицеры мои сутками не вылезали из этих батальонов, но учиться по-настоящему, конечно, пришлось в Афгане...

Может, это частный случай? К сожалению, нет: вплоть до 1984 года в Афганистан направляли мальчишек после полуторамесячной подготовки. Почему? Кто принял такое решение? Ведь не 41-й год!

Мне довелось побывать в Термезе, в Центре подготовки, на пятом году войны в Афганистане. То, что пришлось увидеть там, и сейчас наполняет сердце горечью и недоумением. Центр все еще обустраивался: на полигоне "возвели" небольшой дувалчик и каменную хижину, изображающие афганский кишлак, но не было еще даже саперного городка, где бы ребят знакомили с образцами мин, от которых мы тогда несли такие большие потери. Свирепствовали дизентерия и другие болезни. Одним словом, в Центре подготовки были созданы такие условия,

что солдаты просто рвались в Афганистан. И это, конечно, выдавалось за горячее стремление "выполнить свой интернациональный долг".

Многие теперь утверждают: решение о вводе наших войск в Афганистан принимал чуть ли не один Л. Брежнев, что о нем — этом решении — даже секретари ЦК КПСС не знали. И от этого, мол, все наши беды.

Не думаю, что при сложившейся у нас в стране практике коллегиальности руководства такое вообще было возможно. Безусловно и то, что операцию такого масштаба готовил Генеральный штаб, и не без участия, конечно, Комитета государственной безопасности и МИДа СССР. Правда, в беседе с журналистом Артемом Боровиковым генерал армии В. И. Варенников, который в течение четырех последних лет возглавлял Оперативную группу Министерства обороны СССР в Республике Афганистан, подтвердил, что Генеральный штаб выступал против такого решения, но его предостережения не были услышаны ни нашим тогдашним политическим руководством, ни бывшим министром обороны Д. Ф. Устиновым, и, когда решение все-таки было принято, Генштаб предложил альтернативный вариант: советским частям встать гарнизонами и в боевые действия не ввязываться. Они должны были "помогать местному населению защищаться от банд, оказывать ему помощь предметами первой необходимости".

"Сейчас ясно, — говорил журналисту генерал армии, — что линия, которую предлагал тогда Генеральный штаб, была в принципе верной. (Верной-то, может, и верной, но выполнимой ли в реальных условиях? — Авт.) И нам надо было отстаивать ее до конца, хотя это и таило в себе тяжкие последствия для защитников такой линии. Но, к сожалению, в свое время мы поддались напору со стороны Бабрака Кармаля и позволили себя втянуть в затянувшуюся войну".

Не берусь судить о здравом смысле такой "линии", но последствия ее оказались печальными, особенно для раненых солдат и офицеров.

Не знаю, может, именно потому, что ГШ наш боевых действий не предусматривал, война не была объявлена, а это означало, что все — комплектование штатными единицами (в том числе медицинских батальонов и госпиталей), вещевое и продовольственное довольствие — осуществлялось по мирным нормам.

Война с каждым днем ужесточалась, но ее не объявляли — значит, ее нет, и нас, журналистов, всячески не допускали под видом "заботы о наших жизнях", на боевые операции.

У тех, кто отвоевал в Афгане, при возвращении домой брали пресловутую "подписку о неразглашении", а на памятниках погибшим в ДРА указывались только даты рождения и смерти (словно молодой, здоровый парень погиб в пьяной драке).

Все это рождало в народе вначале глухой протест, а потом — гнев и озлобленность.

А те, кто прошел Афган, молчали.

Или... рвались обратно, туда — "за речку". Признаюсь, я тоже рвался "за речку" — хотелось все увидеть своими глазами, по-

нять, что же там происходит. Почему афганский народ на наши дружеские призывы отвечает свинцом. И этот день наступил.

КАНДАГАР. НОЯБРЬ 1980 года.

В тот день мы вернулись с пакистанской границы. Почти месяц я уже находился в Афганистане. Многие довелось увидеть и пережить за это время: и гибель наших ребят, и стертые с лица земли нашими танками афганские кишлаки. Поэтому мне очень хотелось встретиться с душманами, понять, как они сами относятся к происходящему.

Вечером нас с писателем Александром Прохановым привезли в здание, где располагался ХАД (органы госбезопасности) Кандагарской провинции. Принял нас начальник ХАДа Вали Мамад — бывший врач. После трехкратных лобызаний он усадил нас на старенький диван и тут же сообщил, что прошлой ночью его ребята хорошо "поработали": захватили склад оружия и 14 душманов-террористов. Сейчас он их будет допрашивать. И если у нас есть желание, мы можем к нему присоединиться.

Привели молодого, лет двадцати, парня, который назвал себя Фаруком, сыном мелкого торговца (обыкновенный рядовой афганец, перебивающийся с хлеба на воду).

— Что вы знаете об Апрельской революции?

— Мулла сказал, что никакой революции не было, пришли неверные: раньше были инглеz (англичане), а теперь шурави (советские). Он давал лепешку и патрон, говорил: "Убей неверного — получишь три лепешки и три патрона..."

— Но что вы сами думаете о революции?

— Я ничего не думаю: мулла ближе к аллаху — он все знает.

— Вам землю дала новая власть?

— Дала, но аллах не велит брать чужое.

Они проходили через небольшую со следами пуль на стенах кабинет начальника ХАДа — молодые и матерые, молчаливые и словоохотливые, бородатые и безбородые, и мы начинали понимать, через какие невероятные трудности предстоит пройти здесь нашим ребятам.

Мы сидели молча и отчужденно — то ли наступающая темнота к беседе не располагала, то ли так подействовала на нас встреча с душманами. Ведь всего несколько дней назад в Кабуле с трибуны IV Пленума ЦК НДПА наш посол Табеев уверенно заявил: "Контрреволюция разгромлена... (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию). Душман спустился с гор и перешел на мелкий террор. Но это нам не страшно. Леонид Ильич Брежнев приказал к началу работы XXV съезда КПСС (до съезда оставалось четыре месяца. — Авт.) „афганский вопрос“ закрыть положительно для нас. У нас нет никаких оснований для каких-либо сомнений. За работу, товарищи!"

И снова зал взревел от рукоплесканий (аплодировать мы их быстро научили).

И вот теперь я сидел в кабинете у начальника ХАДа, который не может не знать истинного положения, и мучился вопросом: кому верить?

Вали Мамад поднялся из-за стола, открыл тяжелый, массивный сейф и, перебирая до-

кументы, сказал по-русски (зачем же тогда переводчика приглашали?):

— Как будем говорить, для печати или не для печати? — и лукаво подмигнул нам.

Опущу здесь наш разговор "для печати", — теперь ведь можно сказать все открытым текстом.

— Я видел, вам неприятно было узнать, что патриотические силы Афганистана не разгромлены, как об этом твердят Бабрак Кармаль и ваш посол Табеев, — прохаживаясь по кабинету, медленно, тщательно подбирая слова, говорил Вали Мамад, — а стали еще сильнее, перешли на более гибкую и результативную тактику борьбы за свою независимость.

Но я хочу говорить с вами как патриот своей Родины. Меня глубоко тревожит то, что нашлись силы, которые заставили мусульманина стрелять в мусульманина, разделили один народ, как это было у вас, на "красных" и "белых", а за спинами у них две немусульманские супердержавы. И они, эти супердержавы, делают все, чтобы затянуть войну у нас до какого-то нужного им предела. Факты? О, их хоть отбавляй!

Он снова подошел к сейфу, достал какую-то бумажку, покрытую арабской вязью.

— Это листовка-призыв к джихаду. Да-да, к священной войне: муллы призывают народ убивать всех неверных подряд — русских и американских, все равно.

Почему? Вот и я хочу задать этот вопрос. Почему Хафизулла Амин, например, арестовал, а затем расстрелял более трехсот духовных лиц, которые по корану неприкосновенны? Разве он, мусульманин, не знал, что это обернется против революции и тех, кто ее защищает? Прекрасно знал, но пошел на это. Почему он же приказал бомбить пуштунские племена, которые отнеслись к революции терпимо, соблюдали нейтралитет? Кто отдал приказ вашим командирам сносить с лица земли целые поселения? Неизвестно. Ясно только одно: все эти действия направлены на затягивание войны.

Что делает Америка? А то же самое. У меня вот здесь в сейфе списки и адреса более двухсот спецлагерей, учебных центров и баз, где в течение шести — девяти месяцев готовят бойцов для ведения партизанской войны в Афганистане. Чувствуете, какая подготовка? И не только готовят, но и оснащают прекрасным оружием и снаряжением.

Я часто задумываюсь, да была ли у нас революция? Обычный дворцовый переворот, который осуществила кучка военных. А вот кто стоит за их спиной, мы, наверно, никогда не узнаем.

Вали Мамад отошел к окну и надолго замолчал. Потом снова оживился, улыбнулся открыто, дружелюбно, спросил совсем по-русски:

— Заговорил я вас, да? Как у русских говорят: "Наговорил семь верст до небес..." Так, да? А вы все-таки подумайте о том, что я вам тут наговорил...

По темному коридору, узкой лесенке, мимо окон, заложённых камнями, спустились с Вали Мамадом в маленький, темный, как колодец, дворик, где построились в ожидании начальника молодые — от 12 до 25 лет —

сотрудники госбезопасности. Они вновь уходили на боевую операцию.

— Вот с такими кадрами приходится воевать, — посетовал Вали Мамад, но тут же спохватился: — Ничего, у нас мальчишки рано становятся мужчинами и воинами...

Утром узнал: в эту же ночь Вали Мамад исчез. О его судьбе мне ничего не сказали даже через пять лет, когда вновь довелось побывать в Кандагаре.

КАНДАГАР. АВГУСТ 1988 года.

...Трудно найти слова, чтобы передать наше состояние, когда мы навсегда покидали Кандагар, но ни глуже солнце (под 70 градусов), ни адская пыль, ни опасность нарваться на разрыв эрэса, подорваться на mine не могли омрачать радости ребят: впереди — родная земля!

Не забыть ликующего танца прямо на броне нашего бэтэра механика-водителя Андрея Бараславского: на первой остановке в пустыне он, загорелый дочерна, припудренный белой афганской пылью, приплясывая, пел: "Скоро, скоро буду я в родной Тюмени", а остальные ребята, прихлопывая в такт, поддерживали: "в Бресте, в Воронеже, в Москве..."

Заночевали мы в уездном кишлаке Кишкинахуде. Встретил нас старый знакомый, начальник штаба местного батальона Мухаммадам Надыр. Уход советских войск, конечно, опечалил Надыра, и первая просьба, с которой он обратился к нам, была: ребята, оставьте нам боеприпасы! Нам нужно много боеприпасов, чтобы оборонять кишлак. От кого? И от душманов, и от властей.

Я лично оставил бы боеприпасы, которые мы везли домой. Человек он неоднозначный: учился в Ташкенте в школе милиции, жена Ирина родом из Белоруссии, учит сейчас в кишлаке русскому языку афганских детишек. "На пушту говорит, не отличишь от афганки", — хвастается Надыр. Показывает фотографию — симпатичных дочек называли Наташей и Леной.

— Не боишься за их будущее? — спросил его.

Ответить он не успел: в километре от нас вспыхнул пристрелочный осветительный эрэс, второй разорвался чуть ближе. Мы расстались: Надыру настала пора проверять боевые посты.

На рассвете мы отправились дальше — домой...

Публикация Т. СТУДЕНИКИНОЙ.

ЗАСЛОН

О самообеспечении безопасности патрульных полицейских Германии рассказывают обермейстер полиции Юрген ЗОНЕМАН и начальник полиции Вернер АБРАМ

Вряд ли кто-нибудь из добропорядочных граждан Германии возьмет грех на душу и упрекнет немецкого полицейского на патрульной службе в том, что последний мало заботится о безопасности соотечественников. Зато о собственной безопасности сотрудники полиции в пылу служебного рвения нередко, к сожалению, забывают. Характерно, что анализ подобной забывчивости выводит на вполне очевидный факт: упущения в вопросах, скажем так, самосохранения стражей порядка объясняются не столько конкретными недостатками в их подготовке и оснащении (этому уделяется постоянное и первостепенное внимание), сколько слабым пониманием возникающей в конкретной ситуации угрозы жизни и здоровью, элементарной потерей бдительности. Полицейский, не отвлекающийся на службе от непосредственного выполнения своих обязанностей и в полной мере осознающий, какому риску он себя подвергает ежедневно, ежеминутно, восстанавливая порядок, почти всегда имеет возможность эффективно отразить любое нападение.

Недавние социологические исследования на тему "Служащий полиции — жертва преднамеренного убийства", показали, что между вступлением жертвы (то бишь, увь, полицейского) в контакт с преступником и применением последним насилия в трех случаях из четырех было вполне достаточно времени для того, чтобы служащий подготовился и оперативно принял действенные контрмеры. Если бы не ошибки...

Безусловно, каждый факт нападения на сотрудников становится предметом детального, весьма поучительного и столь же грустного по сути обсуждения, но... вернемся к ошибкам.

При подготовке к операции это чаще всего плохая информированность о месте совер-

ло, предварительно обсуждает ее ход с подчиненными, распределяя роли, главные и второстепенные. Когда заведомо невозможно обеспечить безопасность сотрудников, целесообразнее не расплываться, а действовать сосредоточенными силами, имея достаточные мобильные резервы.

Считается, что если нет конкретных признаков, прямо указывающих на возможную опасность предстоящей операции, далеко не бесполезную информацию для размышлений и выводов может дать профессиональная оценка внешнего вида задерживаемого. К примеру, некоторые атрибуты одежды свидетельствуют о принадлежности его к панкам, бритоголовым, сутенерам и прочим. Мотоциклетные цепи в виде пояса или

шения правонарушения и личности преступника, "проколы" при сближении с ним или оцеплении контролируемого района, слабая координация с коллегами.

На стадии задержания это стремление осуществить акцию в одиночку, несвоевременное приведение оружия в боевую готовность, непродуманный, торопливый обыск подозреваемого. А уже после ареста причиной роковой оплошности нередко становится нарушение предписанного порядка перевозки задержанных.

Недостатки в управлении и отсутствие четкой договоренности между служащими способствуют успеху нападения преступников на полицейских. И потому руководитель, отвечающий за проведение акции, как прави-

определенная раскраска легкового автомобиля — тоже характерные детали, с головой выдающие представителей той или иной криминогенной группировки. Поведение подозреваемых также поддается классификации и позволяет первично судить о готовности и способности человека к насилию в отношении полиции.

Не стоит, однако, забывать, что стопроцентной взаимосвязи между внешностью задерживаемых, их физическим сложением и потенциальной опасностью нет, ибо поведенческие функции суть производные психического состояния, а не прически или гримасы на лице. И интеллигентный с виду, прилично одетый мужчина, и серьезная, вежливая, строгих правил женщина, увь, могут

оказаться убийцами, в то время как разбитой и слегка хамоватый рокер в коже и металле является законопослушным гражданином. Поэтому, чтобы не попасть в плен субъективных впечатлений, зачастую обманчивых, полицейскому лучше всего быть настроено всегда, держа людей на дистанции и, на всякий случай, не доверяя всем, с кем приходится контактировать по роду службы. Банально, но верно: кто не задремал, тому и пробуждаться не надо.

ДРУГАЯ азбучная истина: личная безопасность каждого зависит от слаженности патрульного наряда в целом. Наряд — это команда единомышленников, в которой все роли распределены заранее: кто-то вступает в разговор, кто-то боится, кто-то проверяет документы, а кто-то первым срывается с места в случае побега задержанного. Предварительная репетиция здесь не помешает.

Естественно, каждый член патрульной группы обязан знать, с какой целью проводится выяснение личности тех или иных субъектов. Не должно возникать таких абсурдных ситуаций, когда, например, полицейский полагает, что его коллега подошел к прохожему, дабы сделать ему замечание по поводу нарушения правил уличного движения, а тот в действительности опознал преступника и спешит арестовать его. Нужна полная взаимная информированность. И, разумеется, четкое знание своих юридических прав, ощущение за собой мощи Закона.

Перед началом акции обязательно следует прикинуть собственные возможности и силы противостоящей группировки. Чтобы операция изначально не была обречена на неудачу (уничтожение улики, бегство, сопротивление), соотношение сил должно быть по меньшей мере равным. Если не удастся соблюсти этот разумный паритет, просчитывается вариант временного тактического отступления, с тем чтобы после подхода подкрепления решить ту же задачу без серьезных осложнений.

Да и место задержания выбирают с учетом требований личной безопасности, принимая во внимание время суток, специфику уличного движения, освещенность, акустику, размещение строений, погоду, наличие публики и избегая акций, угрожающих жизни посторонних людей. Крайне неудачным местом для ареста считается, например, узкая обочина оживленной скоростной автостреды: возможностей для маневра нет, а риск — максимальный. Хотя, конечно, далеко не всегда преступник предоставляет полицейскому выгодный шанс загнать себя именно в такой угол, где сопротивление бесполезно и бессмысленно. И все же стремиться к этому надо.

Особую ценность во время акции приобретает непрерывный визуальный контроль за подозреваемым, чтобы, с одной стороны, улучшить удобный момент для захвата и, с другой — не позволить преступнику незаметно избавиться от компрометирующих его вещественных доказательств. Если возникает необходимость в оцеплении, то нельзя счи-

тать его эффективным при большом скоплении людей. Всегда найдутся любопытные зеваки или, того хуже, симпатизирующие задержанному доброхоты, вмешательство которых осложнит операцию или помешает ей. Впрочем, у безлюдного закуртка тоже есть свои минусы: куда как резче и острее проявляется здесь агрессивность лиц, попавших под полицейский контроль.

НЕЗАВИСИМО от того, идет ли речь о выборочной проверке транспортных средств или о задержании, проводимом патрулем в ресторане, неминуемо встает проблема распознаваемости, недвусмысленности подаваемых сигналов или выдвигаемых требований. Она во многом упрощается, если служащие идут на задание в униформе. Если же по условиям операции они облачены в гражданскую одежду, задерживаемые могут не признать их даже после предъявления удостоверения или жетона и оказать сопротивление. Частично это объясняется тем, что общественность не знает, как выглядят служебные документы полиции. Но иногда причина иная: по мере роста уголовной преступности (а этот факт приходится с сожалением констатировать) в стране у населения крепнет недоверие к «якобы переодетым в штатское якобы полицейским». Поэтому-то при подобных задержаниях нелишне иметь под рукой униформированные силы.

Кстати сказать, для того, чтобы успеть верно отреагировать на возможное нападение, не следует держать удостоверение в более сильной руке (правой или левой, в зависимости от того, с какой руки полицейский стреляет). И еще один нюанс: нередко просьба задерживаемого предъявить ему документ (а особенно повторно: дескать, сразу не разглядел) может означать подготовку этого человека к нападению.

Полицейские машины последнего поколения, предназначенные для патрулирования, оснащены двусторонними сигнальными щитками со светящейся надписью «Стоп, полиция!». Следуя за автомобилем подозреваемого, сотрудники стремятся ни на секунду не выпускать его из поля зрения, так как, заметив слежку или сигнал остановиться на щитке, пассажиры могут попытаться спрятать вещественные доказательства, выбросить их из машины на ходу или, того хуже, достать из тайника оружие. Нужно быть готовым и к тому, что преследуемые рискнут использовать в качестве оружия свой автомобиль, вознамерившись протаранить или оттеснить с дороги полицейскую машину.

Случается, что задерживаемые, надеясь обмануть патрульных, лишь имитируют остановку. А затем, подождя, пока сотрудники выйдут из машины, резко срываются с места, набирают скорость и уходят от преследования. Чтобы этого не произошло, водитель полицейский не имеет права глушить двигатель и тем более отходить от автомобиля до тех пор, пока не будет заглушен двигатель задерживаемой машины.

К остановленному транспортному средству подходить лучше всего сбоку, хуже всего — сзади или спереди, ибо преступник может

резко "сдать" назад или "продернуть", вперед и сбить сотрудника. Не резон стоять вблизи дверей — это опасно, и уж конечно, не следует просовывать голову (если, разумеется, дорожишь ею) в окно — это и опасно, и глупо одновременно. Для обеспечения гарантии того, что задержанный автомобиль не тронется с места, нужно конфисковать ключ зажигания. Впрочем, это не значит, что полицейский должен сам тянуться к замку зажигания. Целесообразнее (а стало быть — безопаснее) потребовать, чтобы ключ выбросили в окно.

Идеальный вариант, когда контролирующей и страхующей полицейские занимают так называемое положение L: сами они стоят на концах буквы, а задерживаемый — в угловой точке. И тогда фактически устраняется опасность поражения друг друга при необходимости применить оружие. Золотое правило: "Если я могу посмотреть своему напарнику прямо в глаза, то кто-то из нас немедленно должен сменить положение".

Страхующий полицейский ни в коем случае не отвлекается на выполнение других поручений. Он и без того занят очень важным делом — оберегает жизни коллег и свою собственную. Все внимание — на выявление возможных источников опасности в зоне контроля, в частности на руки подозреваемых и на посторонних граждан: возможно, что люди, оказавшиеся поблизости случайно, на самом деле — сообщники преступников. Террористы, кстати сказать, довольно часто используют для прикрытия основной группы такого вот "постороннего" человека, и находится он обычно неподалеку от места событий (например, во втором автомобиле или на противоположной стороне улицы).

Не стоит реагировать на различные дежурные проявления участия и внешнюю дружескую расположенность задерживаемых к полиции, на высказывания о сложности работы патрульных, просьбы прикурить или помочь отыскать на карте нужную деревушку, а также на вызывающее поведение женщин — это может оказаться тактическим маневром, направленным на выбор оптимального момента для нападения. Да и самим полицейским не рекомендуется переговариваться друг с другом во время проверки. Вполне достаточно ограничиться предупреждающими репликами в краткой, отчетливой и недвусмысленной форме.

Тот полицейский, который убежден, что всегда, при любых обстоятельствах успеет воспользоваться огнестрельным оружием для усмирения задержанного и самозащиты, — или малоопытен, или самонадеян. Поэтому при малейшем намеке на агрессивность и воинственность подозреваемого нелишне бывает схватиться за пистолет в кобуре. А уж дальше, судя по его реакции, — или мгновенно выхватить оружие, или оставить в кобуре.

Может случиться и такое: во время проверки документов по радио будет передана дополнительная информация о подозреваемой личности. Подобное сообщение (типа: "...объявлен розыск"), услышанное пре-

ступником, может послужить детонатором нападения на полицию или бегства. Не говоря уже о том, что теряется фактор внезапности.

Патрульным следует заранее оговорить между собой условные знаки на случай проведения ареста. Это могут быть определенные действия, например возвращение документов в раскрытом виде, или конкретная фраза, допустим вопрос относительно профессии проверяемого, — все зависит от фантазии. Именно таким закодированным способом контролирующей полицейский дает знать страхующему, что пора вызывать подкрепление. А сам под благовидными предлогами тянет время до его прибытия.

Но даже тогда, когда радиосправка не подтвердит причастность человека к тому или иному преступлению, операцию нельзя считать оконченной. Практика богата печальными эпизодами: сотрудник, получив успокоительные результаты и посчитав, что дело за малым — вернуть документы и извиниться за беспокойство, неожиданно нападается на нож. Ведь проверяемый, если это преступник, не знает, что сообщили полицейскому по радию, и может ошибочно предположить себя раскрытым. И потому использует свой последний шанс избежать ареста, ускользнуть от правосудия. Тем более что фактор внезапности, мотивированный на активные действия, теперь на его стороне, а бдительность полицейских притуплена. Отсюда и вывод — держать, как говорится, ухо остро, пока не будет поставлена последняя точка.

Нет и не бывает универсальных рецептов, гарантирующих абсолютную безопасность патрульных. Приходится учитывать и конституционное требование уважения человеческого достоинства, соблюдение которого в нестандартных ситуациях нередко приводит к необходимости поступать принципом обеспечения самозащиты. Однако вероятность ранения и убийства полицейского при исполнении служебных обязанностей может (и должна!) быть значительно снижена качеством профессиональной подготовки, инициативой и сообразительностью сотрудников. Аксиома: минимум небрежности — максимум выслуги.

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

НА ДИСЦИПЛИНАРНОМ РАСПУТЬЕ

Корреспонденция, которую мы сегодня предлагаем вашему вниманию, ранее была, увы, отклонена со следующей мотивировкой: позиция автора "не стыкуется с устоявшимися канонами дисциплинарной практики в войсках". Однако утвержденный недавно временный Дисциплинарный устав Вооруженных Сил возвел мнение автора несостоявшейся публикации в ранг требования. И потому мы решили вернуться к этой теме. Не исключено, что некоторые герои корреспонденции служат уже на иных должностях и в других регионах и республиках, — это не суть важно. Важно то, что проблема по-прежнему актуальна.

НЕСКОЛЬКО необычный вопрос: о чем вы думаете, глядя на известную картину Василия Верещагина "Апофеоз войны"? Помните: исколеванная хищными птицами, изъеденная шакалами пирамида из человеческих черепов, возвышающаяся среди раскаленных песков? Так о чем? Я, к примеру, о дисциплинарной практике в войсках. Нет, совершенно серьезно: прямые ассоциации. Очень уж напоминает это замечательное полотно художника-баталиста приказ командира части или соединения после очередного серьезного происшествия. С нижней ступеньки иерархической лестницы до верхней — всех стригут под одну гребенку.

Ведь чем, признайтесь откровенно, определяется зачастую эффективность принятых мер? Увы, не столько реальными изменениями положения дел, коренными позитивными сдвигами, сколько количеством наказанных, призванных к ответу. Правда, сомневаюсь, что длинный перечень виновных в приказе действительно радует начальственный глаз, греет руководящую душу. Просто-напросто так заведено. Упустил, не ровен час, беспечный часовой осужденного из-под охраны — провели служебное расследование и "раздали слоников", всем — от солдата до командира полка, а то и выше, если зек успел набедокурить на свободе. Каждому — соответственно чину. И все, порядок, работа проведена. А результат?

Старожилы вспоминают: почти четверть века не было побегов в роте капитана Н.Скирдина. Однако и на старуху бывает проруха. Проиграл осужденный В. Головин в карты около четырех тысяч рублей. Сумма приличная, и, что самое неприятное, — долг платежом красен. А взять негде — зона. И для того, чтобы, по словам Головина, "остаться в их глазах

(имеются в виду „честные“ глаза его коллег — партнеров по игре в „очко„. — А. У.) нормальным мужиком”, Головин решил сбежать за деньгами. На свободу — словно в сберкассе: родственников попопозил.

Сунулся раз — стреножили, пригрозили наказанием. Но чего стоит любая административная кара в сравнении с расчетами „коreshков„ с честными глазами? Детские шалости. Головин был в „академии„ не по первой ходке и знал не понаслышке, чем распахиваются в зонах за непогашенный долг: выбор невелик. И вот как-то ночью, выбравшись за ворота контрольной площадки, незаметно проник он через калитку во внутреннюю запретную зону, убедившись, что часовой отвлекся (!) от несения службы, на стыке забора и ворот основного ограждения перемахнул через прелестные и был таков.

Кто виноват? Человек, далекий от войсковых реалий, по наивности своей может не продуманно и поспешно заключить — разъява-часовой: мол, прошляпил рядовой Ш. Зейналов беглеца — отвлекся, стало быть, с него и спрос по большому счету.

Ан нет! Люди сведущие посчитали иначе, и потому в ряду главных причин случившегося в материалах служебного расследования обозначено: „несоответствие стиля и методов работы штаба полка предъявляемым требованиям по оказанию помощи батальону и роте”. Чувствуете: солдат зека проворонил — штаб полка недоработал? Связь-то какая! А ведь в том злополучном квартале офицеры управления части отработали в батальоне бб (!) так называемых человеко-дней, то есть практически „прикрытия„, не было лишь один день из трех, куда ж больше-то? Неужто все спустую?

ИЗВЛЕЧЕН БЫЛ на свет божий и такой „корень зла„, как „безответственное отношение заместителя начальника штаба полка по инженерно-техническому обеспечению майора Ермилова А. Н. и начальника инженерной службы капитана Золотовского А. В. к контролю за выполнением предложей высшего штаба по оборудованию объектов инженерно-техническими средствами охраны„ (прошу прощения за стиль — документ). Ни больше ни меньше. Осужденный с дьявольской прытью, гонимый жаждой жить, перелез через забор, а командующие вся заборами, великия и малыя, — в козлах отпущения. Каково? Это все равно, что, если бы он улетел по воздуху, скажем, на электропиле „Дружба„ (бывало и такое), а в виноватых бы ходили зенитчики.

Впрочем, не они одни. Причины, оказываются, и в том, что „командование батальона и роты слабо взаимодействует с административной исправительной-трудовой колонии в вопросах укрепления режима содержания„ (голову на отсечение — осужденный Головин и по сей час не догадывается, что сбежал он только благодаря важным контактам военных и сотрудников ИТК), и в том, что „принижена воспитательная работа среди военнослужащих по привитию высокой бдительности и неподкупности...”. Последний пункт — дежурный, традиционный, без него никак нельзя, иначе не подвести под монастырь замов по работе с личным составом различных уровней.

В результате наказаны все — от начальника штаба части до часового: более десяти человек. Масштаб, свидетельствующий о размахе принятых мер. А ведь не мной и не

вчера замечено, что у любого недостатка, просчета, провала или происшествия есть вполне конкретная фамилия. Причем только одна. Не отвлекись на посту рядовой Зейналов от того, что является его святой обязанностью — бдительного несения службы, сработай система сигнализации, подоспей наряд контролеров, подай голос караульная собака, — не уложили бы в „братскую могилу„ еще десяток человек.

Предвижу возражение: зачем же все валить на Зейналова, служба — категория коллективная, как по горизонтали, так и по вертикали: у солдата был разводящий, у разводящего — начальник караула, у начальника караула — ответственный офицер и так далее. Неужто все они ни при чем? Очень даже при чем — при своих обязанностях и постах. И, уверяю вас, прекрасно помнят об этом, денно и нощно. Да вот беда — как же иначе симитировать бурную реакцию, неоправданно именуемую принятием мер, как не массовым битьем по хвостам и не поголовным наказанием?

Поверьте, если задаться целью или получить на то соответствующее указание, можно без особого труда доказать, что в конкретном сне конкретного солдата на посту виноваты все, вплоть до Президента. По цепочке. Ибо четкой аргументации вины, как правило, в этих случаях и не требуется: общие фразы, расхожие формулировки, под которые с легкостью можно подвести буквально каждого: „ослабили контроль„, „не проявили должной настойчивости„, „не уделили достаточного внимания„... Словесная казуистика, абсолютно ни к чему не обязывающая.

Я ДАЛЕК ОТ МЫСЛИ выставлять крайним человека, подписывающего итоговый приказ-приговор. Он не творец, а раб написанных законов. Виноваты не отдельные плохие, бездушные, недалекие начальники, нет — порочная система в целом. Куда как проще и нагляднее наказать всех кого попало, дабы другим неповадно было (неповадно что?), нежели доискиваться до подлинных причин происшествия (а они, как правило, выглядят не солидно, обыденно) и истинного виновника. Тем более что последнего (а вернее, первого — часового) к ответственности привлечь невероятно сложно. За редчайшим исключением прокуратура уголовные дела на подобных ротозеев к рассмотрению не принимает: хватает преступлений и почище, душат дезертирство, хищения оружия и прочее ЧП. И худший вариант для него — несколько суток гауптвахты. Если, конечно, таковая в гарнизоне имеется. Вот и процветает золотое правило инквизиции: лучше спалить на костре десяток невинных, чем упустить одного виновного. А по мне, так лучше оправдать одного виновного, чем наказать десяток невинных. В интересах дела. Тем паче что существующая практика никаких добрых всходов не дает. Напротив, расхолаживает людей, лишает опоры, веры в свои силы и возможности. Дамоклов меч наказания не позволяет им распрямиться в полный рост, расправляет плечи, проникнуться чувством собственного достоинства, самоуважения, без которых личности нет. Говорят, тот, кто ждет наказания, — уже несет его. Так и живут десятилетиями — под спудом грядущих взысканий за проступки своих подчиненных, не зная, где бы соломки подстелить, чтобы падать мягче было. Ведь и в тот злосчастный день (а точнее — ночь) побега все начальники

от мала до велика около тридцати раз проверили службу войскового наряда и около пятнадцати — караула. А Головин все равно ушел.

Но, может быть, щедро разбросанные взыскания хоть в какой-то степени подстегнули и подтянули людей, мобилизовали, особенно тех, наименее пострадавших, которых разделяет с осужденными на службе только колючая проволока? Увы. Не прошло и двух с половиной месяцев, как в роте капитана Н. Скирдина опять побег. На этот раз его совершил из горбольницы осужденный Г. Ломакин. Как выясняет из материалов служебного расследования, примерно в 19 часов капитан внутренней службы В. Польщиков, предварительно договорившись с контролером прапорщиком А. Шебановым, оставил боевой пост и уехал по своим делам. Вернулся к четырем часам утра. К разбитому корыту: пока он под покровом ночи решал личные проблемы, к Ломакину в палату беспрепятственно прошла жена, которая по мере своих женских сил и возможностей и помогла ему уйти из-под охраны.

Обстоятельства предельно ясны. Спрашивается и на этот раз, кто виноват в побеге осужденного? Как ни странно, на первый взгляд, в исправительно-трудоустройственной колонии с ходу нашли ответ на, согласитесь, несложный вопрос и наказали капитана внутренней службы Польщикова "за самовольное оставление поста". Военные же мужи, совершая искусный маневр, поступили не столь примитивно, а со знанием дела, по-государственному. И вновь главными причинами случившегося в приказе привычно назвали "ослабление штабом полка контроля за организацией и несением боевой службы караулом и войсковым нарядом контролеров... отсутствие должного взаимодействия командования батальона и роты с администрацией ИТУ (улавливаете, сценарий тот же? — А. У.), неудовлетворительный контроль за боевой службой командира роты капитана Н. Скирдина, самоустранение от организации боевой службы, обучения и воспитания взвода контролеров заместителя командира роты по службе контролеров майора Н. Русинова... И только в самом конце помянули недобрым словом прапорщика А. Шебанова, "лично недисциплинированного и безответственного".

Как итог — довесок из семи голов для картины Верещагина "Апофеоз войны". Не поскупились на взыскания, выдали целую обойму — от предупреждения о неполном служебном соответствии до выговора.

Неужто на этот раз помогло? Как бы не так. Спустя неделю в роте — новый побег. Тут уже вмешалось руководство вышестоящего штаба, посчитав, что если обойтись правами командира части, то, как говаривал мужичок-хитрован из популярного мультфильма, "маловато будет". И врезали. Причины случившегося, правда, те же, что и ранее, нет нужды перечислять. Зато "стрелочников", побольше да меры покруче.

Майор А. Ермилов, заместитель начальника штаба части по ИТО: "Моя совесть чиста (в отличие от оборотной стороны карточки поощрений и взысканий). И не потому, что во время первого побега я находился в отпуске — это в расчет не берется, а потому, что система технических средств охраны была исправной. Просто по элементарной халатности тех-

ник не включил датчик на этом участке. Он маху дал, а меня наказали. Что касается последнего побега, то система работала четко на обоих рубежах обнаружения. Но поймите: она ведь не ловит зека, а лишь дает о нем знать! А кому это объяснить? Опять строгий выговор. Да что я — заместитель начальника штаба майор Вячеслав Гусев и вовсе отвечает за командование, а тоже вlepили "строгача" за этот побег.

И "верхи", и "низы", прекрасно понимают, что подобная система — явная нелепица. Но как с ней бороться? Я бы расширил диапазон мер воздействия командира полка и предоставил ему право направлять провинившегося солдата в дисциплинарный батальон в обход прокуратуры, которой сейчас совсем не до этого. Пока же солдат, "заваривающий кашу", почти ничем не рискует. Оружие ему доверяем, как взрослому человеку, а спрос учиняем, как с несмышленками..."

ТАКИХ МОНОЛОГОВ довелось услышать немало, и нет нужды приводить их все. Невольно закрадывается в голову крамольная по нынешним временам мысль: а может, не годится сооружение "братской могилы", в качестве универсального средства борьбы с побегами, случайными выстрелами и прочими происшествиями? Может, число наказанных не спасает положение дел и нужны иные меры? И не стоит лечить насморк хирургической операцией?

Мы вот долгие годы неустанно клеим с пеной у рта круговую поруку в воинских коллективах, считая ее предпосылкой, предтечей всевозможных бед и несчастий. И в то же время усердно культивируем коллективную ответственность, связывающую нас по рукам и ногам. Так ли уж здорово разнятся эти понятия? Не одного ли они поля ягоды? Нетрудно понять, что ответственность, разделенная на многих, перестает быть таковой, теряет изначальный архиважный смысл. Не потому ли столь гротескно и фальшиво выглядят все упреки в безответственности офицеров, коими буквально кишат материалы служебных расследований и венчающие их приказы?

По сути дела, мы сами загнали наших командиров в глухой тупик, лишив их возможности активно влиять на процессы в воинских коллективах. Вправе ли единоначальник закрыть глаза на неблагоприятный поступок своего подчиненного? Однозначно — нет: обязан детально разобраться, принять меры и доложить по команде. И таким образом... элементарно поддаться под зевсовы молнии разгневанного беспорядками руководства. Организовал командир части полковник В. Еремиз по собственной инициативе дошную проверку имущества на складе и в подразделениях, обнаружил недостачу, составил акт, взял в оборот виновников, как положено — проинформировал вышестоящего начальника и... заработал увесистую дисциплинарную оплеуху. Его же и прижали: плати, мол, коли протрафилась твои подчиненные. Вернее, расплачивайся — за свою принципиальность, требовательность, непримиримость к недостаткам и недостаткам.

В другой раз выявил он жутко неприятный факт аморалки под сенью санчасти. Дал делу ход и... едва с должными не слетел, чудом удержался. Вот и пестрят различны

справки и докладные по итогам работы целевых и комплексных групп во всех регионах громкими, как барабанный бой, сообщениями о том, что в той или иной части выявлено... Потому и выявлено запоздало, что командиру, как это ни парадоксально, невыгодно раскручивать по полной схеме негативный случай — себе дороже, людям своим, ни прямо, ни косвенно не связанным с происшедшим. Его, в принципе, поощрять надо за рашение и усердие, коли он сам обнаруживает служебный недуг, ставит диагноз, назначает лечение и направляет выпуску из истории болезни "верхам". А ему карьеру ломают.

Посмотрите вокруг: наши соотечественники лихорадочно, бешеными темпами приватизируют все, что под руку попадет, — дома, земельные угодья, предприятия, магазины... Мы сокрушаемся, по причине служебной загруженности и житейской бедности оставаясь в стороне от происходящего: что же нам-то, людям военным, взять в личную собственность, кроме головной боли и бытовой неустроенности? Так, может, есть резон начать с приватизации ответственности? Дело беспронижительное, не требующее абсолютно никаких затрат, но, сдается, весьма рентабельное, прибыльное. Казалось бы, многолетним опытом убедительно доказано, что принцип "один за всех и все за одного", неприемлем в дисциплинарной практике. А отказаться от него боязно — привыкли. В части произошел трагический случай: солдат со склада отлучился искупаться и утонул. Так опять же наказали более десятка офицеров. Со знакомыми, набившими оскомину пространными формулировками. Заместитель командира подполковник А. Дубровин на вопрос: "Вас-то за что?", — только развел руками: "Должность обязывает. Порядок такой, несуровой". Разве это порядок? Никому же не придет в голову поощрить командование батальона или управление части, если солдат совершит добрый поступок, проявит бдительность, например!

На каком заводе наказывают директора или его заместителя за то, что рабочий прогулял или напился у станка? Допытывался недавно у знакомого таксиста: если, не дай Бог, водитель попадет в аварию по собственной вине, пострадает ли руководство таксомоторного парка? Он не понял: за что? Поинтересовался у соседа — директора школы: если кто-нибудь из учителей, не приведи Господь, поднимет руку на ученика или сами старшеклассники-акселераты разольют бутылочку где-нибудь в укромном школьном закутке, с тебя спросят? Он удивился: за что? Полюбопытствовал у школьного товарища — хирурга: если твой коллега допустит роковую ошибку, и больной, Боже сохрани, не переживет операцию — главврача снимут с должности? Хирург посмотрел на меня взглядом психиатра. Стружку снимут с конкретного пьянчужки на заводе, с лихача на автопредприятии, с горе-педагога в школе, с недотепы хирурга в клинике. Почему же у нас в войсках на плаху кладут не одну голову, а, как минимум, дюжину? Что ж мы такие кровожадные! Это же как надо не любить людей, окружающих нас, и самих себя!

Упрекнете: сравнил — таксиста и офицера. А что, у командира сердце бронезищелом укрыто и застраховано от инфаркта? Или двуличный он и ему не так же больно от вопиющей несправедливости? Не случайно некото-

рые офицеры, надумавшие расстаться с войсками "по собственному желанию", приводят и такую мотивировку своего решения: "Надоело быть мальчиком для бития!"

Не от беспощадности ли этой треклятой системы тотального дисциплинарного воздействия и прорастают в иных душах ростки черствости, жестокости, пагубной привычки видеть в подчиненных в лучшем случае чело-веческий материал, но никак не самих людей. И это "чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя".

ЗНАЮ ОДНОГО офицера — труженик, каких поискать, порядочный человек (потому и фамилию не назыву). И хорошо помню, как возмущался он, глубоко уязвленный, тогда еще молодой командир взвода, что наказали его за проступок солдата.

— Я вообще был в это время в командировке, — горячился. — Да и можно ли предугадать, предвидеть каждый шаг бойца? Вот смастерил он этот чертов кипятильник из лезвий и сунул с ним в розетку. Знал же, что нарушает все и вся, зачет по технике безопасности мне сдавал, подпись свою поставил, а полез. А меня за отсутствие контроля — по шапке. Справедливо ли?

Недавно встретил его — уже заместитель командира полка. Вхожу в кабинет — разное учиняет ротному. По иронии судьбы — за нарушение солдатом мер безопасности.

— Гнать вас всех вместе с замаями и взводными, — кричит, — из войск паганой метлой. Людей не знаете. Меры безопасности для вас — пустой звук...

Старший лейтенант, понурился, пытается что-то объяснить. Да куда там — бесполезно, грустный армейский юмор: "Молчите, когда вас спрашивают!". Все возвращается на круги своя? Вчерашняя несправедливость стала нормой бытия, службы?

Сказал ему об этом, когда остались наедине. Грустно улыбнулся в ответ: "С волками жить — по-волчий вить".

Зачем? Ради чего? Неужели и впрямь кто-то искренне верит в то, что незаслуженное наказание, говоря служебным языком, способно сыграть свою воспитательную роль. Ожесточить — может, сделать лучше, чище — вряд ли. Скажу больше: подобная огульная, валовая взыскательность, на мой взгляд, не что иное, как расписка в собственном бессилии за неспособность к принятию действительно полезных, по-настоящему действенных мер. И если устоявшаяся система заставляет нас время от времени это бессилие остро ощущать, испытывать — грош ей цена.

Историки утверждают, что чудовищные пирамиды из человеческих голов, подобные той, что мастерски запечатлел Верещагин, и возводимые по приказу среднеазиатских завоевателей — примета древней эпохи. Ошибаются...

И еще один любопытный факт: тело первого беглеца — осужденного Головина, с чьей легкой руки, а точнее, ноги высыпались градом взыскания на головы офицеров, как сказано в ориентировке, сверху донизу татуировано затейливыми, кодированными в уголовном мире рисунками. Есть там и такая многозначительная надпись: "Не гони, они устали". Вспомнил я всех пострадавших за него людей служивых и подумал: золотые слова.

Подполковник А. УШАР.

Продолжаем разговор о месте и роли заместителя командира по работе с личным составом, начатый майором М. Кибакиным в статье "Замполит умер... Да здравствует „замполуд“?" ("На боевом посту", 1992, N 11-12)

"ПОМИРАТЬ НАМ РАНОВАТО..."

ЧТО БЫ СЕГОДНЯ ни говорили об армии "тоталитарного режима", какие бы ярлыки на нее ни навешивали, даже самые яростные ниспровергатели и хулители, затупившие немало копий в жарких словесных баталиях и наломавшие столько же дров на ниве "революционных реформ", вынуждены признать (факты — вещь упрямая): во времена застоя, оттепели и культа народ чтит и уважал своих защитников, а те платили ему сторицей, честно и добросовестно исполняя воинский долг. Дух патриотизма, гордость за службу в Вооруженных Силах, внутренних войсках поддерживались проверенной на оселке многолетнего опыта системой политико-воспитательной работы, учебного процесса.

И вот эта система, коварно подточенная изнутри и снаружи, в одночасье рухнула. Под предлогом реорганизации политорганов был подвергнут "чистке", корпус преданных Родине кадров, отвечавших вместе с командирами за моральный дух армии, ее дисциплинированность и порядок. Стремясь посеять в душах солдат и молодых офицеров зерна недоверия к воспитателям и пропагандистам, некоторые средства массовой информации развернули широкомасштабное наступление против политработников. И, надо сказать, здорово в этом преуспели. Не преминули подсыпать свою порцию соли на раны и некоторые ретивые начальники, привыкшие за годы перестройки держать нос по ветру "радикальных реформ". Одним движением пера из распорядка дня вычеркнуто время, отводимое для проведения воспитательных мероприятий. Ослаблен контроль за дисциплинарной практикой, предана забвению индивидуальная работа с людьми, хотя по логике вещей — какое время на дворе! — следовало бы все силы бросить на сплочение воинских коллективов, укрепление уз товарищества...

Да уж, ломать — не строить. И то, что за всякое разрушение, совершенное наперекор естественному ходу вещей, неизбежна расплата, как-то мало утешает. В нашей стране оплачивать исторические долги нередко приходится тогда, когда с виновных, что называется, и взятки гладки — "иных уж нет, а те далече..."

Полвека назад "справного мужичка", Фрола, обзавав кулаком, раздели донага и отравили в места не столь отдаленные, дабы не мешал осуществлять "коренной перелом". Такая участь постигла весь класс защиточных тружеников. А недавно — продолжим аналогию, удачно использованную в статье "Замполит умер...", — пошел обратный процесс: даешь фермерство взамен обанкротившихся колхозов, авось новоявленные Фролы урожаем со своих "отрубов", накормят обнищавшую страну! Увы, одна утопия рождает другую...

Не пришлось бы вот так же кусать локти после скоропалительной перекройки систе-

мы всей воспитательной работы, в результате чего вчерашний замполит оказался в незавидном положении фольклорного стрелца, который получил августейший приказ: "Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что". Уже сейчас жизнь все настойчивее выдвигает требование об укреплении в войсках института воспитателей, вооружении их современной — включая психолого-педагогические, социологические, правовые аспекты — методикой работы с личным составом. Завтра эта проблема ударит во все колокола. Только может случиться так, что к тому времени утверждение "замполит умер", будет звучать не в переносном смысле, а как констатация реально свершившегося факта: сошел с исторической сцены политработник старого типа, вскоре приказал долго жить и "людовед, постперестроечной эпохи, уставший болтаться в подвешенном состоянии. Желали не желали того "архитекторы, и "прорабы, "политических, реформ в армии и внутренних войсках — дело сделано: многие выпускники бывших политучилищ, еще не прибыв в части, пишут рапорты на увольнение, а те, кто отважился вкусить замполитского (простите, "замполудского") хлеба, быстро начинают жалеть об этом и тоже стройными рядами уходят на гражданку с ее соблазнами сладкой коммерческой жизни.

Значит, впереди — никакого просвета, мрак сплошной? — опустит руки пессимист. Нет, безвыходных положений, как известно, не бывает. Чтобы вернуть забуксовавшие, точно иноземный "кадиллак", на российских хлябях, реформы в конструктивное русло, нужно совсем немного: позаботиться о повышении престижа профессии офицера-воспитателя, четко очертить круг обязанностей, помочь ему избавиться от гнетущих комплексов, обрести уверенность в том, что его должность — не бесполезный атавизм, оставшийся в наследство от "партийно-комиссарского, прошлого, а жизненно важное звено армейского организма.

В чем конкретно должна выразиться забота — написано и сказано столько, что каждое новое слово на эту тему заставляет вспоминать восточную пословицу: "Сколько ни произноси "халва" — слаще во рту не станет".

Резкое увеличение материальной заинтересованности... Неукоснительное выполнение на местах государственных гарантий социальной защиты военных... Нормальное финансирование деятельности общественных институтов в войсках (советы офицерского собрания, советы рот и батальонов, женсоветы), с которыми должны тесно сотрудничать командиры и их заместители по работе с личным составом... Покажите мне хоть одного высокого начальника, государственного мужа, который бы не прижимал руки к сердцу в знак глубокого понимания всей остроты наших проблем, когда до олимпийских высот доходили сигналы SOS из "ни-

зов! А между тем "замполуд", как бился, так и бьется будто рыба об лед, решая уравнения со многими неизвестными: нет денег на подписку газет и журналов — "икс", культпросветмишество — острейший дефицит — "игрек", спортивный инвентарь пришел в негодность, а для получения нового нужен могучий спонсор — "зет"... Да что говорить, даже организация похорон умерших и погибших военнослужащих частям сейчас не по карману: ритуальное пособие определено соответствующим законом в размере аж трех минимальных месячных зарплат. Пускаем шапку по кругу, всем миром собираем по крохам необходимую сумму, чтобы достойно проводить в последний путь однополчанина, оказать материальную поддержку осиротевшей семье...

И после этого хотим получить какой-то кредит доверия? Прошли времена, когда энтузиазм нищих масс зажигался призывами и лозунгами с обещаниями райской жизни в будущем. Сейчас иная агитация достигает цели. И пока военные будут прозябать, словно последние изгои в родной стране, наблюдая, стиснув зубы, как жируют, набирают мощную спекулянтско-нувориши, очень непросто "замполуду", воспитывать, агитировать и пропагандировать — с надеждой, что его слово в солдатских душах отзовется.

Но все же, как бы трудно ни приходилось, не имеем мы права без боя оставлять свои позиции, сдаваться на милость геростратов. Сегодня фронт деятельности офицеров-воспитателей широк как никогда, а стоящие перед ними задачи по своей сложности, пожалуй, не имеют аналогов в сфере армейской политработы послевоенного времени. И никто за нас решать их не будет.

Начнем с того, что в строй молодых защитников Родины становятся сейчас дети эпохи "нового прагматического мышления". Не боясь прослыть неисправимым ретроградом, замечу: нынешняя армейская молодежь доставляет командирам и воспитателям намного больше хлопот, чем юноши, служившие в войсках десять и даже пять лет назад. И это не столько вина, сколько беда новых "героев нашего времени".

Во всех странах стараются воспитывать подрастающее поколение в духе патристических, национальных традиций. У нас же последние годы прошли под знаком дешевых американских видеофильмов, в удушливой атмосфере нарождающегося дикого рынка. Многие молодые парни просто напичканы образами насилия и секса, их идеалы, стереотипы поведения ничего общего не имеют с ответственными культурными и нравственными ценностями, оторванными от здоровой национальной почвы. Стоит ли после этого удивляться тому, что в воинских коллективах все чаще самоутверждаются, проявляя такие качества, как раскованность и жестокость, правовой нигилизм и безответственность, стремление сейчас же, немедленно взять от жизни как можно больше...

Повсюду в цивилизованном мире ратная служба окружена ореолом почета и уважения. Дети сенаторов, министров — и те считают делом чести надеть военную форму. А нашу армию несколько лет втапывали в грязь опьяневшие от "демократической", вседозволенности журналисты и политики. Недавно хватились: не под собой ли, господа, сук рубим? — да поздно. Молодежь шарахается от военкоматов точно черт от лада, а дезертирство становится таким же массовым явлением, как в былые времена патристические движения стахановцев и ворошиловских стрелков.

Некоторые серьезно уповают на грядущую профессионализацию войск, видят в ней панацею от всех свалившихся на нашу голову

бед. Хвала оптимистам, но давайте все же спустимся с небес на грешную землю: месячное жалование в несколько тысяч "деревянных", которые держава положит вилонтеру, — слишком слабый магнит для привлечения в войска добровольцев. Хорошо если укомплектуем профессионалами должности сержантов и младших специалистов. И то лишь в географических широтах, где улудей под ногами городской асфальт, а не таежная грязь.

Таков взгляд на перспективу глазами реалиста. С какой стороны ни подойти, без фигуры заместителя командира по работе с личным составом, его определяющей роли в ориентации молодых солдат на высокие социально-нравственные ценности — патриотизм, верность присяге, ответственность перед Отечеством — армейскую жизнь просто невозможно представить.

Еще одна точка приложения усилий офицеров-воспитателей. Многочисленные средства массовой информации ежедневно обрушивают такую лавину разноречивых материалов о нашем прошлом и настоящем, что самому воину без солидной теоретической подготовки не отделить зерна правды от плевел лжи и клеветы. Умно и ненавязчиво помочь ему выработать идейную позицию верного сына Отечества опять же призван зам. по работе с личным составом — профессиональный педагог, пропагандист, психолог.

А разве пришло время списывать в архив драгоценный опыт политической и организаторской работы, приобретенный в горячих точках бывшего Союза? После происшедших трагических событий возникает опасения, что этот опыт еще не раз (упаси Бог!) послужит военным сущее.

Мне самому довелось в течение девяти месяцев выполнять обязанности заместителя коменданта Нагорного Карабаха. Без преувеличения, буквально каждый день обстоятельства требовали заниматься решением вопросов, имевших там, в особом районе, ярко выраженную политическую окраску: опираясь на аппарат управления комендатуры, комендантов участков и их заместителей по работе с населением, доставать муку для заблокированных сел, обменивать заложников, восстанавливать взорванные водоводы, проводить многочасовые конференции с иностранными журналистами. Но труднее всего было отвечать на вопросы солдат: во имя чего россияне терпят лишения, рискуют жизнью в чужом краю, чьи интересы защищают, отдаваясь за ошибки и преступления властей предрержащих? И политработники, разъясняя смысл благородной миссии внутренних войск в пылающем регионе, не лукавили, не лгали, о чем упорно твердят некоторые нечистоплотные журналисты. Говорили то, что подсказывало сердце: долг военных — бороться со злом в любых его проявлениях, на том стояли и стоять будут армия и силы правопорядка. Убеждали не только правдивым словом, но и личным примером мужества, героизма. Как заместитель командира роты по политчасти лейтенант Бабак, который вместе с двумя сержантами принял неравный бой, защищая безоружных азербайджанцев, а когда кончились патроны, поднялся навстречу смерти, чтобы спасти подчиненных. Как политработник майор Мурзин, не побоявшийся выступить с небольшой группой бойцов против взвода азербайджанских омонцев, устроивших бойню в армянском селе...

...Говорят, замполит умер, лишившись привычного профессионального имени. Не будем торопиться с панихидой. "Помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела!"

Полковник А. ПОЛОЗОВ.

ЧТО ГОТОВИТ ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ?..

Письмо в номер...

Уважаемая редакция, обращаемся к вам за помощью. Мы устали терпеть постоянные унижения со стороны нашего начальника штаба батальона — капитана Воронкова. С солдатами и сержантами он разговаривает только матерным языком, просто неприлично приводить здесь те слова, которые он употребляет. Люди и так до предела устают при выполнении служебных задач, по несколько суток не сменяются из нарядов. И обидно, что к нам такое отношение.

Условия, в которых мы существуем, трудно назвать подходящими для выполнения задач боевой службы. Обстановка в городе, как и во всем нашем регионе, напряженная, часто слышат солдаты в свой адрес оскорбления, нас провоцируют на драки. При всем этом запрещено выхо-

дить в увольнения в гражданской одежде. Вот и сидишь выходные в роте. Телевизора у нас нет, газет — нет, вашего журнала — тоже, просмотр кинофильмов в выходные дни не организован. Иногда приезжают родственники, знакомые, но и их нашему начальнику штаба ничего не стоит унижить, оскорбить. Когда видишь такое, то невольно хочется досадить этому офицеру.

И еще одно. Служат в роте и те, кто прибыл сюда недавно из подразделений, дислоцированных в других республиках. Так в их адрес начальник штаба говорит пошлые слова, оскорбляющие национальное достоинство солдат. Допустимо ли такое?

Личный состав роты (22 подписи).

...и комментарий к нему

Сразу же скажу по сути письма: все факты, приведенные в нем, подтвердились. Мало того, побывав в данном подразделении, мог бы к ним присовокупить и новые. О них — речь впереди, а пока давайте вместе подумаем над некоторой, что ли, алогичностью солдатского послания в редакцию.

Что в этой жалобе поставлено на первый план? Грубость, невыдержанность офицера, с которым личный состав общается далеко не каждый день и который прибыл сюда служить всего два месяца назад. И как бы походя, мимоходом повествуется о тех бедах, которые сопровождают воинов ежедневно.

Хотите — верьте, хотите — нет, но в первых числах декабря (!) прошлого года меня спрашивали: а правда ли, что чемпионом России по футболу стали спартаковцы, что Попов ушел из мэров Москвы? На своем острове площадью в казарму современные робинзоны читают обрывки старых газет, лишь так общаясь с внешним миром. Если я и утрирую, то самую малость. Бывает, конечно, что офицеры от случая к случаю из дому "читиво" доставляют или по делам службы солдаты в пределах досягаемости киоска Роспечати находятся. Но в роту ничего не

выписывается. Радиоточку только-только поставили, телевизора нет... И вообще много чего нет: настольных игр, спортивного инвентаря, музыкальных инструментов, коллективных выходов в музей, театр... Решает вопросы организации досуга не начальник штаба батальона (или, скажем точнее, не один начальник штаба), но почему же гнев воинов обрушился именно на него? Почему так в штыки было воспринято ими новое должностное лицо?

Да именно потому, что новое. Не надо быть большим психологом, чтобы понять: люди, живущие в плохих условиях и в силу обстоятельств не имеющие возможности сами что-либо изменить, ждут помощи или хотя бы понимания извне, связывают свои надежды с приходом "добраго царя". А тут — пришел тот, кто не только не захотел вникнуть в их нужды, но и оборвал грубым словом.

Как, интересно, отреагирует на сигнал воинов командование части? Объявит капитану Воронкову взыскание, отстранит от должности? Всяко может быть. Но тут одно сказать хочется. В течение года в этом батальоне на сто процентов (!) произошла замена командиров рот, огромная текучесть — в стане

взводных, не по своему желанию расстался с должностью комбат майор Голиков, о начальнике штаба уже говорилось, прервали подписку и сняли погоны двенадцать прапорщиков — «первых помощников офицеров»... В общем, кадровые передвижки идут вовсю, но меняется ли общая ситуация? Нет. Множатся неприятности при выполнении служебных задач, не улучшаются бытовые условия...

Может быть, письмо солдатам надо было не в журнал отправлять, а командованию части? Может, не знают там о их бедах? Так нет же. Приезжают сюда офицеры различных рангов для контроля и оказания помощи. Недели за три до того, как прибыл сюда корреспондент, вечер вопросов и ответов проводил в роте сам командир части. И о газетах, и о телевизоре, и о спортивном инвентаре — обо всем выслушал, обещал помочь.

Но после его отъезда на протяжении этих самых трех недель солдат перестали даже... в баню водить!

И еще. В течение этих же дней один из командиров взводов горемычной роты побывал по делам службы в ядре части, заодно попробовал там разжить спортивным инвентарем: мол, командир части говорил, что выделит нам кое-что. Но к кому бы он ни обращался, все были «не в курсе». Ни с чем вернулся офицер. Пошел с протянутой рукой по иным инстанциям, и тут товарищи по оружию, омоновцы города, помогли: выделили, на время правда, штангу. «Мы понимаем, бойцам надо быть на высоте в физическом плане».

ОМОН понимает. А родная часть? А командир, забывший о своем обещании? Впрочем, многое ли он может сегодня?!

Ответ на вопрос можно дать очень даже простой. Если бросили тебя на новое место и нет там пока ни служебных, ни дружеских связей, что ты сделаешь?! Банно-прачечный комбинат, кинопрокат, магазины, учреждения культуры такие суммы запрашивают, будто войсковая часть — финансовый магнат. На месте, в батальоне, первые лица тоже новые, прежде чем с них требовать, надо показать, на что сам способен. А как тут покажешь?.. И легко ли признаваться подчиненным в собственном бессилии?!

Такое оно, новое время, такие они, новые обстоятельства. Можно еще добавить, что нестабильность и разрыв всех связей ныне ощущаются по всей стране, но кому конкретно будет от этого легче? Подобными объяснениями солдатам бани не заменишь, тут — расшибись, командир, но все сделай для того, чтобы соблюсти «святую», как называл ее М. Драгомиров, заповедь: «Солдат тогда солдат, когда помыт, одет, накормлен, лишь после этого с него спрашивай по полной мере».

Но, что хочется подчеркнуть, рвутся не одни лишь экономические связи между регионами, предприятиями — теряются и нити взаимопонимания между людьми, объединенными общностью не только интересов, но и, так сказать, существования. Вот лишь несколько примеров из нашей жизни. Офицер

подает в суд на своего начальника. Прапорщики жалуются: ни во что не ставят их командир роты — «Кичится своим званием, нас не хочет ни понять, ни выслушать». Сержанты пишут: командиру взвода ничего не стоит унижить нас перед строем. Солдаты спрашивают: мы что, нужны только как тяговая сила? Никого не интересует, как мы живем, когда возвращаемся с боевых постов. Иногда дело до парадоксов доходит, как, к примеру, в письме, о котором идет речь. Раз офицеры в свои выходные ходят по городу в гражданских костюмах, то почему это нельзя делать нам? — задают вопрос авторы. При встрече они сами заулыбались над этим предложением. И тогда же признались: да, тут переклест вышел, и все из-за обиды, что не понимают нас, не заботятся...

О чем свидетельствуют такие примеры? О печальном. Воинские коллективы перестают быть коллективами. Как разбегающиеся вселенные, отдаляются друг от друга офицеры, прапорщики, воины срочной службы. Впрочем, в каждой из этих трех категорий тоже нет сплоченности. Любой конфликт, любой спорный вопрос решается не в горизонтальных структурах, не во взводе, не в роте — письма и звонки «летят», наверх. Значит, надежда — не на коллективное понимание и решение проблемы, а на доброго барина, который приедет и рассудит. Вот и в случае с этим батальоном. Солдатам в первую очередь требовалась моральная поддержка, ибо объективные трудности, стоящие ныне перед войсками, они понимают не хуже командиров. Выговориться им нужно было, увидеть, что их понимают и делают все возможное, чтоб легче переносились неурядицы... Не поняли их. Дают пустые обещания, а то и того хуже — матерят.

Созрела проблема не только телевизорная, газетная или банная — улетучивается у нас дух взаимовыручки, взаимопонимания. Уходит то, что всегда было присуще настоящему коллективу. Совсем не из желания идеализировать вчерашний день скажу все же: какая-никакая, а польза от комсомольских и партийных собраний в этом плане была. Много, правда, пустых разговоров шло, не всегда дело делалось, но «пар», все же выпускался, болевые точки очерчивались, не терялось ощущение, что сообща мы чего-то, да можем добиться...

Сейчас и этого ощущения нет. Растет взаимное непонимание. Вероятен прогноз, что завтра будет еще хуже. Завтра войска, как, впрочем, и все Вооруженные Силы, ждет служба по контракту. Новой для нас будет не только экономическая сторона. Как отнесутся те, кто жалеет служить на контрактной основе, к воронковым? К пустым обещаниям командиров? Как отнесемся мы к подбору кадров, есть ли уверенность, что распрощаемся с худшими, оставим лучших? Но ведь и лучшим-то все равно надо сложиться в коллектив, без этого в боевой службе успехов не видать!

Как же нам, отрекшись от старого багажа, работать с людьми? Какие формы искать?

Майор И. КОЗЛОВ.

УСТАВЫ

НА ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

ИТАК, военнослужащие России начали жить по временным общевойсковым уставам. Согласно Указу, их действие распространяется и на внутренние войска, и на военизированную пожарную охрану МВД, и на военнослужащих всех других министерств и ведомств. Они выпускаются в свет Воениздатом, что, кстати, обойдется Министерству обороны почти в 11 млн. рублей. Причем тираж ограничен 280 тысячами. Так что рассчитывать на широкое распространение столь важных нормативных актов не приходится. А жаль, ведь, судя по всему, многие у нас все еще руководствуются старыми представлениями об армии, хотя она и обновляется.

Временные уставы рассчитаны на переходный период. Они будут дорабатываться, и к 1 марта 1995 года уже должны быть готовы проекты постоянно действующих уставов.

Что же нового мы видим в них по сравнению с прежними? (К сведению читателей: действовавшие общевойсковые уставы — Устав внутренней службы, Дисциплинарный устав и Устав гарнизонной и караульной служб — были утверждены Президиумом Верховного

Совета СССР, а Строевой устав — министром обороны СССР в 1975 году). На фоне сообщений прессы из горячих точек Содружества, на фоне получивших широкий резонанс высочайших указов и постановлений, обусловленных новым обострением борьбы за власть в России, упоминание в газетах об Указе Президента России "Об утверждении временных общевойсковых уставов Вооруженных Сил Российской Федерации, промелькнуло, можно сказать, незамеченным. За исключением разве что московской молодежной газеты, которая в очередной раз попыталась "ущипнуть" военных, выдав давние проекты общевойсковых уставов, опубликованные в печати три года назад, за утвержденные ныне Президентом.

И это понятно: "борьба за выживание", не оставляет времени обывателю для заглядывания в какие-то там армейские дали. А упомянутый Указ как раз и обращает нас к завтрашнему дню Вооруженных Сил, а также внутренних войск, поскольку речь в нем идет о документах, которые вступили в действие только с 1 января нынешнего года.

Совета СССР, а Строевой устав — министром обороны СССР в 1975 году).

Тот, кто знаком с Уставом внутренней службы, знает, что начинается он с текста военной присяги. Во временном уставе этого текста нет, хотя порядок приведения к присяге оставлен прежний. Помните? "В назначенное время воинская часть при Боевом Знамени и с оркестром выстраивается в пешем строю...". Впечатляющий, запоминающийся момент! И вполне закономерно, мне кажется, что этот ритуал, как и многое другое, что возвышает воина, напоминает ему о долге перед Отечеством, о чести быть его защитником, берет на вооружение молодой российской армией. Уставные истины ведь не с неба упали к нам, они добывались потом и кровью многих поколений воинов.

Да, пришло время освободить их от идеологической упаковки, что, кстати, и сделано. Во всяком случае упоминание о руководящей роли какой-либо партии во временных уставах российской армии вы не найдете. Внесен и ряд изменений, обусловленных распадом Советского Союза. Опущены все связанные с его существованием наименования и аббревиатуры. Например, если

командир (начальник) в порядке службы поздравляет или благодарит военнослужащего, последний должен отвечать: "Служу Отечеству.. Во внеслужебное время и вне строя офицерам разрешается обращаться друг к другу не только по воинскому званию, но и по имени и отчеству. Возрождаются такие понятия, как "слово офицера,, "честь имею,,... Но это не значит, что отменяется начисто все, что было в Советской Армии. Сохранить все лучшее, что заложено в существующих уставных документах, поставить опыт поколений защитников Отечества на службу новой армии России — это, как мне представляется, одна из благороднейших задач и тех, кто сегодня уже работает над проектами постоянно действующих уставов. Этим, кстати сказать, руководствовалась и рабочая группа по подготовке временных уставов, созданная в Главкомате Сухопутных войск.

Тем не менее в жизни армии и флота в последнее время появилось немало новых моментов, требующих законодательного закрепления уже сегодня. И это учтено разработчиками уставов. В частности, во временном Уставе внутренней службы изложен широкий комплекс мер по созданию надежного механизма правовой и социальной защищенности военнослужащих. Так, отныне военнослужащий при исполнении обязанностей военной службы является представителем государственной власти. Уставом оговорены соответствующие международным соглашениям права, обязанности и особенности поведения военнослужащего в случае захвата его противником в плен. Четко определена продолжительность рабочей (служебной) недели для различных категорий военнослужащих. Она будет 5 — 6-дневной. Дополнительно к распорядку дня вводится регламент служебного времени офицеров, прапорщиков, мичманов, военнослужащих-женщин. При этом указывается, что круглосуточные дежурства офицеров и прапорщиков в частях и подразделениях, равно как и назначения различного рода "ответственных,, могут вводиться только на ограниченный период.

Всего этого в уставах Вооруженных Сил СССР не было. Зато сколько споров было, скажем, по поводу тех же "ответственных,, которых "волевые,, командиры назначали по всякому поводу, подменяя тем самым должностных лиц, отвечающих за тот или иной участок работы. Такая практика не только усложняла и без того нелегкую жизнь

офицеров, но и расхолаживала людей, потому что спрос за нарушения был с "ответственных,,.

Кстати, коль уж речь зашла об этом, надо сказать и об изменениях, касающихся и дисциплинарной практики в целом. Тут уместно вспомнить, как много у нас было в свое время строгих приказов и всевозможных кампаний партийно-политического характера, направленных на борьбу с укрывательством некоторыми командирами нарушителей дисциплины, с очковтирательством в дисциплинарной практике. Борьба эта, как известно, мало что давала, потому что "крайним,, в случае каких-либо нарушений в части или подразделении, как правило, оказывался командир. Это связывало его по рукам и ногам, отбивало охоту выявлять нарушителей дисциплины, выносить их проступки на суд общественности. Более того, он просто вынужден был идти порой на всякого рода ухищрения и даже на сделку с совестью, чтобы избежать наказания за проступки подчиненных. Сам же нарушитель при этом часто отделялся, как называется, легким испугом. Временный Дисциплинарный устав все расставляет по своим местам. Не будет теперь командир (начальник) нести ответственность за преступления и проступки подчиненных, если они не являются прямым следствием его деятельности или непринятия мер по их предупреждению. А это значит — можно, не опасаясь испортить общую картину дисциплинарной практики в части, подразделении и собственную биографию, смело и гласно вести работу по искоренению "дедовщины,, и прочей "заразы,, подрывающей авторитет армии, престиж военной службы.

А вообще надо заметить, что диапазон дисциплинарной практики командиров расширен по линии как взысканий, так и поощрений. Например, для поощрения солдат, матросов, сержантов и старшин разрешается дополнительное увольнение из расположения части до 1 суток. Кроме обязательного отпуска военнослужащий срочной службы может получить в качестве поощрения краткосрочный отпуск до 5 суток. Прапорщикам и мичманам может быть досрочно присвоено очередное воинское звание. К офицерам наряду с другими будут применяться и такие формы поощрения, как занесение в Книгу почета воинской части (корабля), присвоение очередного воинского звания до полковника, капитана 1 ранга включительно, на одну ступень выше воинского

звания, предусмотренного занимаемой штатной должностью.

А что нового относительно взысканий? Исключено такое взыскание, как замечание. Вне очереди в наряд солдаты и матросы могут теперь назначаться только на работу, а не на службу, как было раньше. Право применять это взыскание предоставлено командирам (от командира отделения и выше). А командир полка имеет право в качестве дисциплинарного взыскания увольнять сержантов и старшин сверхсрочной службы, а также солдат, матросов, сержантов и старшин, поступивших на военную службу по контракту, и военно-служащих-женщин в запас до истечения срока службы.

К офицерам не будет больше применяться такое взыскание, как арест с содержанием на гауптвахте. Прапорщикам и мичманам срок содержания на гауптвахте сокращен с 10 до 5 суток. По отношению к военнослужащим сверхсрочной службы, солдатам, матросам, сержантам и старшинам, поступившим на военную службу по контракту, — с 10 до 7 суток.

Изменения и дополнения — в меньшей мере это относится к Строевому уставу — внесены во все уставы. Введен ряд новых положений, например, глава «Боевое дежурство (боевая служба)», которой открывается часть третья временного Устава внутренней службы. Во временном Уставе гарнизонной и караульной служб появился новый раздел «Караульная служба с применением технических средств охраны», и т. д.

Вообще, анализируя эти и другие изменения в комплекте общевоинских уставов, касающиеся организации службы, надо заметить, что они направлены на укрепление порядка в этом деле, обеспечение более надежной охраны и обороны военных объектов. Так, значительно переработаны главы Устава внутренней службы, где излагаются особенности внутренней службы в парках, при расположении войск на полигонах, в лагерях и при перевозке. Во временном Уставе гарнизонной и караульной служб раскрыты особенности организации охраны самолетов, вертолетов и других объектов на аэродромах, охраны и обороны штабов и командных пунктов от объединения и выше, военных учреждений.

Или вот такой вопрос: как быть начальнику караула в случае объявления тревоги? В действовавшем уставе ответ на него сводился к тому, что при этом

караул должен быть вызван «в ружье». А что дальше?.. Теперь у начальника караула будет больше ясности. Определен и порядок смены караула в случае объявления тревоги, чего раньше в уставе вообще не было. Для тех, кто интересуется, можем сообщить, что, например, во время нахождения воинской части на учении караул во главе с офицером может нести службу без смены семь суток.

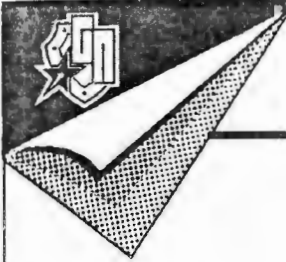
Впрочем, не будем утомлять читателя перечислением всех положений, которыми отличаются временные уставы российской армии от доставшихся ей в наследство уставов армии советской. Но вот о чем все же хотелось бы сказать.

Конечно же, у новых уставов найдутся критики. Дотошный приверженец идеи ускорения военного строительства, строго реформирования Вооруженных Сил найдет в них что-то, что его не устроит. Наверняка им недостает еще чего-то такого, что должно быть присуще уставам именно российской армии. Не все в них, наверное, безукоризненно и с точки зрения, что речь уже идет об уставах Вооруженных Сил, которые должны функционировать в условиях рыночных отношений, — а там, как известно, действуют свои механизмы и стимулы, не учитывать которые в работе с людьми просто нельзя. И все же...

По мнению специалистов, временные общевоинские уставы в целом отражают современные требования к боевой готовности войск и сил, организации службы, воспитательной работы с личным составом, обеспечению безопасности военной службы, социальной и правовой защищенности военнослужащих. Ну а что касается их совершенствования, то уставная комиссия Вооруженных Сил ждет предложений.

А пока разрабатываются постоянно действующие уставы, пока в парламенте идут дебаты вокруг законов, касающихся обороны и безопасности страны, ее граждан, судеб ее защитников, нам придется жить по уставам временным. И какие бы разговоры вокруг них ни велись, сам факт их появления — это уже подвижка в ликвидации правового вакуума, в котором в силу разных причин оказались на первых порах военнослужащие российской армии. И исходить тут, видимо, надо из непреложной истины: уставы пишутся для того, чтобы их выполняли.

Полковник Г. МИРАНОВИЧ.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Сергей ДМИТРЕНКО

ВЫ ВСЕ, КОНЕЧНО, ПРОМНИЛИ ...

Рассказ

Наверняка половина из того, что вы узнаете сейчас о Матюхине, покажется вам враньем. Возможно, вы, человек зрелый и трезвый, уже на второй странице прихлопнете ладонью сию рукопись и произнесете нечто в том смысле, что вот опять об офицерах сказки сочиняют, что такого никогда не могло быть, что автор вообще не знает службы, изводит бумагу непонятно на что и зачем... Но тут я, как модно сейчас выражаться, дико извиняюсь и довожу до вашего сведения, что многое из жизни Матюхина пересказываю с чужих слов и допускаю, что именно это многое – та половина, которую не все примут на веру.

Может, они и правы.

Но что же делать, если мы так хотели, чтобы старший лейтенант Матюхин был именно таким?

ВЕРНУСЬ К ТОМУ, что знали мы о нашем взводном к моменту его появления перед ясными очами тех, кому комбат Савченко адресовал фразу, ставшую крылатой: "Где ж такую гауптвахту найти, чтоб весь взвод там разместить?!",

Вообще-то наш комбат был страшно разговорчивый, на любое слово собеседника находил десять своих, был мастер препираться даже с командиром полка, но когда тот сообщил ему, что в батальоне будет служить старший лейтенант Матюхин, Савченко минут пять беззвучно шевелил губами, потом убито сказал: "Ни фигя себе!", – и до конца того дня не выходил из своего кабинета, словно обдумывал тактическую задачу по уничтожению незваного пополнения. Даже мы его поняли и пожалели. Матюхин есть Матюхин. Два громких его дела только-только отшумели в дивизии, и жаром еще веяло от них.

О первом мы услышали от Алика Маринича, вернувшегося с полкового сбора часовых-операторов. А Алику Мариничу о том, что произошло, поведали ребята прямо из той роты, в которой старший лейтенант Матюхин чуть не шлепнул сержанта Рафиля Сафиуллаева. В самом прямом смысле чуть не шлепнул: из пистолета.

Сафиуллаев вообще зверь был. Туповатый, мстительный зверь с желтыми глазами. Лично я помнил его по учебному пункту, где он командовал отделением. Упитанный, кривоногий и злой — он не разговаривал, он шипел, растягивая слова команд и зачем-то, может быть для устрашения, заменяя при этом букву "ш" на "щ": "Щ-щто за стойка у вас, солдат? Щ-щто улыбаешься? Слезьми у меня мочиться хочешь, да?". Знаю я также, что ночью в бытовке он бил тех, кто не приглянулся ему днем. Перед тем как нас развести по ротам, ему на плацу объявили благодарность за то, что его отделение стало лучшим по строевой подготовке.

Я не верю, что никто не знал о методах работы сержанта. Но раз у него запуганные солдаты по струнке ходили, то вроде и ругать его не за что. И потом, бил-то он умно: ребра целые оставались и жалоб от солдат не поступало.

Старший лейтенант Матюхин как только пришел в эту роту, так Сафиуллаева и раскусил. Матюхин в ту пору холостяком был, из казармы не вылазил, поскольку казарма в тайге — очаг культуры и цивилизации, а таежный поселок с домами барачного типа, заселенными сплошь вчерашними зеками, — та же зона, только без проволочных ограждений. Говорил ли Матюхин начальству о сержанте — чего не знаю, того не знаю. Скорее всего, нет, поскольку он всегда на свои силы полагался. Но с самим Сафиуллаевым он беседовал, это точно, и после таких

бесед сержант походил на выпоротую кошку — жалкую, но уже готовую сделать хозяину очередную гадость.

Матюхин был дежурным по караулам в ту ночь, когда застучал командира отделения в бытовке за привычным занятием: тот отработывал хуки слева на солдатике, недавно начавшем службу. Солдат был личностью интересной: за свои девятнадцать лет он так и не научился ни хитрить, ни бояться.

— За что он тебя лупит, Лебедев?

— За шоколад, товарищ старший лейтенант.

— Какой такой шоколад?

— Из дому в посылке пришел. Товарищ сержант сразу сказали, чтоб я шоколад им до вечера оставил, а я забыл и съел. Я при них посылку открыл, они увидели и сказали, чтоб оставил...

Офицер уже привык, что Лебедев уважительно сержанта в третьем лице "они", величает, и потому спросил:

— А чего ж "они", сразу шоколад не забрал?

Солдат вроде как удивился:

— Так всего ж три плитки было. Они две съели, печенье взяли, апельсины... Я думал, им хватит.

— И каждую посылку ты так шмонаешь, Сафиуллаев? — спросил старший лейтенант.

Тот по привычке изобразил из себя побитую кошку, втянул голову в плечи и мстительно сощурил желтые глаза.

— Ладно, пойдем со мной в канцелярию.

Там он посадил сержанта напротив себя, а сам вынул из папки чистый лист, начал писать на нем что-то, изредка задавая любителю чужого шоколада вопросы, на которые в общем-то и сам знал ответы:

— Год рождения?.. Образование?.. Национальность?..

Во внутренних войсках прапорщик запаса Сергей Васильевич Дмитренко служил в должности старшины роты. Службу совмещал с заочной учебой в университете. Получил диплом историка, ушел на преподавательскую работу. Потом искал себя в совершенно несопоставимых областях: надевал летную форму, уходил с рыбаками на пугину, командовал всем транспортом большого города...

Ищет себя Сергей Васильевич и в литературе. Пишет эссе, стихи, рассказы, повести. В нашем журнале публикуется впервые.

Когда закончил писать, целую минуту молчал, в упор рассматривая Сафиуллаева, а потом снял телефонную трубку, закрыл диск:

— Москва? Мне начальника внутренних войск. Товарищ генерал? Старший лейтенант Матюхин вас беспокоит. У нас, товарищ генерал, мародер объявился. Обирает солдат, мало того — самих избивает, души им калечит, войска позорит. Мое мнение, спрашиваете? Расстрелять его, подлеца, чтобы другим неповадно было... Хорошо, товарищ генерал, все формальности будут соблюдены.

Положил офицер трубку на аппарат и исписанный лист Сафиуллаеву подвигает:

— Прочтите и распишитесь.

А тот ничего не поймет толком, но малость перепугаться уже успел, уже ему в кителе жарко, ворот жмет, зад потеет. И читать не может: бегут строчки перед глазами ошалевшими.

— Ладно, — говорит взводный, — давайте, я прочту. Только свидетелей сразу пригласить надо.

Вызывает он, значит, в кабинет того же Лебедева и дневального свободной смены, сажает их рядом с собой по обе стороны, встает сам и стоя зачитывает, что, дескать, от имени и по поручению начальника внутренних войск, беря на себя полную ответственность, я, старший лейтенант Матюхин Роман Гаврилович, объявляю преступником и выношу приговор сержанту Сафиуллаеву Рафилю Сафиуллаевичу, такого-то года рождения, образование десять классов, ну и прочее. Сержант Сафиуллаев, вместо того чтобы оправдывать высокое звание младшего командира, воина внутренних войск, вел себя как последняя сволочь, издеваясь над подчиненными, наносит моральный ущерб государству. На предупреждения со стороны командира взвода не реагировал, правильных выводов не сделал. В качестве меры наказания достоин расстрела. С вышеизложенным ознакомлен... Распишись здесь, Сафиуллаев. Согласен со всем, что написано?

Сафиуллаев глупо и жалко улыбнулся, не зная, как все это расценивать, и автоматически расписался в конце листа.

— Сними ремень... Вот так. И пойдем теперь. Товарищи солдаты, вы с нами.

Матюхин расстегнул кобуру, но пистолет не стал вытаскивать, только руку так и оставил у пояса. Он пропустил сержанта вперед, вывел из военного

городка в сторону леса, поставил спиной к толстой сосне и приказал солдатам осветить Сафиуллаева фонариками. Вот только тут до Сафиуллаева дошло наконец, что офицер собирается с ним сделать. У него задрожала челюсть и округлились глаза:

— Так нельзя. Вы что?!

— А ты что, знаешь, что нельзя, а что можно? Тем хуже для тебя. Ты сознательно нарушал законы, ты сознательно унижал людей, ты кулаками прикрывал свое ничтожество...

Матюхин поднял пистолет, дважды выстрелил. По стрельбе он, между прочим, чемпионом училища был, так что попал точно туда, куда и целился.

Сафиуллаев сполз, скользя спиной по сосне, на землю. Видно, что-то там у него случилось: словом, запах дерьма пошел от сержанта.

— Вставай, — сказал ему взводный.

— Дарю тебе, подлецу, жизнь, но учти, никогда больше не унижай людей, ибо сам унизишься вдвойне. Так в святом писании записано...

Выстрелы услышали все, кому надо и не надо. Сафиуллаева разжаловали и послали дослуживать до дембеля на вышку в отдаленную роту, а старшего лейтенанта Матюхина судили судом офицерской чести. То ли помогло то, что в его защиту солдаты коллективное письмо в Москву отослали, то ли не все подробности высокому начальству известны стали, но в войсках его оставили, только перебросили в другую роту и очередной раз дали понять, что «капитана» он получит не скоро.

Перебросили его тогда еще не к нам. Архангельская тайга большая, зон там много, неуккомплектованных должностей взводных — больше, чем зон... В общем, комбату Савченко пока повезло. Хотя бы в том, что жениться решил Матюхин, еще не будучи его подчиненным. История с женитьбой — это и есть его второе громкое дело.

КТО ТАКИЕ дальнобойщики — никому, думаю, объяснять не надо. Редко, но заезжают шоферы дальних рейсов и к нам. Несладкая у них жизнь: ночевки в кабине, обеды сухпайком, жен по месяцу не видят. Тут, правда, у них проблема решается: берут в странствия с собой подруг, дорожных девочек, лягушек-путешественниц, желающих повидать мир, дурочек неразумных. Одну такую и завез дальнобойщик в поселок, куда отбыл служить старший лейтенант Матюхин. Завез и бросил тут, как гайку со сбитой резьбой. Дев-

чонка целый день по поселку слонялась, все ждала какую-нибудь попутную машину, чтобы до большой трассы добраться, да ведь от Плесеца легче до Луны долететь... В общем, задремала путешественница на скамейке, стоявшей у той тропки, по которой взводный из роты в свою комнатку шел. Уж не знаю, что и как там получилось, но спать девчонка улеглась на кровати Матюхина.

Солдат — он на то и солдат, чтобы все знать и до всего своим умом доходить. Уж не скажу, по каким таким каналам, но стало известно о разговоре, происшедшем в первую ночь между офицером и Томой — так ее звали. Тома объяснила Матюхину, что рада была смыться от родителей-алкашей куда угодно, а тут как раз подруга и угворила прокатиться. Водитель поначалу вроде ничего показался, покормил, о жизни своей рассказывал, а ночью, когда в этот поселок заехали, приставать начал, руки распустил. Ну она и убежала из кабинки, а он заругался и уехал. Что дальше делать собирается? А все равно, лишь бы не домой возвращаться. Есть же на свете и хорошие дальнобойщики.

«Картошку жарить умеешь? А кашу варить? Ну и хорошо, тогда пока у меня оставайся, — сказал ей Матюхин. — Будешь себя кормить и Найду — я этого щенка в лесу подобрал. А через пару дней мотовоз сюда приползет, с ним и уедешь».

Мотовоз пришел через день, следующим утром должен был уехать, и с его отъездом завершилась бы вся эта история тихо-мирно, если бы этим самым транспортом не нагрнуло в роту начальство из полка. Не ахти какое и начальство, майор-штабист, который вместе с Матюхиным училище заканчивал. Это я к тому, что при другом раскладе Матюхин тоже мог бы в майорах ходить, тем более что училище с отличием закончил.

Приехал, значит, майор и, как положено начальству, начал во все дыры соваться и всех подряд накручивать. Чтобы помнили эти периферийные, что есть на них управа.

Кто ему про Тому ляпнул — неважно, главное — ляпнул кто-то. Тот, естественно, вызывает взводного и начинает его уму-разуму учить. Мол, не дело, если об офицере нехорошие разговоры пойдут, если информация о его связи с девичьей легкой поведеньем в полку известна станет...

А Матюхин молчит о том, что к девчонке этой он и не прикасался, что спит на раскладушке в коридорчике, что просто пожалел он ее, как того брошенного щенка. Матюхин потихоньку заводиться начал, раздражаться от менторства бывшего однокашника.

— Может, я жениться на ней хочу, товарищ майор? Невест-то в тайге не найдешь, а мне уже тридцать, семейной жизни хочется.

— Да я не против, женись, — смилостивилось начальство. — Только не на грязной же шлюхе!

Удержался взводный и тут от тех слов, которые его изнутри распирали, попробовал тактичным быть:

— Откуда вам знать, товарищ майор, какая она? Так можно судить только о тех, кого изучаешь долго. Вот если бы вы, к примеру, о своей жене так сказали... Вы сколько с ней знакомы?

Ротный писарь, сидевший за фанерной перегородкой, услышал дальше яростный рев штабиста и водопад ругательства из его же уст. «Мерзавец» и «скотина», были среди них самыми мягкими, но Матюхин молчал. И только когда майор опять упомянул Тому: «Сейчас же прикажу эту твою б... из комнаты выкинуть!», — раздался спокойный голос взводного:

— Требую satisfaction! За покушение на честь женщины офицера всегда стрелялись, товарищ майор. Вот вам моя перчатка! Пойдем!

Майор, похоже, был настолько сбит с толку этими словами, что спросил обалдело:

— Куда?

— За хозпостройки, там площадка ровная есть. Стреляемся с двадцати шагов.

Тотчас в конурку к писарю открылась дверь, и Матюхин сказал солдату:

— Прохоров, пойдемте с нами, будете секундантом. Вы никогда не видели, как офицеры выходят на дуэль, защищая свою честь и честь других? Жаль, что не видели. Но у вас есть шанс, Прохоров. За мной!

Он легким шагом вышел в коридорчик, писарь — за ним, а в коридорчике стоял майор, и поскольку тут было так узко, что почти невозможно разминуться, майор был вроде как вытеснен из помещения на крыльцо здания. Здесь он, глотнув свежего, прохладного воздуха, чуть пришел в себя и заговорил хвот и неуверенным, но все же начальственным тоном:

— Вы что себе позволяете, товарищ старший лейтенант? Вы чего комедию ломаете? Я, думаю, это так оставлю? Я вам кто?

Взводный подошел к нему вплотную и негромко, но твердо ответил на поставленный вопрос:

— Вы мне майор Ганнов Николай Петрович. Гэнэпэ. Помните, как вас в училище все называли за то, что вы нас начальству сдавали? Говно-На-Палочке. Вот вы им и остались, если вас это интересует. Честь имею!

Матюхин приложил руку к козырьку фуражки и зашагал в поселок.

На следующее утро Тома никуда не уехала. А еще через месяц с нею, уже как с законной женой, старший лейтенант Матюхин, в чей послужной список прибавилось очередное взыскание, прибыл для дальнейшего прохождения службы в наш батальон...

Еще раз повторюсь: две эти истории пересказаны мною с чужих слов, и, вполне вероятно, не всему тут можно верить. Мы во взводе тоже кое-какие сомнения высказывали. Ну кто бы это Матюхина среди ночи с начальником войск соединил? И вряд ли голос у взводного был спокойным, когда майора на дуэль вызывал... Да, наверное, кое в чем приврали рассказчики.

А личных впечатлений от общения со старшим лейтенантом Матюхиным у меня почти нет. Когда он прибыл в батальон и принял наш взвод, мне оставалось пять дней до дембеля. Хорошо запомнил только одно: взвод стоит в двухшереножном строю и ждет, когда к нему выйдет из кабинета комбата новый взводный. Мы с ним уже заранее заодно. И вот показываются ротный, комбат Савченко и Матюхин. У Матюхина веселые черные глаза, он держится независимо и уверенно, он счастлив, будто ему только что доверили командовать полком. И мы уже любим независимого и счастливого Матюхина, и готовы уже участвовать с ним во всех делах, утешая, однако, себя мыслью, что, один черт, нет такой гауптвахты, на которую весь взвод посадить можно.

Я УВОЛИЛСЯ и утонул в работе, учебе, семье. В суете забылись обещания держать переписку с сослуживцами, хотя их самих прекрасно помню до сих пор. И вообще, знакомлюсь с новым человеком — интересуюсь, на каких дорогах солдатские сапоги снашивал? Не в тех ли краях, где архангельская тайга, да черные умирающие

деревеньки в ней, да бездорожье и клюквенные болота?

Представьте, нашел как-то одного человека: в нашем полку служил, на год позже меня призывался, тоже на вышке стоял, правда, в другой роте. Но о Матюхине, что меня не удивило, был слышан.

— Ха! Да кто ж его не знает! Он там у вас отличился. Ребенок у него родился, а у жены молоко пропало. Так местный комбат с солдатами в соседнем поселке козу дойную уворовал, представляешь? И приволок к Матюхину. Деньги потом, правда, за козу заплатили, но шуму...

— Комбат? Майор Савченко? — удивился я, но потом поразмыслил немного и понял, что удивился напрасно. Он прекрасный был мужик, наш комбат, — шумный, крикливый, но ведь и отпуска всем пробивал и — теперь, со временем, это лучше понимается — жалел нас, бестолочей.

— Не знаю его фамилию, может, и Савченко. Так, слышь, шум-то был не потому, что уворовали, может, ее вообще никто не воровал, а пацаны наши это после придумали. Сыр-бор по другому поводу разгорелся: коза эта по всему поселку полковника-москвича гоняла. Тот из столицы специально из-за Матюхина приехал, разбираться, как вышло, что ваш лейтенант одного сержанта чуть не пристрелил. Вооружил взвод, вывел того в лес, поставил к дереву, зачитал самим написанный приговор, потом говорит: «Пли!»

— Да нет же, — попробовал возразить я. — Это не так было, и раньше было, при мне еще, и взводный не лейтенантом был тогда, а старшим, и из Москвы не приезжали — был суд офицерской чести...

Мой новый знакомый не соглашался со мной, даже фамилию того сержанта, который прямо под сосной в штаны наложил, вспомнил — Сафиуллаев, и я подтвердил, да, Сафиуллаев, но...

Как-то не придал я всему этому значения, на короткую память нового знакомого наши разногласия списал, но вот так вышло, что пару лет назад пригласили меня друзья смотаться осенью за клюквой в архангельские края. Поехали, но только напрасно время потратили. Надо же знать хотя бы, где те болота, на которых клюква растет. Местные жители — народ с хитрецей — свои места не выдают. Мотались мы, мотались и совершенно неожиданно оказались в поселке, название которого у меня на слуху еще со срочной службы.

Расспросил мужиков, есть ли конвойная рота в поселке, — есть. Пошел туда: так и так, мол, выручайте бывшего однопольчанина, показывайте кладовые природы. Ротный там — ну совсем мальчик — двадцать с небольшим. Вызвал старшину. Потрять, говорит, Кириллович, на гостей выходной день, все равно ведь и сам за ягодой пойдешь.

Так и отправились. За военный городок вышли, смотрю — сосна громадная растет, а на стволе ее метрах в двух от земли оспины, как от пуль. Старшина — вроде моих лет, может, давно служит, помнит что?

И точно, он в те же годы, что и я, срочную проходил, тут и остался потом. И тут я Матюхина вспомнил...

— Был у нас такой офицер, был. Только ни в кого он не стрелял. А случай, о котором вы говорите, за сто километров отсюда произошел, стояла там рота, сейчас и следов ее нет... Ставил там офицер к стенке подлеца одного, фуражку ему пулей пробил, я эту фуражку сам видел. Офицера за это чуть под суд не отдали, но потом обошлось, перевели в... — и он назвал поселок, где служил я! — А там, представьте себе, этот же взводный дуэль устроил, чуть не укокошил подполковника одного, из дивизии. Тот приехал в роту на проверку, выпил, видно, начал вечером к женщине одной приставать, контролеру, гадости ей наговорил. А тут Сиротин рядом проходил... Да, фамилия взводного Сиротин была, хорошо помню. Влетело ему тогда... А в принципе, ни за что, честный был человек, гордый, правду отстаивал. А таким всегда достается.

— А не помните, какая-то история еще с козой в те же примерно годы была?

— Ну как же не помнить! Только не в те годы, позже. В соседнем батальоне. Коза там дрессированная жила, злая, собака, только одного ротного слушалась, и приезжает, значит, в эту роту генерал, его потом сняли...

Я иду рядом со старшиной и стараюсь делать одновременно две вещи: выслушивать его и думать о своем. Ротный с дрессированной козой, Сиротин, Матюхин — кто это все, герои хохм и баек? Или Робин Гуды, которых не хватало да и продолжает не хватать нам? Вот и выдумываем "жития святых", сочиняем легенды, да такие, в которые сами верим. Плохо ли это, хорошо ли? Трудно сказать.

Но нельзя без этого...

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

в честь 50-летия Победы
в Великой Отечественной войне

Приближается знаменательная дата — в мае 1995 года исполнится полвека со дня Победы нашего народа над фашистской Германией. В честь этого события Главное управление командующего внутренними войсками МВД России и редакция военно-публицистического и литературно-художественного журнала внутренних войск «На боевом посту», объявляют конкурс на лучшие литературные произведения и публицистические материалы: повесть, рассказ, стихотворение, очерк, проблемную статью, фотоснимок.

В этих работах должны найт отражение история, традиции, сегодняшний день Вооруженных Сил, внутренних войск, верность воинов своему долгу, героика и романтика боевой службы.

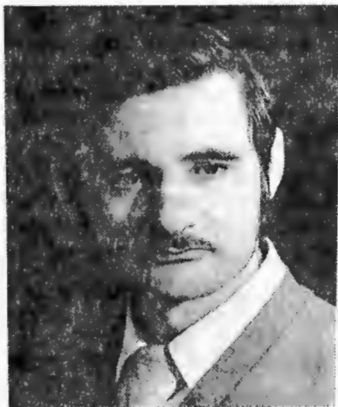
К участию в конкурсе приглашаются военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел и члены их семей, ветераны войск, а также профессиональные писатели, поэты, журналисты. Победителей конкурса ждут денежные премии — шесть первых, шесть вторых и двенадцать третьих. Предусмотрены также поощрительные премии.

Произведения должны быть оригинальными (нигде ранее не публиковавшимися), присылаться в редакцию отпечатанными на машинке через два интервала, с пометкой на рукописи и конверте — «На конкурс».

Редакция принимает для рассмотрения конкурсной комиссией рукописи, поступившие до 1 февраля 1995 года. После подведения итогов конкурса результаты будут опубликованы в майском номере журнала за 1995 год.

Рукописи, присланные на конкурс, не возвращаются и не рецензируются. Произведения, удостоенные премии или отмеченные конкурсной комиссией, но не опубликованные до мая 1995 года, будут помещены в последующих номерах журнала.

Павел КАЛИНА

«Лучшие мои годы я провел в военной форме и не жалею об этом». Согласитесь, не часто сегодня можно услышать такие признания, тем более в среде писательской, интеллигентской. Павлу Калине веришь уже хотя бы потому, что далеко не каждому выпало, отбарабанив три года срочной и определившись в гражданской жизни, вновь примерять шинель. Но на календаре был 1962 год, карибский кризис, и поэта ждали впереди два лейтенантских года.

Украинец, родившийся в Молдавии, пишущий на русском. Сын погибшего фронтовика. Член Союза писателей. Автор четырех поэтических книг. Это, если очень кратко, о нем. Остальное — в стихах.

“МЕТКОЮ ВОЕННОЮ ПОМЕЧЕН...”

Карабин

Я, обычный штатский гражданин,
Меткою военною помечен...
Где ты, мой солдатский карабин,
Чьи ремнем ты обнимаешь плечи?

Помнишь, как в заснеженном краю,
Первогодок, рядового званья,
Вспоминал я девушку свою —
Девушку по имени Свиданье?

Нашу юность обошла война,
Все ж и я носил шинели скатку,
И стрелял... и не твоя вина,
Что порой не попадал в «десятку».

Помнишь,
как в прощальный тот рассвет
Сдал тебя — и вдаль ушел без звука?
Стукнуло уж двадцать с лишним лет
Девушке по имени Разлука.

Я, не уберегшись от седин,
Знаю: старшиной заговоренный,
Не седеешь только ты один,
Карабин мой черный, вороненый...

Дом командира

Согласно наряду
я в роте остался посыльным.
В дремотной тоске
прозвенел телефонный звонок!

По стежке, заросшей бурьяном,
и чахлым, и пыльным,
Бегу к командиру,
не чуя тяжелых сапог.

Их дом,
исключая кусты одичалой сирени,
С коляской детской
и чем-то забытым давно
Был схожим с казармой:
такой же порог в три ступени,
И точно такое
глядит на казарму окно.

А голос был женским.
Но только сердитым и резким,
Какого не хочется слышать
в солдатском краю:
«Ты вечно в казарме...
а мне перемолвиться не с кем!
Так вот где завяну
и жизнь загублю я свою...»

В ответ донеслось,
как из потустороннего мира:
«Так служба же! Дети...
и что стану делать без вас...»
Таким перед строем
видал кто-нибудь командира,
Когда он чеканил
суровый военный приказ?!

И жизнь перестала казаться
такой лучезарной.

Уж слишком в ней много тоски,
сожалений, утрат...

А дом командира
все ж должен быть схожим с казармой,
Чтоб не забывалось о том,
что он — вечный солдат!

***

С золотою лычкой на погонах,
Так, как и положено хохлу,
Я домой вернулся...
В старьих кленах
Ветер вьет декабрьскую мглу.

Снега нет.
Лишь комья мерзлой грязи.
Я стою, волнуясь, у ворот.
Скоро по законам сельской связи
Весть родню к порогу соберет.

Знаю — сам связист.
В районе Бреста,
Где береза белая росла,
Я служил. Осталась там невеста,
Как ни хороша она была...

Вот и собрались.
Но вид их странен —
Лица так печалью сведены,
Словно я и вправду весь изранен,
Будто впрямь вернулся я
с войны!

Старый друг о чем-то позабытом
Говорит и дышит горячо.
И поникла вдруг
с невинным видом
На мое солдатское плечо

Прежних лет души моей заноза,
Словно стал я ей навеки свой,
И шумела бедная береза
Над моей хмельною головой.

***

Прощай, гражданка!
Вновь тревожно в мире —
Я возвращен в армейскую семью,
Но в лейтенантском
новеньком мундире
Я все еще себя не узнаю.
Я, весь еще серьезный непомерно,
Гляжу, как поезда несут огни.
Вокруг — друзья,
лишь для того, наверно,
Чтоб мы с тобою не были одни.
Вокзал шумел,
машины мимо мчали,
На красный свет кричали тормоза,

Твои большие, полные печали,
Я целовал прощальные глаза...

И вот теперь, когда иду дорогой,
Мне светят их дрожащие огни.
Ах, за какой полночной тревогой
Однажды мной забудутся они?!
Контрольный пункт.
Вибрирует бетонка,
Под сапогами четкими звеня.
Собака ростом с доброго теленка
Служебным лаем встретила меня...

Баллада

о пленных японцах

Шли солдаты шагом неторопким
В день победный
по Маньчжурским сопкам;
Дулом вниз — винтовки за плечами...
Юный воин с грустными очами
Жаловался, бронзовый от солнца:
«Не убил ни немца, ни японца...»

Пошутили вдоволь, посмеялись.
Вдруг вдали японцы показались.
Шли они угрюмою толпою,
Как зверье с охоты, с водопою, —
Медленно брели в дыму пожарищ.
Юному сказали:
«Что ж не вдарить?»
Ты мечтал хоть одного японца
Укокошить...»

Бронзовый от солнца
Молвил, чуть прижмурив очи ясны:
«К сожаленью, эти не опасны...»
Так прошли японцы желтым роем
Перед нашим краснозвездным
строем,

Никого ничуть не беспокоя
Тем, что проходили без конвоя.

Развернулось цепью вражье стадо,
Как по мановению микадо;
Наши оглянуться не успели —
В спины им кинжалы полетели,
Чтобы на груди звездой кровавой
Заалеть — такой вот горькой славой...

Было сладко в садике за хатой
Слушать про победный сорок пятый,
Как лепили прадеды и деды
Из огня и дыма День Победы.
Кто не вспомнит в добрые минуты
Наши грандиозные салюты,
Забывая в радостях державных
О смертях нелепых и бесславных
Тех солдат, кого не ждет награда!
Потому и родилась баллада...

Ян ФЛЕМИНГ

“МУНРЕЙКЕР”

РОМАН

Глава XII “МУНРЕЙКЕР,”

Ракета походила на гладкий, остро отточенный карандаш, но такой, рядом с которым люди выглядели жалкой мошкаррой.

Блестящий реактивный снаряд опирался на коническую стальную решетку, которая поднималась над полом между тремя острыми пластинами, напоминающими скальпель хирурга. Пластины соединялись паучьими ножками двух легких опор, выходящих из стен и охватывающих тело ракеты.

Дрекс решил кое-что объяснить гостю.

— Возможен контроль над подачей топлива из баков, — сказал он, — а сама подача идет самотеком. Как вам нравится машина?

И хозяин глянул на Бонда.

— Самая превосходная вещь, которую я когда-либо видел, — ответил Джеймс.

В огромной стальной шахте говорить было трудно. Голоса людей, собравшихся под хвостовой частью ракеты, напоминали жужжание пчел.

Дрекс указал вверх:

— Боеголовка — пока болванка. А телеметрическая аппаратура — на грани фантастики. И гироскопы — таких нигде нет!

Он по-детски хвастался машиной. И Бонд подумал, что и у великих мира сего есть слабости.

Дрекс подмигнул Бонду и закричал:

— Вальтер, подойдите сюда. Я вот говорю сейчас нашему другу, что если мы запустим “Мунрейкер”, то это равносильно убийству...

Бонд обратил внимание на выражение недоверия на лице доктора. А Гуго продолжал:

— Убийству ребенка, нашего дитя, — и он жестом указал на ракету.

Лицо Вальтера прояснилось.

— Убийство? Да, это метко сказано. А у меня проблема. Сэр,

обратите внимание на графитовые ребра в выхлопном отверстии. — И Вальтер повел Дрекса к хвостовой части. Бонд побрел следом.

Лица всех повернулись в их сторону. Дрекс представил Бонда:

— Это офицер... Прибыл по, так сказать, делу Таллона.

Настороженные глаза и молчание. Никаких приветствий, распросов. Дрекс продолжил разговор с Вальтером:

— Так что там у нас, вы говорите, с графитом?..

Люди столпились вокруг Гуго, а Бонд с интересом рассматривал

их со стороны. Все, кроме Дрекса, одеты в одинаковые халаты, застегнутые пластмассовыми молниями. У всех без исключения — аккуратные усики. Схожи они и невысоким ростом, стройными худенькими фигурами. Наверное, подумал Бонд, их специально так подбирали: чтоб легче было работать в крошечных помещениях.

И еще кое-что характерное для окруживших Дрекса работников подметил Джеймс. У них были безукоризненно чистые и слабые руки с тонкими нежными пальцами. Это всегда свойственно тем, кто больше работает головой. Зато ноги у них наверняка сильные, мускулистые. Это ведь не чистые кабинетчики: им надо взбираться на порталы подъемных кранов, бегать с участка на участок, посещать мастерские, топтаться у кульманов...

Судя по всему, эти роботоподобные немцы не слишком словоохотливы, вряд ли удастся их разговорить и выудить что-либо новое о событии, случившемся накануне. А очень хотелось бы узнать, какими были последние мысли в голове человека, выпустившего пулю сначала в Таллона, а потом — в себя. Что двигало им? Действительно ли страсть к женщине? И при чем тут этот его предсмертный крик "хайль Гитлер"? Как увязать любовь и политику?

И еще: будет ли ошибкой считать, что все живые думают здесь только о ракете?

Неожиданно его мысли прервал суровый голос хозяина:

— Ладно, доктор Вальтер, надо работать. Мы и так достаточно бездельничали.

Мужчины разошлись по местам, а Дрекс, чернее тучи, подошел к Бонду:

— Что у него за люди?! Всегда и во всем видят одни неприятности... Пойдемте ко мне в кабинет. Покажу план полета. А потом уж можно и на боковую.

Бонд отправился вслед за хозяином, тот повернул маленькую ручку, почти сливавшуюся со стальной стеной, и узенькая дверь с легким шуршанием открылась. Дальше была другая дверь, а на ней табличка: "Рабочий кабинет".

Зашли. Скромная комната, выкрашенная бледно-серой краской. В ней — широкий стол, несколько стульев, на стене темно-синяя парусина. На полу серый ковер. В углу большая радиоприемник. Рабочий стол повернут к стене, которая сделана из непрозрачного стекла.

Дрекс подошел к выключателю, зажег свет, комната осветилась, и Бонд увидел две огромные карты.

На одной была изображена восточная часть Англии от Портсмута до Гулля.

На другой показана схема полета ракеты.

— Все просто и обыденно, правда? — сказал Гуго и вновь защелкал выключателем. Комната погрузилась в полумрак.

— Впрочем, вам это ни к чему, не так ли? Вас интересует не полет "Мунрейкера", а нечто другое. Спрашивайте.

Бонд внимательно посмотрел на Дрекса.

— Не думаете ли вы, что между вашей секретаршей и майором Таллоном что-нибудь было?

— Вполне возможно. Девица привлекательная, и даже очень. Они частенько бывали здесь вместе. И Бартч охранял их.

— Я слышал, что этот человек перед тем, как застрелиться, поднял в приветствии руку и прокричал: "Хайль Гитлер!"

— Мне тоже это говорили. Ну и что?

Бонд не ответил.

— А почему все ваши мужчины усытые? — спросил он.

Дрекс отрывисто хохотнул:

— Станный вопрос. Что, разве есть в этом что-нибудь криминальное?

— Конечно, нет. Но привлекает внимание.

— Напрасно, — заметил Дрекс, повернувшись к двери и давая понять, что разговор окончен.

Глава XIII ЗАПАХ БЕДЫ

Бонд присел на кровать погибшего. Дрекс ничего не сказал ему, только пожелал доброй ночи и поднялся по лестнице.

Комната оказалась очень уютной. Никаких признаков жившего в ней ранее человека не осталось, кроме кожаного кейса на туалетном столике и запертого металлического шкафчика.

Бонд знал, как его открыть, и тут же это сделал.

В верхнем ящике были карты зоны. Джеймс разложил листы на кровати и внимательно изучил. Теперь предстояло открыть кожаный чемоданчик и снять отпечатки пальцев на нем.

С помощью большой лупы он определил, что на чемодане были отпечатки пальцев двоих человек; и приступил к рассмотрению карт. На одной задержал внимание. Здесь острым предметом, скорее всего иглой, были начертаны две линии. Обе брали начало на побережье, проходили рядом в пятидесяти от скалы, что находится к югу от дома, и пересекались у моря. На месте пересечения той же иглой был поставлен вопросительный знак. Больше ни на этой, ни на других картах ничего интересного не нашел.

Было без двадцати час, когда Бонд услышал тихие шаги в холле и там свет погас. Он тоже выключил все лампы, оставив горящим лишь ночник над кроватью. Потом подошел к шкафчику и открыл другие ящики. Во втором и третьем ничего не оказалось, кроме ак-

19

куратных стопок листов. Это были досье на всех, кто работал в зоне.

Джеймс прочитал все.

Написаны они были по единому стереотипу: полное имя, адрес, дата рождения, описание внешности, отличительные черты, профессия, политическая репутация, состояние здоровья, дела семейные... На каждом досье — фотографии в профиль и анфас, отпечатки пальцев.

Бонд не отрывался от чтения часа два. Потом проанализировал полученную информацию. Ничего интересного. Каждый вел праведную жизнь, был политически благонадежен, без каких-либо криминальных грехов. Единственное, что можно было отметить, — на фотографиях все были безусыми.

Он аккуратно сложил листы в ящики, потом решил немного взбодриться и принял ванну. После этого подошел к окну, растворил его. Глядя на сияющую всю луну, вспомнил все, что Таллон успел доложить Воллансу.

Тогда, два дня назад, была такая же безоблачная и лунная ночь. Таллон тоже стоял у открытого окна, когда услышал неясный шум со стороны моря. У него был бинокль, сильный, немецкий, и он вскарабкался на крышу здания. Что-то увидел, важное, существенное, но не счел возможным говорить об этом по телефону. Назначил встречу, вернее, попросил о встрече.

Что же привлекло его внимание? Лодка? Свет? Звук?

Видно, он так увлекся там, на крыше, что позволил обнаружить себя. И это ему дорого стоило. На следующее утро кто-то пробрался в его комнату, устроил там обыск. Действовал как дилетант: оставил отпечатки пальцев на чемодане, не заметил пометок на карте.

А вечером Таллон был убит. Бартч убил его. Но в комнате Таллона рылся не он. И не он «оставил пальчики», на чемодане и картах, и не его досье сейчас отобрал и положил к себе Бонд.

Все это — на счету Кребса, человека, похожего то ли на слизняка, то ли на белесую медузу. Карты он смотрел после того, как Таллон сделал на одной из них отметку: отпечатки его пальцев накладывались на отпечатки хозяина.

Кребс делал обыск, естественно, когда Таллона не было в комнате, то есть в рабочее время. При железной дисциплине, царящей в зоне, как он мог отлучиться со своего рабочего места? Заметил ли Дрекс его отсутствие? Стоит ли завтра спросить об этом у самого Дрекса?

Бонд вздрогнул. Только теперь он заметил, что чересчур долго стоит перед открытым окном. Пора спать.

Перед тем как лечь, он положил под подушку пистолет.

От кого ему защищаться, Бонд не знал, но интуитивно чувствовал опасность. Запах беды был очевиден, при-

сутствовал в подсознании. Кругом загадки — сам Дрекс, его подчиненный Бартч с этим «хайль Гитлер!», странные усы у сотрудников, пятьдесят достопочтенных немцев, карты, бинокль, Кребс и многое другое.

Сначала он должен высказать свои сомнения Воллансу. Потом выяснить возможности Кребса, присмотреться к охране «Мунрейкера», обсудить с Бранд план действий на следующие два дня. Времени терять нельзя. Джеймс поставил будильник, чтобы встать пораньше и позвонить спозаранок Воллансу. Ему было интересно знать, кто контактил с Таллоном. Одно казалось бесспорным: майор погиб не из-за любви к Гейл Бранд.

Часы пробили семь, он заставил себя вскочить, встал под холодный душ, потом быстро оделся, схватил свой кожаный кейс и двинулся по коридору.

Гараж с его автомобилем был позади дома. Заводя машину, Бонд посматривал на дом и пришел к заключению, что человек, стоящий на крыше, мог видеть край скалы и море.

Вскоре раздался вой сирены, который вызвал неприятное чувство. Сейчас население зоны встанет на ноги. Бонд выехал из ворот и направился в Дувр.

В городе он зашел в маленький скромный ресторанчик. Кухня там была небогатая, но вкусная, блюда хорошо приготовлены, особенно из рыбы и яиц. Хозяйничали здесь мать и сын, они были рады его появлению и приняли как старого друга. Джеймс заказал яичницу с беконом и кофе. Поел, потом поехал в полицейское управление, а оттуда позвонил Воллансу. Тот был еще дома, завтракал. Он выслушал доклад и спросил лишь, почему до сих пор не состоялся разговор с Гейл Бранд.

— Девушка очень видная и, по-моему, должна быть в курсе дел. И если уж Таллон слышал шум в воскресенье ночью, то и она могла. Хотя вполне допускаю, что ей об этом ничего не сообщали.

— Попытаюсь обязательно с ней поговорить, — пообещал Бонд. — А вам пришлю морскую карту и фильм, который мне удалось сделать. Между прочим, откуда Таллон звонил, когда общался с хозяином в понедельник?

— Выясню и дам вам знать. Что-нибудь еще?

— Нет, — ответил Бонд.

Если бы вместо Волланса был Майлз, он бы еще кое о чем ему намекнул. К примеру, об усах и о тайном предчувствии беды, которое было у него ночью и рассеялось при дневном свете. Для Волланса главное — голые факты, поэтому Бонд промолчал и повесил трубку. После завтрака он приободрился, просмотрел «Экспресс» и «Таймс», где нашел отчет следствия по делу Таллона. «Экспресс», например, сделал целый репортаж с фотографией девушки, и Бонду показалось забавным, как все

это сумели обставить. Про себя он решил, что обязательно попытается поработать с мисс Бранд, заставить ее довериться ему.

Бонд вернулся в зону. Было только девять, он быстро подъехал к дому и услышал вой сирены. Из-за деревьев, позади дома, выскочили двенадцать человек и устремились к пусковой установке. Один из них позвонил в колокол, и вся группа исчезла за дверь.

«Возьми любого немца и найдешь точность и порядок», — подумал про себя Бонд.

Глава XIV СКОЛЬЗКИЙ ТИП

Гейл Бранд докурила очередную сигарету, проглотила остаток кофе и, выйдя из спальни, отправилась на полигон. Одежда ее была типично секретарской: белая, без всякого оттенка, блузка и темно-синяя в складку юбка.

Точно в половине девятого она была у себя. Телепринты министерства авиации лежали на столе, и первой задачей было перенести эти сведения на карту в самом углу стены кабинета Дрекса. Потом сделать кое-какие расчеты, результаты их отправить на производство диаграммы. И еще она должна была фиксировать любые изменения погоды на различных высотах, которые сообщало министерство.

Каждый день ровно в девять, после гонга, Гуго появлялся в своем кабинете, и первое, что он делал, это вызывал доктора Вальтера. Они вместе принимались за работу, старательно перенося на карту какие-то цифры из тонких черных блокнотов, которые хозяин всегда носил с собой.

Ей казалось, Дрекс не доверяет ее подсчетам, противится даже скромному ее участию в создании ракеты.

Однажды Гейл не вытерпела и спросила, доволен ли шеф ее работой. Дрекс искренне ответил:

— Конечно, миленькая! Без твоих стараний нам не обойтись.

Сегодня она взялась за сортировку писем, уже разложила их на три кипы, когда услышала гонг, возвещающий начало рабочего дня.

Разобравшись с почтой, она села отдохнуть, оперлась подбородком на руки и задумалась. Джеймс Бонд... Лучше бы прислали не его, а того сотрудника, который был ее другом. Ему доверял даже сам премьер-министр. Он прекрасно стрелял, говорил на иностранных языках, работал и за границей. И любовник был что надо, красив собой (Гейл автоматически вытащила зеркальце и припудрила носик). Вспомнила его темные волосы, выступающие скулы. Было что-то жесткое в его лице, и глаза холодноватые, серые или голубые, трудно определить. А каков, инте-

ресно, этот Бонд? Что можно сказать о нем, зная пару дней?

Здесь, на полигоне, случилось кое-что, чего она не могла понять. Нужно ли рассказывать ему о Кребсе, например?

Важнее всего, чтоб вновь прибывший не посчитал ее дурочкой. Она должна быть с ним холодна, строга, но в то же время и внимательна. О дружбе пока не может быть и речи. По крайней мере, с ее стороны.

Приняв такое решение, девушка отправилась в офис сэра Гуго Дрекса, а когда через полчаса вернулась к себе, то застала там Бонда, который, сидя в кресле, читал журнал.

Хозяйка жала губы в ответ на желание доброго утра, холодно кивнула и села на свое место, спрятав в ящик стола письма и записную книжку.

— У вас должно быть особое кресло для гостей и чтиво более интересное, чем эта муть, — заметил Бонд.

Девушка будто не слышала и начала совсем о другом:

— Сэр Гуго хочет вас видеть, он просил, чтобы зашли к нему, когда появиться.

— Я здесь с девяти. Впрочем, вы знаете это, я видел, как вы выглянули из-за шторы, когда я подъехал.

— Ошибаетесь, мне это ни к чему. Что мне за дело до какой-то прибывшей машины?

— Не притворяйтесь, вы смотрели. И еще хочу посоветовать: не почесывайте голову карандашом во время записей. Ни одна приличная секретарша не делает этого.

— Если вы думаете, что я с утра до ночи шпионю... Ладно, хватит, хозяин хочет, чтобы мы оба были у него, он не любит ждать...

Дрекс стоял и смотрел на ярко освещенную карту. Когда они вошли, повернулся.

— А-а, вот и вы. Можете оставить нас, — обратился он к девушке.

— Охранник доложил, что в половине восьмого вы выезжали отсюда.

— Так нужно было. Искал телефон. Надеюсь, никого не побеспокоил отъездом? — отпарировал Бонд.

— Телефон есть в моем кабинете. Таллон им с удовольствием пользовался, — вежливо заметил Дрекс.

— Ах, бедняга Таллон, — пробормотал Джеймс. Ему почудилась некоторая издевка в тоне хозяина, что особенно не понравилось.

Дрекс в ответ смерил его презрительным взглядом и коротко хохотнул.

— А впрочем, как вам будет угодно. У вас своя работа. Трудитесь, пока не надоест. Учтите только, что нервы у моих людей напряжены, я за них не отвечаю. Поэтому, надеюсь, вы не будете изводить их ненужными вопросами. Сейчас они немного успокоились, но еще не совсем отошли с понедельника. Мисс Бранд может все вам расска-

зять о них. Или вы уже успели посмотреть данные на каждого?

— У меня нет ключа от того сейфа, — промямлил Джеймс.

— О, здесь моя вина, — Гуго открыл ящик стола и вынул связку ключей. — Следовало бы отдать их вам еще вчера вечером, но я забыл. Простите.

— Большое спасибо, — сказал Бонд. — Между прочим, сколько времени работает у вас Кребс?

После вопроса последовала пауза.

— Кребс? — повторил Дрекс задумчиво, порылся в кармане и достал сигареты. — Сравнительно недолго.

Бонд поразился:

— Вот уж не думал, что здесь можно курить.

— Представьте себе, да. Хорошая изоляция от мастерских и от шахты. Я всегда курю. — Дрекс вынул сигарету и внимательно посмотрел на нее. Казалось, он что-то решил: — Так вы спрашиваете о Кребсе? — Гуго многозначительно глянул на Джеймса. — Это между нами, конечно. Я не очень доверяю ему. Ничего определенного нет, но он сует нос не в свои дела. Однажды застал его в моем кабинете, где он рылся в бумагах. Объяснение было вполне правдивым, поэтому я ограничился предупреждением. Но если честно, то подозрение осталось. Вреда вроде бы он не принесет, так как постоянно в гуще людей, один не бывает. Но все-таки надо к нему присмотреться. А почему вы сразу обратили внимание на него?

— Из-за мелочи. Просто не понравилась его бегающие глаза. То, что вы рассказали, конечно, интересно. Теперь послужу за ним. — И он повернулся к Гейл Бранд, которая вошла и молча стояла на пороге.

— Что думаете о Кребсе вы, мисс Бранд? — спросил вежливо Джеймс.

Девушка ответила Дрексу:

— Я вообще не доверяю мужчинам. Вас не имею в виду, конечно, но этот тип бродил неоднократно около двери моей комнаты, вскрывал письма... Скользкий тип.

Дрекс был просто шокирован.

— Однако! — сказал он. — Не ожидал такого от Кребса. Хотя...

Глава XV ПРАВДА ЖИЗНИ

В комнате повисла тишина, после того как все, не сговариваясь, заподозрили одного и того же человека. Бонд между тем размышлял дальше: «В чьих интересах действовал Кребс? Или он сам по себе? Тогда зачем ему смерть Таллона и Бартча?»

Дрекс прервал молчание.

— Ну, кажется, решение принято, — произнес он и глянул на Бонда, ища поддержки, но тот кивнул весьма неопределенно. — Его пока нельзя трогать.

Нужно все хорошо обосновать. Правда, завтра мы с ним поедем в Лондон. Остались последние детали, которые надо согласовать с министерством, и Вальтер не может его заменить. Кребс — единственный, кто способен выполнить эту работу. Мы все должны следить за ним. Если же вы, Бонд, хотите посадить его под замок, то я против, — чистосердечно заявил Дрекс. — А перепроверить всю команду разве не хотите?

— По-моему, нет необходимости, — сказал Бонд. — Есть ли у него особенно близкий человек среди остальных?

— Никогда не видел, чтобы он общался с кем-нибудь, кроме Вальтера и экономки. К слову сказать, Кребс считает себя выше других. А я думаю, не настолько уж он вреден, чтобы от него избавляться. Кребс просто очень одинок, поэтому сочиняет всякие детективные истории и сует нос в чужую жизнь. Что вы на это скажете? Может, оставим его в покое?

Бонд вновь неопределенно кивнул.

— Ну ладно, — Дрекс поднялся и уходил по комнате. — Вернемся лучше к делам. Хотите, расскажу вам о нашей будущей программе? Сегодня среда, в час дня будет производиться заправка горючим. Это произойдет под руководством Вальтера, буду я и еще двое из министерства. Все остальные разойдутся на десять ярдов друг от друга и на сто — от полигона. «Мунрейкер», скоро будет готов к пуску. Приедут из Би-Би-Си комментаторы и эксперты из министерства. О запуске нашей ракеты узнает вся страна! — Дрекс, по-детски радуясь, потирал руки от удовольствия.

— Великолепно! — проговорил Бонд, подыгрывая Гуго.

— Очень приятно, конечно, но мне бы хотелось, чтобы вы, Бонд, своими глазами увидели все приготовления на полигоне. Знаю, вас ничто не волнует, кроме нашего друга Кребса. Но днем он будет на телевидении. Почему бы вам в отсутствие его не исследовать побережье и подножие скалы? Я думаю, что если кто-нибудь попытается проникнуть на полигон, то именно оттуда. Возьмите с собой мисс Бранд: она очень наблюдательна.

— Правильно, — согласился Джеймс. — Надо бы разведать это место хорошенько. Если мисс согласится... — и он повернулся к девушке.

А та спрятала глаза, наклонившись:

— Если сэр Гуго этого хочет...

— Тогда заметано, — сказал Дрекс. — А сейчас мне надо работать. Мисс Бранд, попросите зайти доктора Вальтера, если он свободен.

— Я пойду взгляну на пусковую площадку, — заявил Бонд, еще не совсем понимая, зачем он лжет.

Затем отправился вслед за девушкой в шахту. Он видел, как Гейл подошла к стоящему в стороне Вальтеру, что-то ему сказала и встала рядом.

В этот момент она показала Джей-

мсу совсем юной, прямо подростком. Темные вьющиеся волосы обрамляли хорошенькую головку. Шейка тонула в белоснежном воротничке блузки. Руки были сжаты за спиной, а сияющие глаза устремлены на блистающий в пятидесяти футах от нее "Мунрейкер".

Бонд улыбнулся про себя, не спеша поднимаясь по лестнице. Миловидная, приятная девушка, а в действительности — довольно опытный сотрудник полиции. Она знала все приемы борьбы, легко могла справиться с сильным мужчиной. Например, свалить его, Джеймса, гораздо быстрее, чем кто-либо другой из Скотланд-Ярда.

Когда Бонд наконец поднялся по лестнице и вышел на воздух, то удивился солнечному майскому дню, синеголубому небу. Джеймс быстро добрался до дома, бесшумно открыл дверь и остановился в холле, прислушиваясь: раздавалось слабое жужжание пчелы у окна и какой-то неясный шум из казарм позади дома. Пройдя холл, он вышел в коридор, где тоже господствовала тишина. Повсюду пусто, но дверь его комнаты в дальнем углу почему-то открыта. Джеймс проверил пистолет и медленно двинулся по ковру.

Посреди комнаты, спиной к нему, стоял на коленях Кребс, пытаясь открыть кожаный чемодан Бонда. Все внимание незваного гостя сосредоточилось на этой работе. Мишень была очень соблазнительна, и Джеймс не колебался. Он сделал два быстрых шага в комнату и резко отвел ногу...

Удар был настолько силен, что Бонд чуть сам не потерял равновесие. Кребс с криком взметнулся вверх, а потом шлепнулся на кейс и затык. Джеймс нагнулся над распростертой фигурой и перевернул ее на спину. Лицо с грязными желтоватыми усами было бледным, на лбу капли крови, глаза закрыты, дыхание затруднено. Бонд встал на колени, осмотрел карманы поверженного, высыпал содержимое на ковер рядом с хозяином: там были связка ключей, хорошо отточенный нож и черная дубинка. Джеймс убрал вещи, подошел к столу и взял бутылку воды.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем Кребс пришел в себя. Постепенно бледность прошла, глаза ожились.

— Буду отвечать только сэру Гуго, — сказал он, когда Бонд начал допрос. — У вас нет прав лезть с вопросами. Я исполняю свой долг.

Голос Кребса звучал уверенно и даже дерзко.

Бонд поднял пустую бутылку.

— Отвечай быстро или получишь в лоб. Кто велел тебе заходить в мою комнату?

— Грубая полицейская свинья, — презрительно выдавил Кребс.

Джеймс ударил его по ногам, тот свалился. Но стоило Бонду приподнять его, как Кребс вырвался и бросился

бежать, да так проворно, что когда Бонд выскочил за дверь, тощая фигура беглеца слетала с лестницы и скоро скрылась из виду. Джеймс посмеялся над собой, вернулся в комнату и плотно прикрыл дверь.

"Безмозглое животное. Пусть его Дрекс накажет. Но интереснее всего то, что Кребс, несомненно, выполнял волю самого хозяина.."

Бонд прибрал комнату, уселся на кровать и невидящим взором уставился на противоположную стену.

Что-то заставило его сказать Дрексу, что он лично собирается присутствовать при пуске ракеты. А после случившегося, когда Кребс, безусловно, по приказанию Гуго залез к нему в комнату, Джеймс решил, что именно так он и поступит. Его беспокоили мысли о смерти Таллона и Бартча. Связано ли убийство с отметками на карте и отпечатками пальцев Кребса?

Как будто кто-то подслушал его мысли. В дверь постучали, и вошел сержант полиции. Он поздоровался и передал Бонду телеграмму, подписанную Воллансом, где значилось: "Звонок Таллона в министерство мог быть услышан кем-то в доме, результатом этого стал обыск в его комнате, а потом и смерть.."

— Благодарю вас, — сказал Бонд. — Ответа не будет.

Когда дверь захлопнулась, Джеймс сжег бумагу и растоптал пепел. Потом он задумался о Бартче. Нет ли здесь связи с попыткой уничтожить ракету? Не проще ли прийти к заключению, что Кребс только любит совать нос в чужое или, что более вероятно, служит Дрексу, который боится предательства и хочет быть уверенным в лояльности своего секретаря, Таллона, и, конечно после их встречи в "Блейдесе..", Бонда?

Бонд сидел в тишине, пытаясь сложить из полученных сведений целостную картину. Когда гонг оповестил о ленче, он все еще не придумал ничего определенного.

Итак, отложив принятие окончательного решения, Бонд отказался от всего, кроме приятной встречи наедине с Гейл Бранд.

Глава XVI ЗОЛОТОЙ ДЕНЬ

Великолепный сине-зеленый, с золотом, полдень. Мужчина и женщина остановились на краю огромной меловой скалы, глядя вдаль, туда, где два тысячелетия назад впервые высадился Цезарь. Слева был прекрасный зеленый ковер, расцвеченный яркими полевыми цветами, вниз спускался покрытый галькой берег. Вдалеке виднелось полдюжины кораблей: лайнеров, торговых шхун и стройных корветов, спешащих куда-то на юг, возможно, в Портмут. Панорама была романтическая...

Спокойствие разрушила сирена, безобразная повседневишина ворвалась в чудный мир. Две машины с красными крестами на боках подкатили к деревьям.

— Начинается заправка топливом, — сказал Бонд. — Давайте уйдем. Если что и случится, нам на этот раз удастся выжить.

Девушка улыбнулась ему.

Они спустились вниз и ступили на прекрасный, нежный ковер травы. Вскоре они оказались вдали от пусковой площадки.

Ледяная сдержанность Гейл мгновенно растаяла в солнечных лучах. Ее лицо цвело в улыбке. Бонд не узнавал вчерашнюю замороженную особу в этой веселой, смеющейся девушке, которая удивлялась незнанию им самых простых полевых цветов, растущих вокруг. Торжествуя, она наклонилась и сорвала один из них.

— Вы бы не сделали так, если бы знали, что цветы кричат, когда их рвут, — заметил Бонд.

Гейл удивленно глянула на него, подзревая насмешку.

— Разве никогда не задумывались об этом? — Джеймс улыбнулся ее реакции.

— Индийский профессор Блоз написал трактат о нервной системе цветов, где упомянул об ощущении ими боли. По его мнению, если сорвать розу, она кричит. Это, должно быть, один из самых душераздирающих в мире воплей. Знаете, я даже слышал что-то подобное, когда вы сорвали этот цветок.

— Не могу поверить, — сказала девушка, подозрительно глядя на красные лепестки. — А кроме того, — проговорила она насмешливо, — уж никак не ожидала от вас такой сентиментальности. Ведь вы и ваши сотрудники занимаетесь серьезными делами, далекими от цветов. Ваша жизнь — сплошные опасности, вы чаще кровь видите, чем гвоздики да ромашки.

— Мы всегда защищаем тех, кто не может защититься сам. Цветы — не умеют.

Гейл совсем смутилась:

— Ну вот, я чувствую себя почти убийцей... Надо бы прочесть книгу о нервах у растений. И если там действительно написано то, о чем вы говорили, я в жизни больше не сорву ни одной былинки. А что с этой делать? Мне уже кажется, ее кровь вот-вот прольется на мою ладонь.

— Отдайте цветок мне. Кровь ближе мужчине.

Бонд продел цветок в пуговичную петлю своей голубой рубашки.

Они отошли от края скалы, и Джеймс рассказал ей о неожиданном появлении Кребса в комнате Таллона.

— Не удивительно. Я никогда ему не доверяла. Скажите, а как на это отреагировал сэр Гуго?

— Он очень рассердился и пошел тотчас же давать взбучку своему верному

псу. После мне было обещано, что на следующей неделе его отошлют в Германию, а пока он будет как бы под домашним арестом. Это значит, выходить куда-либо сможет только под присмотром.

Молча двинулись дальше. Не говоря ни слова, дошли до гавани Святой Маргариты. И лишь когда начали пробираться через полосу песка, разговор возобновился. Бонд поделился с девушкой соображениями о событиях предыдущего дня, признался, что и для него самого много неясного в истории с отметками на карте. Но надо предполагать самое худшее: опасность грозила ракете, и именно об этом Таллон хотел сообщить своему начальству при встрече. Поэтому главная задача сегодня — разобраться не в смерти Таллона и Бартча, не в странном поведении Кребса, а в том, что может грозить проекту «Мунрейкер». Решить эту задачу будет крайне сложно, и потому надо объединить усилия, работать сообща...

Гейл чуть кивнула в знак согласия. Она смотрела на спокойную гладь моря и думала о своем. Зачем она выбрала когда-то тяжелую мужскую профессию? Зачем живет в постоянном напряжении? В такую погоду, у такой чудесной бирюзовой воды говорит с красивым мужчиной не о любви и поэзии, а о драках, смертях...

— Как? — спросил Джеймс, развивая свою мысль. — Вы согласны со мной?

— Простите, я, кажется, замечталась. Вы правы, у нас одна задача... Знаете, я здесь с начала осуществления этого проекта, о многом уже могу судить. Команда слаженная, стоят горой друг за друга, и все — за сэра Гуго. Ракету свою просто любят. «Мунрейкер», — их жизнь, это я говорю без преувеличения. Все разговоры только о ней. Работают четко, слаженно, как роботы. Теперь — о Бартче. Иногда мне кажется, что он просто надорвался, не выдержал темпа, нагрузок, вот рассудок и помутился. Любовь, «хайль Гитлер!»... Кребс. Согласна с вами, он, возможно, работает по указаниям Дрекса, потому и мои вещи им просматривались. Ничего особенного в них, конечно, и не было, только частные письма и прочее. Сэр Гуго хочет быть уверенным в окружающих его людях, и я восхищаюсь им. Он безжалостен, с грубыми манерами, с обезображенным лицом и этой рыжей гривой, но работать с ним мне нравится. И я мечтала, чтобы с его «Мунрейкером», все было хорошо. Глядя на этого человека, я поняла, что значит жить для дела и во имя него.

Девушка подняла голову, интересуясь произведенным впечатлением. Джеймс кивнул:

— Я согласен с вами. И потом, никаких фактов у меня нет, только интуиция. Но сейчас главное — сохранить

«Мунрейкер». Пойдемте домой, и так сколько времени проболтались даром.

Девушка улыбнулась и последовала за ним.

Обогнув скалу, они приблизились к подъемнику, нижняя часть которого была обвита водорослями и еще какой-то травой.

В скале зияла широкая черная пасть старого туннеля, тянувшегося к строительной площадке. Сейчас там заправляют ракету работающие в противогазах и костюмах из асбеста люди. Если что случится, ничего не останется ни от скалы, ни от туннеля.

— Давайте уйдем отсюда, — обратился он к девушке.

Гейл стояла рядом с ним и о чем-то раздумывала.

— Трудновато им, — сказала она, заметив, как Бонд нахмурился. — Я имею в виду охранников. Даже когда прилив и очень опасно подходить со стороны моря, они всю ночь дежурят на вершине скалы. Им приказано стрелять и не разговаривать. Конечно, лучше ночью осветить скалу прожектором, но это только небольшая часть территории.

Бонд снова нахмурился:

— Сюда можно подплыть на подводной лодке. На морской карте показано, что существует канал в 12 морских саженьей, но мне бы хотелось самому все проверить...

Он неожиданно улыбнулся спутнице:

— Почему бы не искупаться? И не холодно, и бодрость на все утро обеспечена.

Глаза Гейл заблестели.

— Хорошо бы. Но что я на себя надею? Нет купальника...

— Ничего, закроетесь полотенцем. Больше никого здесь нет. Обещаю не смотреть на вас. Раздевайтесь за этой скалой, а я спрячусь за другую. Пойдемте.

— Ну ладно, — согласилась девушка, довольная тем, что за нее решили этот вопрос.

Она отошла и медленно начала растегивать юбку. Боязливо оглядываясь, увидела своего спутника, уже пробирающегося к воде между темных скал. Фигура его быластройной, кожа коричневой, и синие плавки красиво обтягивали узкие бедра.

Не раздумывая больше, Гейл последовала за ним и очень скоро оказалась в воде, поплыла кролем вдоль берега. Добралась до мола, на минутку остановилась перевести дыхание. Бонда не было видно. Она продвинулась еще ярдов на сто вперед, а потом повернула назад, плыла, помимо воли думая о Джеймсе, вспоминая его крепкое, ладное тело и надеясь, что он где-то около, только не виден из-за скал, а может, уже валяется на песке. Девушка снова поискала глазами спутника и неожиданно заметила его среди волн почти рядом с собой. Потом сильные руки

обхватили ее и притянули к себе, а губы прижались к ее губам.

— Ах, сумасшедший! — гневно выкрикнула девушка, но его уже не было рядом: Джеймс плыл ярдов за двадцать от нее.

Она повернулась и двинулась в другую сторону, теперь уже с насмешкой вспоминая случившееся и все-таки решив отругать его потом. Однако, размышляла она, мужики из секретной службы всегда находят время для секса, несмотря на опасность и сложность их работы. Девушка призналась себе, что поцелуй не был ей противен, а великолепный день стал еще ярче. Потом Гейл пришла к выводу, что такое утро бывает не часто, и решила простить нахала.

А через полчаса они уже лежали на песке на достаточном расстоянии друг от друга, ожидая, чтобы солнце высушило и прогело их тела.

О случившемся не вспоминали, и Гейл всеми силами старалась разрядить возникшую напряженность. Оба они с подчеркнутым интересом следили за пойманным Бондом крабом, наконец отпустили его на свободу и наблюдали, как тот стремительно скрылся в водорослях.

Джеймс в данный момент одолевали две темы: прекрасное тело девушки и «Мунрейкер». Но он постарался выбросить из головы проблемы, связанные с ракетой, и обратился к спутнице, вспомнив ее в воде и этот мимолетный поцелуй.

— Почему вас называли Гейл? — спросил он.

Она рассмеялась.

— Меня всегда этим именем дразнили и в школе, и на службе в ВМС в Лондоне. Но настоящее мое имя еще хуже — Галатея. Так назывался крейсер моего отца во время его службы, когда я родилась. Но на службе, будучи в спецвойсках, я изменила свое имя.

— Спецвойска...

Пока они лежали на песке около скалы, его мысли были заняты девушкой, а глаза следили за двумя чайками, которые носили что-то в свое гнездо, прилепившееся к верхнему краю скалы. Бонд в сладкой полудреме наблюдал за ними, когда вдруг обе птицы с резким криком бросились в сторону от гнезда. В этот самый момент появилось облако черного дыма, раздался грохот, и большой белый кусок скалы полетел прямо на Бонда и Гейл...

В следующий момент Джеймс, не помня себя, рванул в сторону, увлекая за собой девушку.

Он с трудом поднялся, а когда пыль рассеялась, увидел огромную воронку на том месте, где недавно лежали они. Страшная глыба могла совсем расплющить девушку. Хотя ей и так досталось: завалило щебнем. Пришлось разгрести завал. От пыли он начал кашлять, напрягая легкие.

Что же случилось, не произошел ли взрыв «Мунрейкера»? Он посмотрел на скалу и вдоль берега. Верхушка скалы оказалась срезанной взрывом. Девушка застонала, лицо ее напоминало белую маску. Он попытался сделать ей искусственное дыхание, чтобы расправить придавленные легкие. Потом помассировал себе грудь, из разбитых рук еще текла кровь, но кости остались целы, а особой боли в теле не было. Откашлявшись, Бонд присел и начал окровавленными руками стирать мелкую пыль с лица девушки. А дальше освободил от камней ее ноги и повернул ее лицо к себе. За минуту до того она казалась ужасной белой куклой, а теперь вдруг в его глазах стала самой красивой женщиной в мире. Бонд молился, чтобы ее глаза открылись. Когда через несколько секунд это случилось, радость Джеймса была так велика, что он сам чуть не потерял сознание.

Глава XVII

ДИКОЕ ПОДОЗРЕНИЕ

После того, как состояние пароксизма прошло, он почувствовал, что Гейл потихоньку, как ребенка, гладит его по голове. Джеймс увидел ее заботливые, страдающие глаза. Девушка указала ему на скалу: в этот момент дождь из небольших камней посыпался оттуда.

Поднявшись на еще слабых ногах, они постарались убраться подальше от страшного места. Песок под их ногами напоминал бархат. Взявшись за руки, они с трудом продвигались вперед. Потом девушка совсем обессилела и присела, а Бонд дотопился до большого валуна, поднялся на него, огляделся.

Небольшой выступ утеса спас их обоих от гибели, и если бы не это укрытие, они были бы похоронены под грудой камней.

Наконец Гейл добралась до него и положила руку ему на плечо. Он обхватил ее талию, и они, радуясь спасению, посмотрели на море и решили окунуться в мелкой воде около берега. Через десять минут пришли немного в себя и побрели потихоньку по песку к месту, где некогда лежала их одежда. Теперь она, изорванная в клочья, валялась в куче щебня. Бонд нашел сигарету и с удовольствием затанулся, пропуская сквозь ноздри дым. А девушка, насколько было возможно, привела себя в порядок и тоже закурила. Они глянули друг на друга и улыбнулись: природа вокруг них опять блистала необыкновенной красотой. Бонд наконец прервал молчание.

— С нами Бог, — сказал он. — А смерть была совсем рядом.

— Я так и не поняла, что же случилось. Знаю только одно: ты спас мне жизнь.

— А мне кажется, не будь тебя, я бы

умер, — проговорил Джеймс и слегка поежился. — Думаю, ты догадалась: кто-то сбросил часть скалы на нас.

Девушка широко раскрытыми от ужаса глазами глянула на него.

— Если хорошенько поискать, думаю, обнаружим следы динамита. Я видел облачко и слышал взрыв перед тем, как упала скала. Да и чайки перед этим взвились, — добавил он. — Никто, кроме Кребса и его дружков, на такое не способен.

В глазах девушки теперь было понимание случившегося и страх.

— За что? — проговорила она взволнованно. — Чего они хотят?

— Хотя бы нашей смерти, — спокойно выдал Бонд. — Поэтому мы должны жить. Правда, виновников нужно найти во что бы то ни стало. Боюсь, даже и от Волланса нечего ждать помощи. Если нас решили похоронить, то полагалось сделать все как следует. Они понимали, что если кто-то увидит или услышит, что скала взорвалась и упала, никто особенно не взволнуется и не забудет тревогу: эти скалы тянутся на двадцать миль, а людей здесь мало, значит, вероятность несчастного случая велика. Береговая охрана могла услышать, конечно, но весной здесь без конца обвалы. Наши «друзья» подождут до ночи и, если мы не вернемся, тогда вызовут полицию и береговую охрану искать нас. Но сначала убедятся, что высокая волна смысла всякие следы. План, надо сказать, великолепный. И даже если Волланс поверит нам, нет достаточных улик, чтобы заставить премьер-министра вмешаться в это дело, тем самым скомпрометировав работу над «Мунрейкером». К чему им наша история? На кой черт?.. Нет, нужно действовать только самостоятельно.

Он внимательно взглянул на спутницу:

— Что ты об этом думаешь?

— Согласна, нас сочтут ненормальными, если сообщим, что на головы нам упала скала. И что мы, спросят, делали там вместо того, чтобы работать?

Бонд по-детски улыбнулся.

— Только полежали минут десять, чтобы обсохнуть. А как мы должны были потратить такой на редкость удачный день? Снова брать отпечатки пальцев у каждого? Пусть полиция сама почешется, совсем мышей не ловит. — Но он осекся, заметив хмурое выражение лица Гейл, и полушутя поднял руки: — Разве мы бездельничали этим утром? Нет. Мы заставили врага вылезти из норы. А теперь наш следующий шаг: найти точно, кто этот враг, почему хочет убрать нас с дороги. Если найдем, то сможем ликвидировать осиное гнездо.

Девушка кивнула:

— Безусловно, ты прав. Знаешь, я живу здесь уже год или даже больше и никак не могу отделаться от предчувств-

вия, будто что-то произойдет. С нами ли, с "Мунрейкером"...

Бонд приподнялся:

— Ладно, пойдем. Уже около шести. Скоро прилив, и мы потом не сможем отсюда выбраться. Желательно перекусить малость и выпить. Интересно, как нас примут, когда увидят, что мы живы, здоровы и понимаем причину случившегося?

... В половине девятого такси доставило их ко второй проходной, где они предъявили документы и спокойно прошли на территорию. Оба пребывали в приподнятом настроении. Горячая ванна, часок отдыха, бренди с содовой и крепкий кофе — все сделало свое дело.

Они вошли в освещенный зал очень спокойно, не спеша. Из столовой был слышен шум оживленно болтающих сотрудников. Раздался внезапно взрыв хохота, среди которого выделялись лающие звуки голоса сэра Гуго Дрекса. Усталая улыбка исказила лицо Бонда, но он тут же изобразил беззаботную веселость, открыл дверь и пропустил вперед себя Гейл.

Дрекс сидел во главе стола в своем праздничном, вишневого цвета жакете. При появлении парочки он так и застыл с открытым ртом, не обращая внимания на то, что кусок мяса соскользнул с вилки и шлепнулся в тарелку.

Кребс держал стакан красного вина, который тоже будто примерз к руке, потом наклонился, и вино тонкой струйкой полилось на сорочку.

Доктор Вальтер прижался спиной к двери. "Он не реагирует так бурно, вероятно, нервишки покрепче", — подумал Бонд.

Дрекс уже был на ногах.

— Мой дорогой друг, — сказал он басом. — А мы все так волновались. Послали уже поисковую группу. Несколько минут назад охранник доложил, что обвалилась скала.

Лицо его то бледнело, то краснело.

— Почему вы не дали сразу знать, что вернулись оттуда? — проговорил он, сердито глядя на Гейл. — Мягко говоря, очень странное поведение.

— Это моя вина, — заметил Бонд, двигаясь так, чтобы никого не выпустить из поля зрения. — Прогулка наша продолжалась дольше, чем я ожидал. Мы дошли до Сант-Маргарет, подкрепились там, а потом взяли такси. Мисс Бранд хотела позвонить, но я подумал, что к восьми мы будем на месте. Всю ответственность беру на себя. Продолжайте, пожалуйста, обед, а мы с удовольствием польем кофе и съедим что-нибудь сладкое. По-моему, мисс хотела бы пойти к себе, она устала за такой долгий день.

И Бонд решительно обошел стол и уселся рядом с Кребсом. Два его бесцветных водянистых глаза, оправившись от шока, теперь уставились в тарелку.

— Идите отдыхать, мисс Бранд, пе-

реговорю с вами потом, — буркнул раздраженно Дрекс.

Гейл послушно вышла, а Гуго пододвинул стул и тяжеловато плюхнулся на него.

— Какие же красавицы те скалы, — весело заметил Бонд. — И что за благоговейный страх приходится испытывать, когда одна из них рухнет. — Он замолчал на мгновение. — Между прочим, что вы скажете о причине падения скалы на этот раз?

Справа от Джеймса послышался слабый стон, затем звон разбитого стекла, и голова Кребса стукнулась о стол.

Бонд посмотрел на него с вежливым удивлением.

— Вальтер, — резко выкрикнул Дрекс. — Разве вы не видите, что Кребсу плохо? Отведите его на кровать. Да не миндальничайте с ним особо. Не надо ему так много пить. Поторопитесь!

Вальтер зло схватил Кребса за шиворот и потащил по полу к двери.

— У него, должно быть, день выдался ужасный? — спросил Бонд, глядя на Дрекса.

Великан вытирал салфеткой пот с лица.

— Чепуха, — коротко проговорил он, — надрался лишнего, вот и все.

Подали кофе.

Бонд взял чашечку и немного отхлебнул. Он ждал, пока Вальтер откроет дверь каморки и затащит туда Кребса. Скоро новость дойдет до казарм. Интересно, все ли знал Дрекс о случившемся сегодня? Весь день он будто бы находился внизу и следил, как заливали топливо. Бонд решил немного его проверить.

— Как прошли работы с топливом? — спросил он как бы между прочим. Дрекс в этот момент зажигал длинную сигару и из-за облачка дыма глянул на спрашивавшего.

— Отлично. Все теперь готово. И охрана не нужна. Немножко почищать территорию, и зона будет закрыта. Между прочим, — добавил он, — собираюсь завтра ехать машиной в Лондон и мисс Бранд взять с собой. Мне нужна секретарша. А у вас есть какие-нибудь планы?

— Тоже должен поехать в Лондон. Нужно сделать отчетный доклад в министерстве, — заявил Бонд.

— О, неужели? — спросил довольно небрежно Дрекс. — О чем это? Я думаю, вы остались довольны подготовкой?

— Пожалуй, — ответил без энтузиазма Бонд.

— Ну и ладненько тогда, — пробурчал не совсем удовлетворенно Дрекс. — А теперь, простите, вынужден вас оставить. Документы ждут в кабинете.

— Доброй ночи, — сказал Бонд, когда тот уже показал спину.

Джеймс допил кофе и вышел в холл, а потом прошел в спальню. Там, очевидно, опять что-то искали. Чье-то подозрение вызывал его кожаный кейс, в

котором ничего особенного не было, кроме кое-каких инструментов.

Пистолет в кобуре был там, где он его спрятал: в кожаном футляре от бинокля, принадлежавшего Таллону. Джеймс вынул пистолет и сунул его теперь под подушку, принял горячую ванну, смазал йодом ссадины и синяки, улегся в постель и выключил свет. Все тело ныло.

Как там, интересно, Гейл? Он посоветовал ей принять снотворное, запечатать дверь и хорошенько выспаться. Сам же он думал сейчас об одном: хотя на многие вопросы уже есть ответы, но основное, кажется, так и останется невыясненным.

Этот необыкновенный миллионер со-

здал грандиозное оружие. Министерство обороны было очень обрадовано и подняло шум. Премьер-министр и парламент тоже все приняли на ура. Кому-то присутствие сотрудников особой службы здесь ни к чему. Работать в таких условиях трудно: находишься в постоянном напряжении. А диверсии возможны. Вдруг какой-нибудь сумасшедший фанатик надумает повредить ракету? Завтра надо постараться не выпускать из виду девушку, охранять ее в Лондоне и привезти назад. А если она останется в городе на ночь, за ней надо приглядеть там и защитить при необходимости.

Все эти мысли витали в голове Джеймса, пока он наконец не заснул.

Часть 3

Четверг. Пятница

Глава XVIII

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА

«Мерседес», — это вещь! Бонд смотрел и восторгался. Он отметил про себя, что таких машин в Англии было не больше полдюжины. Возможно, автомобиль куплен в Германии. Там он несколько подобных видел. Что ж, такой Дрексу под стать: в нем и какая-то величественность, и даже безжалостность.

— Быстрая лошадка, — заметил Дрекс с удовольствием, видя, с каким восторгом Бонд рассматривал автомобиль. — А ваш «бэнтли», тоже когда-то считался неплохой машиной. Теперь, правда, их показывают в музеях, как древность.

Из дома вышли Гейл Бранд и Кребс. Последний молча уселся на узкое сиденье позади шофера. Воротник его плаща был поднят, он с неприязнью поглядывал на Бонда.

Гейл Бранд, элегантная, в темно-сером костюме и черном берете, с черным легким плащом на руке, уселась справа. Они заранее договорились с Бондом встретиться в Лондоне в половине восьмого, а потом Джеймс доставит ее обратно на своей машине.

Гейл вела себя очень сдержанно и спокойно, смотрела только вперед, положив руки на колени.

Дрекс влез в автомобиль, и машина

полетела. Джеймс проследил, как она в мгновение ока исчезла из виду. Тогда он забрался в свой «бэнтли», и помчался следом.

Сидя в машине, Гейл думала о своем. Ночь прошла гладко, без происшествий. Утром занимались уборкой в зоне пусковой установки. Дрекс не вспоминал о случившемся и держался как обычно. Был жаркий солнечный день, и Дрекс засучил рукава рубашки. Девушка заметила маленькую книжонку, торчащую из кармана хозяина. Со вчерашнего вечера она чувствовала себя другим человеком. Стало ясно: спокойная жизнь секретарши окончена, начинается новая, интересная и опасная игра. Пришло время рисковать.

Надо добыть секретный черный блокнот Дрекса во что бы то ни стало. Это сделать, должно быть, нетрудно. С определенной целью Гейл положила свой плащ на свободное место между собой и Дрексом и ждала удобного момента. Случай представился, как она и ожидала, в перегруженном транспортом Мейдстоне.

Дрекс намеревался проскочить светофор на углу Кинг-стрит и Габриэль Хил, но поток транспорта застопорился, и он оказался позади семейного автомобиля с крытым кузовом. Когда светофор мигнул, Дрекс решил выбиться вперед. Шофер он был прекрасный, но нетерпеливость мешала ему.

Когда зажегся зеленый, Гуго рванул машину вправо наперерез, значительно увеличил скорость и сердито покачал

головой шоферу соседней машины, когда проезжал мимо. Во время такого маневра Гейл как бы случайно прижалась к водителю, левая рука быстро нащупала желаемый предмет — заветный блокнот. Дрекс в этот момент ничего не видел, кроме транспорта впереди и пешеходов — двух женщин и мальчика, которым как раз потребовалось перебежать улицу. Дрекс взревел от гнева, глядя на пешеходов и проклиная их беспечность.

Бранд боялась, как бы он не полез в карман и не обнаружил пропажу. Она взяла на колени плащ и кашлянула.

— Извините, сэр Гуго, — проговорила Гейл сдавленным голосом.

— Ну, что еще?

— Простите меня, не могли бы вы хоть на минутку остановиться. Мне было очень хотелось попудрить нос. Может, это глупо, ну что ж поделайте.

— Боже мой, — сказал Дрекс, — а дома-то почему вы не могли... Ладно, хорошо. Нашли место. — Он хрюкнул, улыбаясь в усы и вытирая сигарету.

— Там, за поворотом, отель, — с трудом проговорила Гейл. — Момент не тот, смешно, наверно. Еще раз простите, сэр Гуго.

Машина подкатила к гостинице и мгновенно остановилась.

— Поторопитесь, поторопитесь, — прогромычал Дрекс, когда девушка вышла из машины, крепко прижимая к груди добытую ею ценную вещь.

Она быстро скользнула в туалет, заперла дверь и открыла блокнот. Там было то, что и ожидалось: на каждой странице под датой аккуратные колонки цифр — атмосферное давление, сила ветра, температура, оценка окружающей обстановки для гидрокомпаса.

Гейл нахмурилась: даже при беглом взгляде стало ясно, что эти данные абсолютно отличны от ее собственных, просто не шли с ними ни в какое сравнение.

Девушка остановила взгляд на последней странице и поняла, что она на девяносто процентов ошибалась. И если бы ракета была запущена на основании этих расчетов, то она приземлилась бы где-нибудь в Англии. И Гейл с ужасом посмотрела на свое отражение в зеркале. Как она могла так дико ошибаться? И почему Дрекс ничего не сказал ей? Девушка еще раз пролистала блокнот. Да, она никак не могла допустить такую ошибку. Интересно, знает ли министерство эти секретные данные? И почему их надо держать в тайне? Ее смущение неожиданно перешло в испуг. В Лондоне она должна как-то успокоиться, переговорить с кем-то. Даже если ее назовут дурой или недотепой.

Похолодев, она перевернула назад несколько страниц, вынула маникюрные ножницы из сумочки, отрезала нужные страницы, скрутила их в шарик и засунула в одну из своих перчаток.

И снова обратилась к зеркалу. Оттуда на нее глянуло бледное как полотно лицо. Тогда она принялась тереть щеки, чтобы придать им прежний цвет. Потом побежала по дорожке к машине и спрятала блокнот в складках своего плаща.

Мотор взревел. "Мерседес", тронулся. Дрекс нетерпеливо рывкнул, когда наконец Гейл уселась. Шины зашуршали по гравию, когда он прибавил скорость, и они выбрались на лондонскую дорогу. Девушку сильно качнуло, и она испугалась, как бы не выпал блокнот. Поэтому она осторожно сунула его в карман.

В следующий же момент у нее в кармане была и рука Кребса. Он наклонился вперед и выхватил блокнот. Гейл побледнела и попыталась как-то его удержать, но бесполезно. Немец был сильнее. Он выкрикнул по-немецки:

— Пожалуйста, остановите машину, мой капитан. Мисс Бранд — шпионка!

Дрекс бросил мгновенный взгляд вправо, опустил руку в карман и понял все. Резко свернул в сторону и затормозил. На дороге было пусто. Тогда он сбросил перчатку и повернул Гейл к себе.

— В чем дело?

— Сейчас объясню, сэр Гуго, — и она попыталась хотя бы голосом не выдавать весь ужас, который отразился в ее лице. — Произошла ошибка. Я не собиралась...

— Послушайте, мой капитан. Я видел, как она к вам прижималась. И это показало мне странное, — заявил немец.

Слова Кребса, как тяжелые холодные гири, падали на голову. Дрекс взял ее за подбородок. В глазах Гейл застыл ужас, и она не могла оторвать взгляда от хозяина, в лице которого сквозила жестокость, спрятанная под обычным внешним благодушием.

Дрекс снова оглядел безлюдную дорогу. Потом сбросил вторую перчатку и ударил секретаршу наотмашь по лицу.

Короткий крик вырвался из горла девушки, потоки слез потекли по щекам. Вдруг какая-то сила родилась в ней, и Гейл как безумная бросилась на обидчика. Она боролась с двумя держащими ее железными руками, старалась добраться до глаз врага. Но Дрекс с ловкостью кошки шмыгнул вперед, обвил шю Гейл руками и начал душить, наглодая, как тают силы у жертвы и она вот-вот потеряет сознание.

Машина свернула на лесной проселок, проехала немного и остановилась.

Гейл определила, что они удалились от магистрали: не стало слышно транспорта. Пальцы снова сжали горло, она задыхалась. Что-то тяжелое ударило по затылку, последовала жгучая боль и темнота...

Через полчаса случайный прохожий мог видеть, как белый "мерседес", миновал маленький домик и направился в

сторону Букингемского дворца и дальше — на улицу Эбери, где два джентльмена вытащили из салона больную. Лицо несчастной было совершенно белым, она не могла идти, один из мужчин нес ее по ступенькам. Верзила с красным лицом и такими же бакенбардами сказал спутнику, что некая Милдред обещала вылечить пострадавшую.

Гейл пришла в себя в большой комнате, наполненной, как ей казалось, грохотом моторов. Она была крепко привязана к стулу, ощущала сильную боль в голове, губы и щеки тоже очень саднили и, наверное, распухли. Тяжелые занавески закрывали окна, в комнате чувствовался запах плесени, как в малообитаемом месте. Гейл подумала, что, возможно, очутилась в больнице, закрыла глаза и задремала, но ненадолго.

Вскоре снова приоткрыла веки. Комната освещалась мощными электролампами. Здесь стояла большая машина, напоминающая радиоустановку. Дрекс сидел к девушке спиной и следил за циферблатом. Тут же находились еще три небольшие установки.

Слева тарыхтела какая-то металлическая штука, что вызывало головную боль. Кребс в это время склонился над электрогенератором, находящимся на полу.

— Ну, чертов дурачина, поторопись. Мне еще надо повидать того олуха из министерства! — рявкнул Дрекс.

— Сейчас все будет готово, мой капитан, — подобострастно пискнул Кребс.

— Мотор не будет слишком громко тарыхтеть? — спросил Гуго.

— Нет, мой капитан. Да и помещение звуконепроницаемое. Доктор Вальтер уверил меня, что снаружи ничего не будет слышно, — ответил Кребс.

Гейл опять закрыла глаза и подумала, что ее единственное спасение — имитировать бессознательное состояние. Известно, намеревались ли они убить ее, может, даже здесь, в этой комнате? И каково назначение машин и приборов вокруг? Они напоминают радиоприемники или радары. Для чего же тот изогнутый стеклянный экран над головой Дрекса, который время от времени мерцает, когда Гуго нажимает кнопки над циферблатом? Почему Дрекс великолепно заговорил по-немецки? И что это за обращение к нему Кребса — «мой капитан»? А цифры в черном блокноте? Что сие значит?

Девяносто градусов, девяносто градусов. По ее данным, ракета должна была упасть в радиусе 80 миль в Северном море. Но цифры Дрекса?! Если брать на девяносто градусов левее от ее целей в Северном море, то, вероятно, это где-то в Англии. Милях в восьмидесяти от Дувра...

Дрекс и компания могут выпустить ракету по центру Лондона!

Прямо на столицу!

На Лондон!

Она получила страшный удар от Дрекса по лицу, зато узнала, что Гуго — враг Англии и завтра в полдень он собирается разрушить Лондон. Гейл с трудом попыталась представить, как дворцы, парки с детьми, птицы на деревьях, — все погибнет в пламени шириной в милю. А потом появится грибовидное облако. И ничего не останется.

Ничего. Ничего. Ничего.

Нет! Этого допустить нельзя!

Глава XIX ИСЧЕЗНУВШАЯ ДЕВУШКА

Бонд сидел в Лондоне за любимым столиком в ресторане. Он следил за движением транспорта и толп на Пикадилли. Было 7.45 вечера, Бейкер ему принес уже второй раз водку и сухой мартини с лимоном. Джеймс выпивал и удивлялся: почему Гейл опаздывает? Это на нее не похоже. Она из тех, кто бы позвонил, если бы задержали в Скотланд-Ярде. И Волланс, которого он встретил в пять, говорил, что мисс Бранд должна быть у него в шесть. Волланс очень хотел ее видеть. Он забеспокоился, когда Бонд кратко доложил о деле «Мунрейкера», хотел обо всем расспросить и девушку.

Они немного поболтали, потом Джеймс ушел из главного управления, чтобы встретиться с Майлзом. Тот всем интересовался, окончив расспросы, надолго задумался.

— Агент «007», мне это как-то не нравится. Что-то есть здесь необъяснимое, и не представляю, как вмешаться. Все факты будто известны специальному отделу министерства, и я ничего не могу добавить. Даже если бы был связан с премьер-министром, который почему-то недолюбливает Волланса, что бы я сказал ему? Какие факты? Дай Бог, чтобы я ошибся. Все сосредоточилось на тебе и на этой девице. Повезло, что она порядочный человек. Может, помочь вам чем-нибудь?

— Нет, спасибо, — сказал Бонд и пошел знакомым коридором к лифту и дальше в свой кабинет.

...Он выпил остаток мартини и посмотрел на часы. Теперь было уже восемь, Джеймс неожиданно вздрогнул, быстро поднялся и пошел к телефону: позвонил в Скотланд-Ярд и обратился к Воллансу.

— Что-нибудь слышно о мисс Бранд? — спросил он и внутренне похолодел.

— Нет, — ответил тот резко.

— Она опоздала уже на полчаса. Разве мисс не была у вас в шесть?

— Никаких нет сведений о ней. И там, где она обычно останавливается в Лондоне, тоже ничего не знают. Никто из друзей не видел ее. Никаких аварий на дороге в Дувр в это время не было.

Последовало молчание.

— Теперь слушай. Девушка хорошая, и мне бы не хотелось, чтобы с ней что-либо случилось. Но пойми меня тоже. Завтра все будут заняты только «Мунрейкером». Премьер-министр собирается выступить по радио. А ее исчезновение превратит все в криминальную историю. Завтра слишком знаменательный день, чтобы вникать в судьбу отдельного человека. Но я бы хотел ее найти. А? Что ты скажешь? Можешь помочь? Я доложу дежурному офицеру, и он будет выполнять все твои распоряжения.

— Не волнуйтесь, — сказал Бонд. — Конечно, я буду ее искать. Только скажите, знаете ли вы что-нибудь о местонахождении Дрекса?

— В министерстве он должен был быть около семи. И я просил мне сообщить тогда.

Потом послышался разговор по внутреннему телефону, и Волланс опять заговорил:

— Только что получил доклад городской полиции. Сэр Гуго Дрекс прибыл в министерство в 19.00, а убыл в 20.00. Он сообщил, что мисс Бранд почувствовала себя плохо по прибытии в Лондон, и по ее просьбе он оставил ее у друзей на конечной автобусной станции «Виктория», в 16.45. Адрес ее неизвестен. Девушка должна была в 19.00 приехать в министерство и связаться там с сэром Гуго, но в назначенное время не явилась. Вот и все. О, между прочим, мы сделали от твоего имени запрос о мисс Бранд. Сказали, что ты встретишься с ней в шесть, но она не дала о себе знать.

— Да, — сказал Бонд, мысли его перепутались. — Неясно, где ее искать. Можно ли узнать, было ли определенное место у Дрекса в Лондоне, квартира или еще что?

— В последнее время он всегда оставался в «Ритце», — продолжал Волланс. — Продал свой дом на площади Гросвенор, когда перебрался в Дувр. Но мы узнали, что у него есть какое-то пристанище на улице Эбери. Попытались проверить, но ответа на звонок у двери не последовало, и мои сотрудники сказали, что дом выглядит необитаемым и находится как раз позади Букингемского дворца, как безобразное его дополнение. В нем всегда очень тихо. Может, Дрекс приводит туда женщин?

— Ладно, я займусь этим. Если станет туго, позову на помощь ваших. Не волнуйтесь, не услышав обо мне. До свидания.

— Желаю удачи, — сказал Волланс с ноткой облегчения в голосе.

Бонд позвонил:

— Сэр Гуго Дрекс в клубе?

— Да, сэр, — это был знакомый голос Бревет. — Он в ресторане. Хотите поговорить с ним?

— Нет, спасибо. Мне только нужно было узнать, что он еще не уехал.

Не замечая, что ест, Бонд проглотил ужин и выскочил из ресторана, потом сел в свою машину и двинулся на улицу Святого Джеймса. Спрятавшись за такси и прикрывшись вечерней газетой, он хорошо видел стоявший без присмотра «мерседес» Дрекса, припаркованный на улице. Ждать пришлось недолго. Неожиданно дверь широко распахнулась, мелькнул сноп света, и в проеме показалась большая фигура Дрекса. На нем было тяжелое длинное пальто с поднятым воротником и шапка, надвинутая на глаза.

Он быстро подошел к белому «мерседесу», хлопнул дверцей и отъехал. Бонд на своем старом автомобиле — за ним, стараясь не упустить белую машину из виду. Дрекс остановился около дома на улице Эбери и дважды прогудел. И тут Бонд увидел Кребса, выносящегося из дома женшину, завернутую в нечто вроде простыни. Необычный груз уложили на заднее сиденье «мерседеса», и машина рванула с места.

Счастье, что автомобиль белый, поэтому хорошо был виден при освещении и среди остального транспорта.

Бонд начал погоню, стараясь не зажигать фар и не гудеть, чтобы не выдать себя. Дрекс вынужден был остановиться перед светофором, и Бонд, подъехав поближе, увидел рядом с Кребсом бесформенный комок. Сомнений быть не могло: это Гейл, они держали девушку как заложницу. Но почему? Что она сделала? К чему вся эта чертовщина? Страшные мысли приходили в голову Бонду. Какой же он был слепец! Еще в самом начале понял, что Дрекс — опасный человек, и все-таки проморгал. А теперь явно чувствовал беду. Но что предпринять? Что можно было сделать, кроме как убить Дрекса и понести за это наказание? Как выйти из положения теперь? Позвонить в Скотланд-Ярд, дать машине улизнуть? Девушка схвачена, и Гуго собрался избавиться от нее по дороге в Дувр. Раздумывать больше нет времени, надо срочно что-то предпринять. Например, прострелить шину «мерседеса», остановить его, а потом как-нибудь выпутаться из этой истории.

«Так и надо сделать», — сказал себе Бонд.

(Окончание следует)

Перевод Э. КОРДОНСКОЙ

Лев СОРОКИН

“ЧЕЛОВЕК НАДЕЕТСЯ НА ЧТО-ТО...”

Из неопубликованного

Совсем недавно ушел из жизни известный уральский поэт Лев СОРОКИН. В течение многих лет он возглавлял Свердловскую областную писательскую организацию, был секретарем Союза писателей России. Особое место в его работе занимали шефство над правоохранительными органами края, встречи с военнослужащими. «Я постоянно чувствую себя в долгу перед человеком в шинели», — не раз повторял он.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию стихи из последней рукописи поэта.

Михаил НАЙДИЧ,
г. Екатеринбург.

***

А чьи теперь вы,
Заросли густые?
А чья теперь ты,
Волжская волна?
Россия, неделимая Россия
В иных сердцах
Уже разделена.

Теперь вы чьи,
Задумчивые скалы?
Теперь ты чье,
Озябшее жнивье?
Веками Русь
Россию собирала.
Неужто разбазарим
Мы ее?

Ты поплачь

«Ты поплачь, касаточка, поплачь,
От народа горяшко не прячь...» —
Эта песня беспощадных дней
Кольбельной сделалась моей.

«Ты поплачь, касаточка, поплачь,
От народа горяшко не прячь...» —
Пьет-поет
Безрукий капитан,
Поминая павших за Афган.

«Ты поплачь, касаточка, поплачь,
От народа горяшко не прячь...» —
Снова сердце русское болит,
Хоть горит
Нерусский Сумгаит.

«Ты поплачь, касаточка, поплачь,
От народа горяшко не прячь...», —
Сын спустился с отчего крыльца...
Боже мой,
У песни нет конца!

***

Человек надеется на что-то,
Синими губами шеверя,
Даже при паденье самолета,
Даже при крушенье корабля.

Даже перед вечной тишиною
Думою он тешится одной:
Может, смерть
Не встретится со мною
Или же не справится со мной?

И тогда, конечно же,
как прежде,
Зашумят и замелькают дни...
Для сердец прочнее,
чем надежда,
Не сыскать, наверное, брони.

***

Давай послушаем закат.
За горизонт умчались вихри,
И сосны сразу же притихли,
И волн размеренный накат.

Чем тоньше огненная нить,
Тем лес задумчивей и строже,
Как человек,
Что много прожил,
И есть о чем ему грустить.

Публикация Р. СОРОКИНОЙ.

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

КИКБОКСИНГ: НА РИНГЕ - ВЫ

Уроки дает мастер спорта Игорь Нистратов

На этом занятии рассмотрим следующие вопросы:
позиции (стойки) кикбоксера в бою; перераспределение
веса тела; передвижения по рингу; упражнения в
маневрировании; удары руками

ПОЗИЦИИ кикбоксера на ринге зависят от манеры боя, личных физических и психологических качеств. В зависимости от характера тактических действий позиции могут меняться. В этом их главное отличие от формальных стоек каратэ, где строго регламентируются положения рук и ног, причем в отрыве от реальных ситуаций, складывающихся в те или иные моменты поединка.

Практика современного кикбоксинга утвердила три основные позиции. Их занимают в зависимости от того, на какой дистанции — дальней, средней или ближней — ведется спортивная схватка.

Сегодня мы остановимся на дальней дистанции. Она определяется таким расстоянием между боксерами, которое позволяет нанести удар рукой, сделав шаг вперед, или, оставаясь на месте, достать противника ударом ноги.

Рассмотрим подробнее элементы стойки бойца в этом положении.

Позиция дальнего боя (рис. 1 — вид спереди и сбоку). Левая нога находится впереди, правая — сзади на расстоянии ширины плеч (боксер-левша берет за основу зеркальный вариант этой позиции). Для устойчивости ноги разведены в стороны (15 — 30 см) и слегка согнуты в коленях. Левая ставится на всю ступню. Носком правой, повернутым несколько внутрь, боксер упирается в пол. Вес тела распределен равномерно на обе ноги. Туловище повернуто левым плечом вперед, таз чуть заметно подан назад. Голова опущена, подбородок идет к груди. Левая рука согнута под прямым углом (можно чуть больше), расслабленный кулак слегка повернут ударной частью в направлении головы противника и находится на высоте плеча, локоть отведен от туловища на 10 — 15 см. Локоть правой руки, прикрывая печень, немного подан внутрь; кулаком защищен подбородок.

Итак, вы научились принимать боевую стойку. Следующий элемент искусства кикбоксинга — умение перераспределять вес тела с одной ноги на другую и правильно, с использованием нужных мышц, координировать движения. Без этой премудрости вы не сумеете ни атаковать, ни защищаться.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЕСА ТЕЛА производится и при действиях из позиций дальнего, ближнего боя, боя на средней дистанции и в других положениях, продиктованных ходом поединка. Образно выражаясь, ноги кикбок-

сера на ринге — это чаши весов, на которых непрерывно меняются гири, помогая спортсмену стремительно передвигаться вперед, назад, влево, вправо, по кругу, а также в промежуточных направлениях: вперед-вправо, вперед-влево, назад-вправо, назад-влево.

Давайте проследим за динамикой управления весом кикбоксера, принявшего позицию дальнего боя.

Перемещение веса тела на левую ногу производится толчком носка правой ноги при нанесении прямых и боковых ударов, ударов снизу в голову или туловище, выполнении защитных приемов и тактических действий с целью:

сокращения дистанции до противника и атаки прямым или боковым ударом левой в голову;

вызова противника на атаку прямым ударом левой в голову с последующим нанесением контрудара левой сбоку или снизу в голову или туловище;

вызова противника на атаку прямым ударом левой с последующей защитой уклоном влево, нанесением ответного бокового удара левой в голову или туловище и развитием контратаки серией ударов в эти же части тела.

Перемещение веса тела на правую ногу производится толчком носка левой ноги для защиты от атаки противника прямыми или боковыми ударами в голову, туловище и выполнения различных тактических действий с целью:

подготовки исходного положения тела для нанесения прямых и боковых ударов, ударов снизу в голову или туловище в атакующей, встречной и ответной формах боя;

введения противника в заблуждение, чтобы в последний момент, когда он приблизится вплотную, изменить положение тела, повернуть его вправо или влево и начать атаку прямым или боковым ударом правой в голову.

ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПО РИНГУ также диктуются тактическими соображениями. Виды и способы передвижений спортсмен выбирает с учетом дистанции, позиции — своей и про-

тивника, плана боя. Немаловажную роль играют здесь индивидуальные способности и физические качества.

Одиночный шаг. Двигаясь вперед, влево-вперед, влево, кикбоксер отталкивается носком правой ноги, делает шаг левой в нужном направлении, касаясь пола передней частью ступни у основания большого пальца, а правую ногу, быстро подтянув, ставит в прежнее положение.

При передвижении назад, вправо-назад, вправо — толчок носком левой ноги и шаг правой... Остальное — по аналогии с предыдущим вариантом.

Следует усвоить: на дальней дистанции передвижение осуществляется в основном на носках. Шагая вперед, влево, вправо, старайтесь не ступать на пятку, это будет гасить вашу скорость, ограничивать возможности дальнейшего маневрирования.

Подскоки. Перемещаясь этим способом, в качестве толчковой можно использовать любую из ног, независимо от направления атаки или отхода.

Перемещение подскоками очень характерно для кикбоксинга и, пожалуй, является основным способом движения в бою на дальней дистанции.

Слитное скользкое перемещение. Ноги почти не отрываются от пола, как бы скользят по нему. Способ удобен тем, что боксер в любой момент может остановиться, изменить направление движения (для этого достаточно толчка носком одной из ног), с ходу решить внезапно возникшую тактическую задачу.

Повороты тела в движении выполняются на передней части левой или правой ступни при перемещении подскоками или одиночным шагом.

Упражнения в маневрировании (без партнера):

передвижение в боевой стойке по четырехугольнику в слитной последовательности: влево-вперед-вправо-назад;

передвижение по кругу приставным скользким шагом;

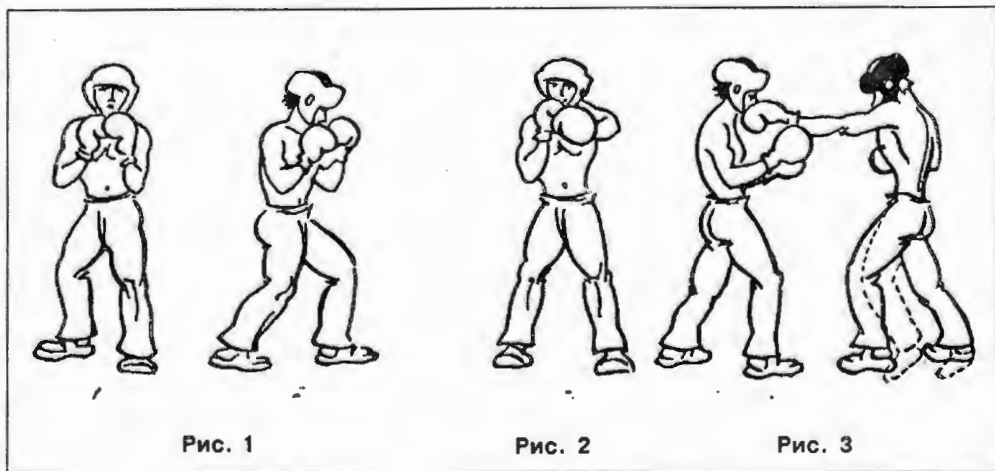

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

передвижение по кругу боком с попеременными поворотами тела на 180 градусов через каждые два приставных шага;

передвижение с поворотами на носке левой или правой ноги.

УДАРЫ РУКАМИ. Некоторые из них уже известны читателям, ознакомившимся с обзорным материалом в предыдущем номере журнала. Теперь на наших уроках будут даваться подробные описания основных приемов кикбоксинга.

Прямой удар левой в голову на месте (рис. 2). Из позиции дальнего боя толчком носка правой ноги боксер посылает тело вперед, перенося вес на ступню левой ноги. Одновременно левая рука резко выпрямляется, туловище слегка поворачивается слева направо, кулак, подходя к цели, наклоняется вперед, кисть в момент удара сжимается. Раскрытой правой перчаткой, повернутой тыльной частью к подбородку, спортсмен страхует голову, опущенным локтем — туловище.

Прямой удар левой в голову с шагом вперед (рис. 3). Оттолкнувшись носком правой ноги, боксер делает шаг левой вперед, наступая на носок, переносит на левую ногу вес тела. Одновременно туловище совершает небольшой поворот слева направо, левая рука резко и стремительно выпрямляется, направляя кулак прямолинейно к цели. Правая нога после толчка и шага левой вперед подтягивается и становится в положение исходной позиции. Правая рука поднимается к подбородку, а опущенный локоть страхует туловище. После нанесения прямого удара в голову левая рука кратчайшим путем немедленно возвращается в исходную позицию.

Прямой удар правой в голову (рис. 4а). Перед тем, как приступить к изучению техники этого приема, новички должны сделать два узелка на память.

Наиболее распространенная позиция для ведения дальнего боя — левосторонняя. Думаю, тут все ясно без долгих разъяснений:

такое положение позволяет максимально использовать "боевой потенциал" правой руки.

Вместе с тем у этой стойки есть одна слабая сторона: перчатки кикбоксера удалены от цели неодинаково, левая — ближе, в результате чего противник может легко заметить начало движения правой и своевременно принять защитные меры.

Выход? Тщательно готовить прямой удар с помощью различных тактических "финтов". Так и делают опытные кикбоксеры. Отступая назад, вызывают соперника на себя, чтобы затем внезапно контратаковать его правой рукой. Обманным движением левой заставляют противника раскрыться и тут же направляют два удара левой-правой в голову, в голову и туловище, отвлекая внимание от того места, куда будет нанесен главный удар правой, и т. д.

Техника нанесения удара правой рукой в голову следующая (рис. 4б).

Толчком носка правой ноги боксер направляет тело вперед; одновременно поворачивая туловище справа налево, посылает кулак прямолинейно к цели. Ладонь левой руки поднимается для страховки головы, а опущенный локоть прикрывает туловище. Правая нога в зависимости от дистанции либо остается на месте, либо подтягивается вперед.

Прямой удар правой в бою применяется в трех тактических формах: атакующей, встречной и ответной.

Атакующий одиночный прямой удар используется редко — в случаях, когда противник не подготовлен к защите.

Встречный удар построен на опережении атаки левой или правой руки соперника.

Ответный прямой удар наносится в голову или туловище после принятия прочной целесообразной защиты.

Прямой удар правой в туловище (рис. 5). Техника в принципе та же, что и при ударе в голову. Только угол наклона тела после толчка носком правой ноги — больше, а локоть левой руки сильнее подается внутрь для защиты.

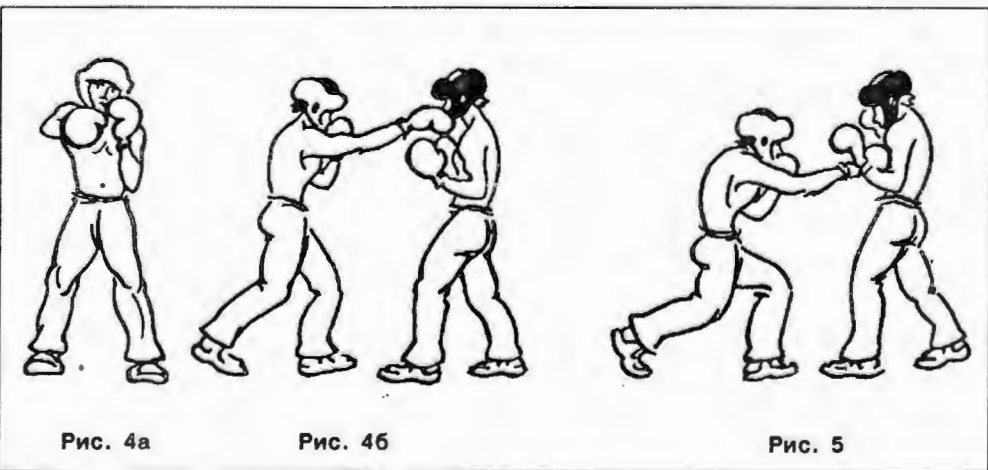

Рис. 4а

Рис. 4б

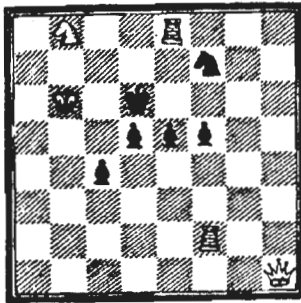
Рис. 5

Под редакцией
мастера спорта
А. Калинина

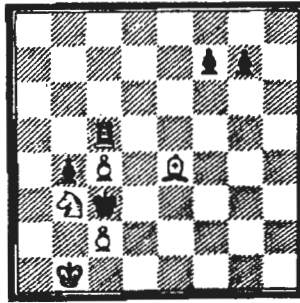
КОНКУРС РЕШЕНИЙ

№ 1 (1 балл)

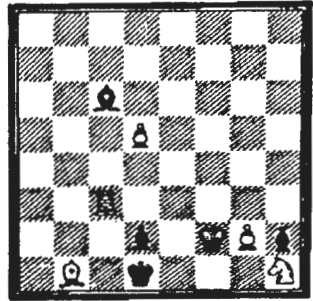
Мат в 2 хода

№ 2 (2 балла)

Мат в 3 хода

№ 3 (2 балла)

Мат в 4 хода

Идя навстречу пожеланиям читателей, объявляем годовой конкурс решения задач и этюдов. Условия конкурса: все произведения, начиная с настоящего номера и до конца года, являются конкурсными, срок присылки решений — два месяца с момента выхода журнала в свет (по почтовому штемпелю). Решения конкурсных заданий необходимо приводить полностью, со всеми вариантами, кроме двухходовок, для которых достаточно указать только первый ход.

Победители конкурса будут награждены шахматной литературой. В материальном отношении призы скромные, но они памяты для души.

Письма шлите в адрес редакции с пометкой на конверте "Шахматный конкурс". Ждем ваших решений по первым трем заданиям.

ФИШЕР ВНОВЬ НА ШАХМАТНОЙ СЦЕНЕ

Для Роберта Фишера двадцатилетнее затворничество ничего не изменило в шахматном мире, он по-прежнему считает себя непобежденным чемпионом мира, для него матч-реванш с Борисом Спасским — это естественное и законное продолжение борьбы за чемпионский титул.

Матч, ставший двухмесячным марафоном, имел шумный успех. Девять пресс-конференций, сотни статей и репортажей! Фишера называли проснувшимся вулканом. Призовой фонд — пять миллионов долларов!

Матч завершился 5 ноября 1992 года. В этот день игралась последняя, тридцатая партия, зафиксировавшая победу 49-летнего Фишера над 55-летним Спасским. 10 побед, 5 поражений и 15 ничьих — таков счет.

Предлагаем посмотреть 25-ю партию, в которой Фишер (белые) добился эффектной победы.

1. e4 c5 2. Кс3 Кс6. Чигоринская система сицилианской защиты. 3. Кge2 d6 4. d4 cd 5. К:d4 e6 6. Се3 Кf6 7. Фd2 Се7 8. f3 a6 9. 0-0-0 0-0 10. g4 К:d4

11. С:d4 b5 12. g5 Кd7 13. h4 b4? 14. Ка4 Сb7 15. Кb6. Это не жертва, если 15... К:b6, то 16. Ф:b4. 15... Лb8 16. К:d7 Ф:d7 17. Кpb1 Фс7 18. Сd3 Сс8 19. h5 e5 20. Се3 Се6 21. Лdg1 a5 22. g6 Cf6 23. gh+ Кph8 24. Сg5 Фе7 25. Лg3 С:g5 26. Л:g5 Фf6 27. Лhg1 Ф:f3 28. Л:g7 Фf6 29. h6 a4 30. b3 ab 31. ab Лfd8 32. Фg2 Лf8 33. Лg8+ Кр:h7 34. Лg7+ Кph8 35. h7. Черные сдались.

При просмотре партии нетрудно увидеть слабую игру Спасского, он будто не видел очевидную атаку на королевском фланге, а его атака на ферзевом, по выражению одного из шахматных обозревателей, "валялась в кювете".

Впереди у Фишера интереснейший матч с талантливой 16-летней венгерской шахматисткой Юдит Полгар. По словам Фишера, это будет встреча гения с гением.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

("На боевом посту" N 11 — 12, 1992)

N 17. Кpg8, Ле1, Лg1, Кg3, п. f4 — Кpf6, Лd7, Лh7, Кg6, п. f5, мат в 3 хода.

1. Кh5+ Л:h5 2. Л:g6+! Кр:g6 3. Ле6X!
N 18. Кpd8, Ла8, Лс5 — Кpd6, Лh1, выигрыш. 1. Лh5! Л:h5 2. Ла6+ Кре5 3. Ла5+ с выигрышем.

А свадьбам что — и места мало?..

Так с веселой усмешкой спрашивают меня все — и скептики, считающие клуб знакомств для военнослужащих делом зряшным, и те, кто с сочувствием и пониманием относятся к нашей работе, и те, кому просто любопытно: неужели правда, люди находят свою любовь по переписке?..

Да, есть у нас уже и свадьбы, и встречи, и благодарственные письма чуть ли не в каждой почте — за помощь в создании семьи. И если раньше солдат писал, что жить на свете не стоит — девушка не дождалась, то теперь настроение другое — «если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло!». И ищут в нашем клубе другую принцессу.

Очень много пишут нам курьезы, мы рады этому и лстим себя надеждой, что именно в нашем клубе возьмет свое начало не одна офицерская семья. Кто знает, где придется служить молодому лейтенанту — может, как раз там, где живет его пока не очень знакомая корреспондентка.

Хотелось бы, чтобы на странички клуба больше внимания обращали заместители командиров по работе с личным составом — ведь в деле воспитания чувств мы вам самые чуткие помощники, подумайте об этом!

Клуб пользуется успехом не только у людей военных. Девушки со всех уголков России и за ее пределами заинтересованно относятся к возможности познакомиться с верными, смелыми и надежными парнями из внутренних войск. И то, что наши парни не остаются без внимания прекрасной половины населения даже в такое неподходящее для рейтинга военных время, вселяет надежду.

Но теперь речь о другом — помогите своему клубу! Наша ритмичная, оперативная и эффективная работа — в ваших руках. Прежде всего четко соблюдайте совершенно необходимые правила переписки.

В письме-объявлении желательно кратко (не более 10 — 15 строк) рассказать о себе то, что считаете нужным: возраст, внешние данные, профессия, увлечения, взгляды на жизнь, а также пожелания или требования к тому, с кем хотите переписываться. Мы подготовим текст к печати, уведомим вас, когда письмо будет опубликовано. Поместить его можно и в журнале, и в газете «Ситуация». И тут вам мой совет: публикуйте сразу в двух изданиях. В «Ситуации» пройдет быстрее, и аудитория там больше гражданская. Но газета — еженедельник, ее читают неделю, потом забудут. А журнал читают долго (иногда заявки приходят через полгода!), кроме того, здесь больше мужская аудитория. И тут, чтобы не промахнуться, лучше учесть особенности и газеты, и журнала. При этом есть еще одно преимущество — скидка в оплате.

Еще раз напоминаем: в банк надо отправлять почтовым переводом лишь деньги, а в редакцию — квитанцию об оплате и письмо с текстом объявления или заявкой на высылку адреса. Пишите адрес четко и подробно. Прямо стонать хочется, когда приходит письмо с адресом вроде «на деревню дедушке, Константину Макарычу!». А ведь от нас вы ждете не дождетесь ответа и при этом наверняка клянете клуб: что молчит?!

Пожалуйста, не присылайте нам личных писем к абонентам. Кроме всего прочего, они при нынешней работе почты могут не дойти, а вы будете надеяться на нас. Не надо и денег в конверте — затеряются! В связи со

значительным повышением почтовых расходов просто необходимо вкладывать в письмо конверт с вашим обратным адресом.

И наконец, самое трудное для нас напоминание: заранее просим извинения за то, что без оплаты письма рассматриваться не будут. Нам, к сожалению, пришлось повысить расценки на услуги клуба — что поделаешь, рынок заел! И все-таки для военнослужащих срочной службы решено сделать значительную скидку. Думаем, что читатели отнесутся к этому с пониманием.

Конечно, не в деньгах счастье, но мы надеемся, что со временем, когда установятся нормальные рыночные отношения, можно будет вернуться к вопросу о снижении цен.

А пока за публикацию одного объявления надо переслать почтовым переводом 200 руб. в наш банк (его адрес: 111250, Москва, Е-250, коммерческий банк «Левфортовский», расчетный счет N 340616, МФО 201207). На конверте сделать пометку: «в журнал», или «в газету». Если вы решите опубликовать свое письмо в двух изданиях, получаете 10-процентную скидку, т.е. платите не 400, а 360 руб. При повторной публикации (иногда просят об этом) надо оплатить объявление снова.

За один адрес выбранного вами абонента таким же образом переводите в банк 40 руб.

Военнослужащие срочной службы платят за одно объявление 50 руб., за один адрес — 20 руб. При публикации объявления сразу в двух изданиях плата 90 руб. Сообщайте заранее адрес, на который вам писать после вашего увольнения.

Вот такая помощь нужна нам, дорогие друзья, и для вас станет реальностью наш девиз: «Встреча возможна!». Вот тогда приглашайте на свадьбу. И пусть ей будет мало и неба, и земли!

С искренним уважением ведущая клуба «Возможна встреча».

ЯНКОВСКАЯ Алла Казимировна.

000290-О.К.

Мне 19 лет, рост 164, мое созвездие — Овен. Люблю музыку, цветы, вообще природу, родилась и живу в деревне, сибирячка. Хотела бы переписываться с парнем постарше меня, среднего роста, добрым и спокойным, желательно военнослужащим срочной службы или курсантом.

Оксана.

000291-О.С.

В вашем клубе многие нашли свою судьбу, может, и мне повезет в "лотерее судьбы"... Я из семьи военнослужащего, поэтому жду писем от курсанта или офицера не старше 30 лет. Мне 22 года, рост 170, веселая, общительная. После пародии на семью осталась у меня малышка двух лет, и нам так не хватает для полного счастья верного, надежного друга.

Оксана.

000293-О.И.

Я — вдова (28 лет, рост 158), по гороскопу — Телец, по профессии медсестра, добрая, общительная, люблю домашний уют и детишек, у меня своих двое — дочке 8 лет, а сынишке 6. Живем мы в Москве. Очень надеюсь, что на мое письмо откликнется военный человек 30 — 40 лет, без вредных привычек, который, как и мы, нуждается в дружбе, взаимопонимании, любви. Желательно, чтобы у него там, где он живет, была жилплощадь.

Ольга.

000294-Т.Х.

Мне 21 год, рост 160, волосы темно-русые, глаза зеленые, русская, студентка вуза. Познакомлюсь с офицером или курсантом старшего курса в возрасте 20 — 25 лет, русским, ростом не ниже 170, решительным, добрым, с открытой душой, умеющим постоять за себя и своих близких. И еще — чтоб он не злоупотреблял алкоголем. Цель моего объявления — создание дружной, крепкой семьи.

Таня.

000295-С.Я.

Курсант высшего военного училища тыла желает познакомиться с привлекательной девушкой 17 — 20 лет с красивыми глазами, очаровательной улыбкой, длинными стройными ножками и гордым характером. О себе: броская внешность, возраст 20

лет, рост 185, спортивного телосложения, русский. Люблю спорт, рэп и вальс. По окончании училища получу диплом экономиста. Отвечу на все письма с фотографией. Жду свою единственную!

Сергей.

000296-В.П.

Познакомлюсь с военнослужащим 30 — 40 лет. Ценю доброту, мужество, верность, взаимопонимание. Отвечу откровенно на доброе письмо с фотографией. О себе кратко: служу мичманом, разведена, воспитываю сына 9 лет. Мне 33 года, невысокого роста, голубоглазая, русоволосая, люблю природу, поэзию, умею вкусно готовить. Еще одно увлечение — собираю различные материалы по Афганистану — и о войне той проклятой, и вообще о стране. Жду писем, но пьющих и тех, кто пишет ради праздного любопытства, прошу не беспокоить.

Валентина.

000297-Р.Л.

Не мечтаю о богине, но надеюсь познакомиться с симпатичной, умной и отзывчивой девушкой 16 — 19 лет. Мне самому 19, учусь на третьем курсе военного училища, увлекаюсь спортом, общительный, веселый, немного играю на гитаре. Умею держать слово и терпимо относиться к людям. Буду рад письму с фотографией, хотя отвечу на все письма.

Руслан.

000298-С.Т.

Решил испытать судьбу участием в вашем клубе. А что?! Я по натуре оптимист, веселый и общительный человек, так что все может быть! Надеюсь познакомиться с веселой, симпатичной девушкой 17 — 20 лет, не ниже 165. Мне 20, рост 183, брнет, русский, увлекаюсь атлетизмом, владею приемами рукопашного боя, служу в подразделении спецназа. Играю на гитаре. Из вредных привычек одна — курю. Жду ваших писем, девчата, а к письму обязательно фото!

Сергей.

000299-Н.Г.

Надеюсь стать верной спутницей для интеллектуала, увлекающегося спортом, желателен военнослужащего (возраст — до 30 лет, рост от 170). Мне 20 лет, рост 158, зеленоглазая, светло-русская, образование среднее меди-

цинское, интересы самые разносторонние.

Наташа.

000301-Я.Г.

Служу во внутренних войсках вместе со своим четвероногим другом Рокки, мне 19 лет, рост 178, занимаюсь кикбоксингом, люблю экзотику и все прекрасное. Хочу найти свою принцессу — милую, симпатичную, с серьезными намерениями. Пишите мне, девчонки! И присылайте, пожалуйста, фото.

Ян.

000302-О.Щ.

Желаю познакомиться с военнослужащим до 32 лет, шатеном, непьющим и некурящим. Ценю в людях искренность, порядочность, стремление бескорыстно помочь другому в трудной ситуации. Я сама военнослужащая, мне 28 лет, шатенка, рост 158, домохозяйка, люблю шить, читать и тоже спешу на помощь, когда вижу, что человеку плохо. Считаю, что иначе и жить — то зачем? Многие ли так думают?

Оксана.

000303-А.С.

Я — фронтовик, давно и пока безуспешно разыскиваю одну женщину — Борисову Солопан Нину (отчество не знаю), 1929 г.р. В 1950 — 1956 годах проживала в Таджикистане в райцентре Кокташ (сейчас пгт Ленинский), работала в конторе райшелка, жила в общежитии МТС. Прошу тех, кто знает хоть что-нибудь о ее судьбе, сообщить в клуб "ВВ".

Сайфулин А.К.

000304-Д.М.

В армии я уже отслужил, сейчас представитель рабочего класса (22 года, рост 177, знак Зодиака — Близнецы), зарабатываю прилично. Люблю поп-музыку, книги. Другой много, родных — тоже: сестра, брат, отец... И все-таки мне одиноко, нет любимой, с которой бы все пополам — и счастье, и тревоги. Надеюсь, что на мое письмо откликнется девушка до 22 лет, скромная, умеющая понять чужую боль и искренне радоваться успехам друга. Намерения у меня самые серьезные — создание крепкой и дружной семьи.

Дмитрий.

000306-С.Д.

Мне 19 лет, рост 173, по гороскопу — Дева, по характеру

добрая, отзывчивая, веселая, трудностей не боюсь. Так случилось, что остались мы с сынишкой вдвоем (ему уже годик), тяжело мне сейчас, добрые люди! Но я не унываю и надеюсь на встречу с добрым и веселым человеком до 30 лет, верным и надежным, желательно военным служащим. Мы с сыном ему будем очень рады.

Светлана.

000307-С.Г.

Пока служу в подразделении спецназа, но когда выйдет журнал, я уже буду гражданский житель моего родного Подмоскovie. К сожалению, до сих пор нет у меня любимой, а так не хватает родного и близкого человека! Девчата, отзовитесь! Мне 20 лет, увлекаюсь восточными единоборствами, медициной.

Сергей.

000308-А.У.

Мечтаю о доброй и умной, красивой и умеющей ждать девушке не старше 20 лет. Я курсант военного училища, 22 года, рост 180, красивый, темпераментный, увлекаюсь спортом, люблю хорошую музыку, книги, немного играю на гитаре. Девчата, очень жду ваших писем и отвечу на любое письмо, но желательно с фотографией.

Андрей.

000309-Г.С.

Мне 19 лет, высокий — 182, скоро заканчивается срок моей службы, но я остаюсь на сверхсрочную, по профессии музыкант, интересы разносторонние. Хотел бы в вашем клубе познакомиться с веселой, стройной девушкой 17 — 19 лет. Отвечу на все письма с фотографией.

Геннадий.

000311-О.П.

Живу в Подмоскovie и пока еще не служил в армии (мне 16 лет, рост 177, заканчиваю среднюю школу), но собираюсь поступать в милицискую школу или военное училище. А увлечение у меня — царство природы, растениеводство. Прошу откликнуться девушку 15 — 17 лет, живущую в Москве или Московской области, которой будут понятны мои интересы. Отвечу на все письма, но желательно с фотографией.

Олег.

000313-Д.Б.

Я курсант военного училища, 20 лет, рост 178, симпатичный, по характеру спокой-

ный, увлекаюсь спортом, охотой, люблю природу, современную музыку, книги. Мечтаю о доброй и умной, красивой и умеющей ждать девушке не старше 22 лет.

Дима.

000314-С.К.

Моя будущая специальность — экономист, учусь на 2-м курсе военного училища, мне 18 лет, рост 185, глаза голубые, шатен. Хотел бы познакомиться с высокой, симпатичной девушкой с хорошей фигурой, студенткой техникума или института. Буду рад письму с фотографией, которую при необходимости обещаю вернуть.

Святослав.

000316-О.К.

Где ты, моя половинка? Я надеюсь встретить тебя в клубе "Возможна встреча". Только тебе подарю тепло, любовь и верность. Хочу, чтобы ты был моряком или военным служащим, крепким и надежным парнем, ну и ростом не ниже 170! Напиши, твои добрые письма нужны девушке 18 лет, умеющей ждать и ставящей на первое место красоту души и верность.

Ольга.

000318-Т.С.

Мне 28 лет, рост 167, сынишке моему 3 года. По характеру я спокойная, серьезная, доброжелательная. Люблю уют и порядок в доме. Буду рада встрече с военным служащим 30 — 35 лет, добрым, честным, любящим детей, способным стать надежной опорой в семейной жизни.

Татьяна.

000319-В.Ф.

Родился под созвездием Скорпиона 21 год тому назад (рост 178), не курю, насчет выпить... по праздникам, считая, можно. Люблю поп-музыку и книги. Скоро заканчивается моя срочная служба, пойду работать по специальности (я окончил железнодорожный техникум). Пусть мне напишет девушка 17 — 22 лет, стройная, ростом не выше меня и обязательно некурящая — девчатам, уверен, это совсем ни к чему. Отвечу на все письма, но желательно с фотографией.

Василий.

000320-Ю.К.

Живу в Москве, работаю в детском саду, и работа мне в

радость, потому что обожаю детишек. А еще я учусь и в свободное время вяжу, вышиваю, мои вышивки сравнивают с картинами, и это мне нравится. Но не подумайте, что я уж такая домохозяйка — люблю путешествовать. А вот друга верного и надежного пока не нашла и надеюсь встретить такого в вашем клубе. Пусть он будет военным служащим — офицер или выпускник военного училища. О себе: 23 года, рост 162, стройная, симпатичная, нет ли — не знаю, но фото могу выслать.

Юлия.

000322-А.Л.

Мне 21 год, рост 185, атлетического телосложения, курсант выпускного курса — скоро в боевой строй офицеров внутренних войск, а любимой и верной, такой, с которой и трудности, и радость пополам, — нет! Вся надежда на ваш клуб, потому что рассчитываю именно здесь встретить свою милую, симпатичную, ласковую, а главное — верную подругу.

Александр.

000323-Р.К.

Думаю, что встречу в вашем клубе доброго и отзывчивого человека в возрасте от 21 до 27 лет, ростом не ниже 165, который хочет любить и быть любимым. А мне 20 лет, рост 162, темноволосая, работаю в городе, но родилась и выросла в сельской местности под созвездием Рака. По характеру спокойная, очень не люблю ссор — зачем ссориться с любимым, если все равно мириться надо? Жду письма, желательно, конечно, с фотографией.

Рая.

000324-И.О.

Симпатичная (говорят даже — обязательная) девушка 19 лет, рост 170, у которой нет любимого, мечтает познакомиться с хорошим, добрым парнем, служащим в армии, и стать для него верной подругой. Надеюсь своими письмами поддержать солдата в его нелегкой службе. Считаю, что если девушка дала слово, то уж должна дожидаться своего парня. Ведь одиночество всегда, а вдали от дома тем более, трудно. Пишите, ребята, отвечу всем, а выберу, конечно, единственного.

Ирина.

СТАТЬ ХОЗЯИНОМ НА ЗЕМЛЕ

ПОМОГУТ ВАМ СПЕЦИАЛИСТЫ ИНСТИТУТА

Извечна тяга человека к работе на земле. Многие офицеры, прапорщики и в период службы, и особенно уходя в запас, задумываются, как стать хозяином на земле. Для одних осуществление этой мечты связано с постройкой усадьбы с подворьем, для других — с открытием современной семейной фермы, позволяющей производить на ней выгодную для реализации сельскохозяйственную продукцию.

Каков бы ни был у человека размах устремлений, одного желания недостаточно — нужны вполне конкретные знания, чтобы уверенно начать свое дело. И тут без советов, рекомендаций специалистов тех или иных компетентных организаций обойтись трудно.

Учитывая все это, редакция журнала обратилась в Московский научно-исследовательский и проектный институт сельского строительства — ведущую проектную фирму по жилищному и производственному строительству на селе — с просьбой рассказать, чем и как можно помочь тем, кто планирует открыть свое дело на земле.

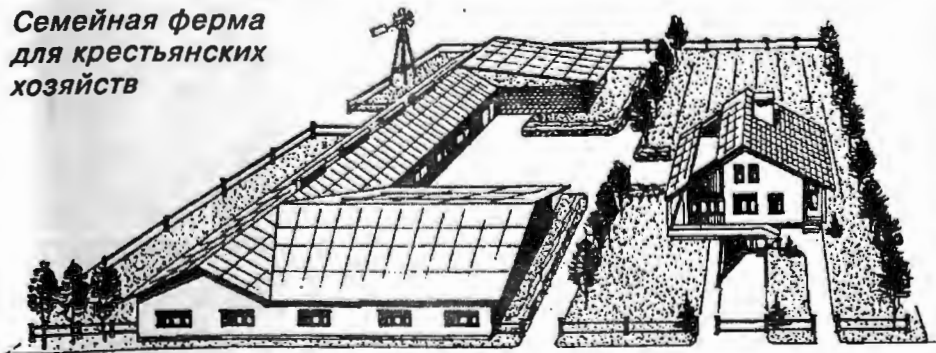
Своими соображениями по интересующим многих наших читателей вопросам любезно согласился поделиться директор Мосгипронисельстроя заслуженный строитель Российской Федерации Алексей Степанович МИРОШНИЧЕНКО.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО будущий владелец земли должен определить свои финансовые и трудовые возможности, найти — если речь пойдет, к примеру, о семейной ферме — спонсоров, кредиторов. После разрешения такого рода стартовых проблем необходимо со-

ставить технико-экономическое обоснование (ТЭО) — документ, позволяющий наиболее эффективно использовать капитальные вложения. Это, к слову, в полном объеме может выполнить наш институт. Квалифицированно составленное и реализованное на деле ТЭО по-

зволит быстро, примерно за год-полтора эксплуатации хозяйства, полностью окупить затраты фермера на его создание. Если же строить на глазок, то срок окупаемости затрат может растянуться на четыре, пять и более лет, а то и вовсе затея завершится банкротством.

*Семейная ферма
для крестьянских
хозяйств*

Важным шагом является отработка планировочной организации фермерского хозяйства. Для ориентации фермеров в этом важном деле институт издал специальный альбом, включающий более сорока вариантов генпланов ферм различных направлений и мощностей. В альбоме даны рациональные, опробованные на практике типы хозяйственных построек. В иллюстрированных каталогах крестьянских хозяйств и жилых домов каждый может выбрать образцы ферм и зданий по производству молока или мяса мощностью на 10, 15, 20, 25, 50, 100 коров; ферм различной мощности по производству

детский сад или что-то другое, а на втором — расположена уютная жилая квартира. В таких домах удачно сочетаются благоприятные условия для труда и комфортного отдыха. По желанию заказчиков выполняются проекты усадебных жилых домов с пекарнями, сыроварнями, помещениями для занятий художественными промыслами и т. п.

В числе последних наших разработок — жилище для предпринимателей, представляющее собой усадебный дом повышенной комфортности с набором вспомогательных и хозяйственных помещений. Это качественно новый тип дома, отве-

зывать проект? Судите сами: стоимость проектных работ составляет не более 4 — 6 процентов от стоимости строительства, а взамен вы получаете быструю окупаемость затраченных средств, надежность в эксплуатации и экономии не менее 20 процентов средств на строительство за счет применения новых научно-практических разработок ученых и проектировщиков института. Так, мы можем предложить оригинальные решения, которые только на фундаментах позволяют сэкономить 10 процентов от общей стоимости стройки.

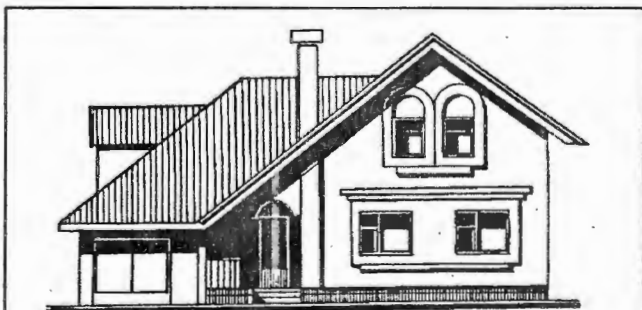
Впрочем, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать: в нашем выставочном зале экспонируются фотографии застроек с натуры, макеты с привязкой к местности. Если вы пожелаете, мы представим вам данные практически о любом типовом проекте, выполненном в СНГ. И еще о наглядности. По просьбе редакции предлагаем вниманию читателей рисунки двух типовых проектов: мансардного одноквартирного четырехкомнатного жилого дома (с гаражом, баней, помещением для домашних животных) и семейной фермы для крестьянских хозяйств.

Всегда к вашим услугам, готовы плодотворно сотрудничать, оказывать всемерную помощь. Заверяю: проекты нашей фирмы — гарантия вашего успеха в хозяйствовании на земле.

Письма и пожелания направляйте по адресу: 117863, Москва, ул. Обручева, 46, Мосгипронисельстрой, код «БП-1».

Контактные телефоны: 333-23-14, 333-22-41.

ОТ РЕДАКЦИИ. Вступив в контакт с Мосгипронисельстроем, мы планируем пойти дальше — например, публиковать проекты и варианты постройки жилых домов, ферм, советы и рекомендации по выполнению тех или иных строительных работ. Но нам необходимо четко представлять, насколько все это интересно читателям. Ждем писем от вас.

Мансардный одноквартирный четырехкомнатный жилой дом (с гаражом, баней, помещением для домашних животных)

свинины; птицеводческих комплексов; предприятий по переработке сельхозпродукции; теплиц и хранилищ плодоовощной продукции; ферм и зданий зернового направления; жилых домов для фермеров. Все это оперативно и недорого можно заказать у нас.

Институт располагает современными проектами крестьянских ферм не только различного масштаба, но и с различной технологией содержания животных, с вариантом собственного кормопроизводства.

В Мосгипронисельстрое накоплен большой опыт проектирования жилых домов, совмещенных с производственной частью. Подобные строения возведены, в частности, в Подмосковье и, по отзывам, получили самые лестные оценки. В них на первом этаже размещены, допустим, магазин, чайная,

чающий самым высоким современным требованиям уклада жизни фермера. Такой дом состоит из пяти — восьми комнат и предназначен для проживания большого семейства, включающего представителей нескольких поколений. Для каждого из них создается относительно изолированное пространство. Но в то же время имеется и зона для совместного общения — гостиная площадью 30 кв. м, столовая площадью 15 — 20 кв. м, которая соединена с 10-метровой кухней. К гостиной или столовой примыкает веранда или оранжерея. Здесь же предусмотрено спальная зона (две спальни и санузел). Второй этаж отведен для родственной молодой семьи — с гостиной, кухней, столовой, санузлом с ванной, двумя спальнями.

У застройщиков нередко возникают сомнения: а не слишком ли накладно зака-

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА БОЕВОМ ПОСТУ

93

Индекс 70610

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

Ежемесячный военно-публицистический и литературно-художественный журнал «На боевом посту», внутренних войск МВД России с 1 марта 1993 года открывает подписку на второе полугодие.

Итоги подписной кампании на первую половину года нас порадовали – даже в сложной экономической ситуации вы, дорогие читатели, сохранили верность журналу. Мы стараемся оправдать ваше доверие. Во втором полугодии будем придерживаться прежнего курса: всеми доступными нам средствами отстаивать интересы читателей, информировать о событиях в горячих точках, оперативно публиковать принятые правовые акты, затрагивающие интересы военнослужащих, членов их семей, военных пенсионеров. Мы расскажем о лучших людях внутренних войск, о наиболее актуальных проблемах военной реформы. Любители приключенческого жанра найдут на наших страницах остро сюжетные детективы Э. Гарднера, О. Горчакова, Д. Сейерс, Ю. Семенова.

Один номер журнала обойдется подписчику в 25, а подписка на квартал – в 75 рублей. Но проще и легче оформить подписку до конца года: затратив всего 150 рублей, вы избавите себя от необходимости платить торговую наценку предприятиям Роспечати.

Окончательная подписная цена (с учетом стоимости доставки) определяется вашим почтовым отделением – ее можно узнать в каталоге по месту подписки.

До встречи во втором полугодии!

**ВЫ ПОДПИСАЛИСЬ? И НЕ ЗРЯ!
А НЕ УСПЕЛИ – ТОРОПИТЕСЬ!**

Профессиональное
военно-спортивное
агентство
«ФУЛЛ-КОНТАКТ»
К ВАШИМ УСЛУГАМ

Индекс 70510

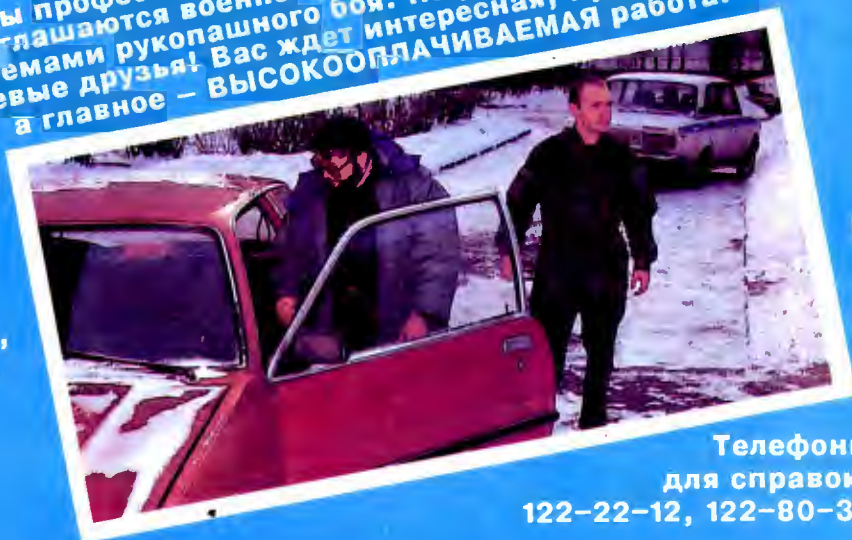
«ФУЛЛ-КОНТАКТ» ЭТО:

- ЗАЩИТА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН
- ОХРАНА ИМУЩЕСТВА СОБСТВЕННИКОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПРИ ЕГО ТРАНСПОРТИРОВКЕ
- ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕЛОВЫХ ВСТРЕЧ, ПЕРЕГОВОРОВ
- УСЛУГИ ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ

В ряды профессионалов военно-спортивного агентства приглашаются военнослужащие запаса, владеющие приемами рукопашного боя. Не упустите свой шанс, боевые друзья! Вас ждет интересная, престижная, а главное — **ВЫСОКОПЛАЧИВАЕМАЯ** работа.

НАШ АДРЕС:
113209, г. Москва,
ул. Перекопская,
дом 1, корп. 2

Телефоны
для справок:
122-22-12, 122-80-39